смена

Орден
Знак
Почета

смена

№8 АВГУСТ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ 2016

№8 август 2016

СМЕНА август 2016 16+

Неизвестное об известном

Юрий Осипов **Одиночество и свобода Владимира Набокова** 4

Житейские истории

Ольга Степнова **Взятка** 28

Из российской истории

Светлана Бестужева-Лада **Род Бестужевых-Рюминых**..... 38

Рассказ

Евгений Рудашевский **Нерпёнок Тюлька** 54
Приблуда 57

Замечательные современники

Ольга Михайлова **Фантастика Хелью Ребане** 62

Елена Воробьева **Дмитрий Вдовин: «Сегодня театрам нужны молодые певцы»**..... 80

Виктор Ом **Мой Зульфикаров** 100

Судьба художника

Ирина Опимах **Сюзанна Валадон. Любовь, которая всегда была с ней** 66

Минувшее

Алла Зубкова **Подруга Великого Петра** 88

Поэзия

Валерий Митрохин **Стихи** 107

Литературные страницы МСПС

Иван Переверзин **Постижение любви** 112

Детектив

Р. Остин Фримен **Красный отпечаток большого пальца**..... 130

Кроссворд. Эрудит 188

Р. Остин Фримен

КРАСНЫЙ ОТПЕЧАТОК большого пальца

Глава 1
Мой ученый собрат

«Conflagratam Anno 1677. Fabricatam Anno 1698. Richardo Powell Armiger Thesaurar». Слова, размещенные на четырех панелях, которые образовывали фриз ниже фронтона прекрасной кирпичной галереи, подытоживали историю одного из высоких домов, расположенных в верхнем конце Кингс-Бенч-уок. Когда я несколько рассеянно прочитал надпись, продолжая восхищаться изысканно выполненной резной кирпичной кладкой и спокойным достоинством здания, в пустой раме галереи появилась фигура, своим париком и старомодным одеянием столь близкая старинным декорациям, что, казалось, она завершала картину; и я задержался, чтобы бросить на нее ленивый взгляд. Мужчина остановился в дверном проеме, чтобы перевернуть пачку бумаг, которую держал в руке, и, подняв глаза, встретился со мной взглядом. Мгновение мы безразлично рассматривали друг друга с тем вниманием, которое уделяют друг другу случайные незнакомцы, затем последовала вспышка мгновенного узнавания. Бесстрастное и довольно суровое лицо юриста смягчилось веселой улыбкой, и фигура, отделившись от рамы, спустилась по лестнице, протягивая мне руку в сердечном приветствии.

— Мой дорогой Джервис, — воскликнул он, когда мы тепло пожали друг другу руки, — это восхитительный сюрприз! Как часто я думал о моем старом товарище и гадал, увижу ли я его когда-нибудь снова? И вот!

Он здесь, выброшенный на мелководье Иннер Темпла, как хлеб, пущенный по водам, из крылатого выражения.

— Ваше удивление, Торндайк, ничто по сравнению с моим, — ответил я. — В свое время я простился с респектабельным практикующим врачом, а нахожу его превратившимся в представителя закона, облаченного в парик и мантию.

— Изменения не столь велики, как вы думаете, — рассмеялся в ответ Торндайк. — Гиппократ лишь прячется под мантией Солона, как вы поймете, когда я объясню мою метаморфозу, а я сделаю это сегодня же вечером, если вы не связаны никакими обязательствами.

— Вечером я свободен, — сказал я, — и полностью в вашем распоряжении.

— Тогда приходите в семь. Мы съедим по отбивной, выпьем по пинте кларета и обменяемся автобиографиями. Сейчас у меня нет времени, через несколько минут я должен быть в суде.

— Вы проживаете в этой благородной старой галерее? — спросил я.

— Нет, хотя я очень хочу, чтобы это было так. Моя квартира несколькими этажами ниже — номер «6-А».

На вершине Миддл-Темпл-лейн мы расстались, Торндайк в развевающейся мантии продолжил свой путь в сторону суда, в то время как я направил стопы в сторону Адам-стрит, излюбленного прибежища медицинских деятелей.

Нежный звон колокола на Темпле приглушенно сообщил о наступлении семи часов (словно извиняясь за то, что прервал тишину научных занятий), когда я возник из-под арки Епископского суда и повернул на Кингс-Бенч-уок.

Мощеный тротуар был пуст, если не считать единственной фигуры, медленно расхаживавшей перед входом в здание, и хотя парик теперь уступил место фетровой шляпе, а мантия — пиджаку, я без труда узнал в ней моего друга.

— Вы по-прежнему пунктуальны до минуты, как и в старые добрые времена, — увидев меня, улыбнулся Торндайк. — Теперь я познакомлю вас со своим жилищем. Вот мое скромное пристанище.

Мы вошли через главный вход и поднялись по каменной лестнице на первый этаж, где оказались лицом к лицу с массивной дверью, над которой белыми буквами было написано имя моего друга.

— Снаружи довольно непривлекательно, — заметил Торндайк, вставляя ключ в замок, — но внутри довольно уютно. — Он толкнул тяжелую дверь и придержал ее, чтобы пропустить меня. — Вы, вероятно, посчитаете, что моя квартира — некая странная смесь, потому что она сочетает в себе привлекательные стороны конторы, музея, лаборатории и мастерской.

— И ресторана, — добавил невысокий пожилой человек, сцеживавший бутылку кларета посредством стеклянного сифона. — Об этом вы позабыли, сэр.

— Да, Полтон, позабыл, зато вижу, что вы не позабыли. — Торндайк бросил взгляд в сторону небольшого стола, располагавшегося возле огня и уставленного всем необходимым для нашей трапезы.

— Скажите мне, — снова заговорил он, когда мы осуществили первую стремительную атаку на плоды кулинарных экспериментов Полтона, — что произошло с вами с тех пор, как вы шесть лет назад оставили больницу?

— Мою историю можно рассказать быстро, — ответил я не без горечи. — В ней нет ничего исключительного. Мои средства кончились, как вы знаете, довольно неожиданно. Когда я уплатил взносы за экзамен и регистрацию, мой сейф оказался абсолютно пуст, и, хотя, без сомнения, медицинский диплом содержит, говоря словами Джонсона, возможность богатства для тех, кто воздерживается от мечтаний алчности, на практике есть огромная разница между возможностью и действительностью. Я действительно зарабатывал себе средства к существованию, иногда как ассистент, иногда как locum tenens. Сейчас у меня нет работы, и мое имя попало в список ждущих свободных вакансий.

Торндайк сжал губы и насупился.

— Страшный позор, Джервис, — сказал он некоторое время спустя, — что человек ваших способностей и знаний должен растрачивать свое время по мелочам на случайных работах, как полуквалифицированный бездельник.

— Верно, — согласился я, — мои достоинства весьма недооцениваются. Но чего вы хотите, мой ученый собрат? Если бедность идет за вами по пятам и опускает невидимый колпачок на ваш светильник в тридцать тысяч свечей, очень вероятно, что его блеск будет погашен.

— Да, полагаю, что это так, — пробормотал Торндайк и на некоторое время погрузился в глубокую задумчивость.

— А теперь, — прервал я его размышления, — представьте обещанное вами объяснение. Я положительно сгораю от любопытства узнать, какая цепочка обстоятельств превратила Джона Ивлина Торндайка из практикующего врача в светило юриспруденции.

— Факты таковы, — благосклонно улыбнулся он, — что такого превращения не произошло. Джон Ивлин Торндайк все еще практикующий врач.

— В парике и мантии! — воскликнул я.

— Да, совершенный баран в волчьей шкуре. Я расскажу вам, как это произошло. После того как вы оставили больницу, я продолжал работать, отказавшись от нескольких мелких должностей и остановившись на хими-

ческих и физических лабораториях и музее. Потом я обратился в суд в надежде стать коронером, но вскоре после этого старый Стедмэн неожиданно ушел в отставку — вы помните Стедмэна, преподавателя судебной медицины, — и я подал заявление на освободившуюся вакансию. К моему удивлению, меня назначили лектором, после чего я выбросил из головы коронерство, занял мою теперешнюю квартиру и стал ждать, что будет дальше.

— И что же произошло дальше?

— Я получил весьма любопытный набор смешанной практики, — ответил Торндайк. — Сначала мне достался всего лишь случайный анализ дела об отравлении, вызывавшего сомнения, но постепенно сфера моего влияния расширилась, и сейчас она включает все дела, в которых специальные знания в области медицины или физики могут быть поставлены на службу закона.

— Но вы, как я вижу, выступаете в суде, — заметил я.

— Очень редко. Чаще я появляюсь в роли этакого bête noir судей и адвокатов, то есть научного свидетеля, а в большинстве случаев не появляюсь вообще. Я только руковожу расследованиями, привожу в порядок и анализирую результаты и натаскиваю адвоката, предоставляя ему факты и советы для перекрестного допроса.

— Хорошее занятие, более интересное, чем заменять отсутствующего врача, — произнес я слегка завистливо. — Но вы заслуживаете преуспеяния, потому что всегда работали за двоих, не говоря уже о ваших способностях.

— Да, я работал много, — ответил Торндайк, — и продолжаю работать много, но у меня есть время для дела и время для отдыха, в отличие от вас, бедных тружеников общей практики, которые обязаны встать из-за обеденного стола или пробудиться от своего первого сна… Будь проклято это все! Кто это может быть? — вдруг воскликнул он, ибо в этот момент раздался громкий стук в дверь. — Надо посмотреть, кто это, хотя хотелось бы, чтобы люди понимали намек в виде закрытой дубовой двери.

Торндайк пересек комнату и рывком открыл дверь, всем своим видом выражая отнюдь не любезный вопрос.

— Сейчас, конечно, довольно поздно для делового визита, — произнес извиняющийся голос снаружи, — но мой клиент очень хотел видеть вас безотлагательно.

— Входите, мистер Лоули, — довольно сухо проговорил Торндайк, и, пока он придерживал дверь, вошли два посетителя.

Это были двое мужчин — один средних лет, несколько лисьей внешности, похожий на типичного юриста, другой — изящный, красивый молодой человек очень располагающей наружности, хотя в данный момент довольно бледный и напуганный, явно в состоянии сильного возбуждения.

— Я боюсь, — сказал он, бросив взгляд на меня и на обеденный стол, — что наш визит в высшей степени несвоевременен. Если мы действительно беспокоим вас, доктор Торндайк, умоляю, скажите нам, и мы уйдем, мое дело может подождать.

Торндайк бросил острый и любопытный взгляд на молодого человека и ответил уже в гораздо более благожелательном тоне:

— Я полагаю, ваше дело такого рода, что не может ждать, а что касается нашего беспокойства — что ж, мой друг и я, мы оба доктора, а, как вы понимаете, ни один доктор не может назвать какую-либо часть суток безоговорочно своей.

Я поднялся, когда вошли незнакомцы, и теперь сказал, что могу прогуляться по набережной и вернуться позже, но молодой человек перебил меня:

— Умоляю, не уходите! Факты, которые я хочу изложить доктору Торндайку, завтра в это же время будут известны всему миру, так что повода для секретности нет.

— В этом случае, давайте придвинем кресла к огню и незамедлительно перейдем к делу, — предложил Торндайк. — Мы только что закончили обедать и ждали кофе, который, как я слышу, мой слуга уже несет.

Мы передвинули кресла, и, когда Полтон поставил кофе на стол и удалился, мистер Лоули без предисловий приступил к делу.

Глава 2
Подозреваемый

— Я бы предпочел, — начал он, — дать вам общий очерк дела, как оно представляется юридическому уму, а затем мой клиент, мистер Рубен Хорнби, может дополнить мой рассказ деталями, если это необходимо, и ответить на любой вопрос, который вы захотите задать ему.

Мистер Рубен служит в предприятии своего дяди Джона Хорнби, который занимается обработкой золота и серебра и торгует драгоценными металлами. На этом предприятии выполняются и внешние заказы, но главная работа заключается в проверке и обработке образцов золота, присылаемых из неких шахт в Южной Африке.

Около пяти лет назад мистер Рубен и его кузен Уолтер — другой племянник Джона Хорнби — окончили школу и стали работать у своего дяди, собираясь, в конце концов, стать партнерами в фирме и занимая весьма ответственные должности.

А теперь несколько слов о том, как ведется дело в организации мистера Хорнби. Образцы золота передаются в порту уполномоченному пред-

ставителю фирмы — обычно мистеру Рубену или мистеру Уолтеру, — которого присылают, чтобы встретить корабль, и который сопровождает образцы в банк или мастерские, смотря по обстоятельствам. Конечно, прилагаются все усилия, чтобы иметь на дому как можно меньше золота, и оно всегда перевозится в банк при первой же возможности. Но иногда, по непредвиденным обстоятельствам, случается, что весьма ценные образцы должны остаться в доме на всю ночь, так что все здания предприятия оборудованы укрепленными помещениями для их приема, а в личном кабинете начальника стоит мощный сейф под его присмотром. В качестве дополнительной предосторожности, за ним приглядывает и смотритель, который работает ночью и периодически патрулирует помещение.

Теперь об очень странной истории, которая случилась с этим сейфом. Один из клиентов мистера Хорнби в Южной Африке интересуется алмазной шахтой, и, хотя сделки с драгоценными камнями не относятся к делам, которые ведет фирма, он время от времени посылал мистеру Хорнби партии необработанных алмазов, чтобы тот либо оценил их, либо передал посредникам, торгующим алмазами.

Две недели назад мистера Хорнби известили, что партия камней отправлена на судне «Замок «Элмина», эта партия необычайно велика и содержит камни исключительного размера и ценности. С учетом этих обстоятельств мистера Рубена отправили на пристань в ранний час в надежде, что корабль прибудет в такое время, чтобы камни можно было сразу положить в банк. Однако, к сожалению, этого не произошло, и алмазы пришлось взять на предприятие и запереть в сейф.

— Кто поместил их в сейф? — спросил Торндайк.

— Сам мистер Хорнби, которому мистер Рубен передал пакет после своего возвращения из порта.

— Так, и что случилось потом?

— На следующее утро, когда сейф открыли, обнаружилось, что алмазы исчезли.

— Было ли помещение взломано?

— Нет. Оно было закрыто, как обычно, и смотритель, дежуривший, как обычно, ничего не слышал. К тому же сейф был не поврежден снаружи. Очевидно, его открыли ключами и снова закрыли после того, как забрали камни.

— И на чьем попечении были ключи от сейфа? — осведомился Торндайк.

— Мистер Хорнби обычно держит ключи при себе, но иногда, когда он покидает контору, передает их одному из своих племянников — любому, кто в тот момент бывает на месте. Но в данном случае ключи были у него с собой, с того момента, когда он запер сейф, положив в него алмазы, и до момента, когда открыл его на следующее утро.

— Были ли какие-нибудь улики, указывающие на кого-то конкретно?

— Да, — сказал мистер Лоули, бросая взгляд на своего клиента с явным чувством неловкости, — к сожалению, были. Кажется, лицо, извлекшее алмазы, порезало или каким-то образом поцарапало большой или другой палец, потому что на дне сейфа были две капли крови, а на клочке бумаги — одно или два кровавых пятна, кроме того, замечательно отчетливый отпечаток большого пальца.

— Также в крови? — спросил Торндайк.

— Да. Палец, по-видимому, задел одну из этих капель, а затем им надавили на бумагу, когда держали ее в руке. Одним словом, отпечаток большого пальца был опознан как принадлежащий… мистеру Рубену Хорнби.

— Ха! — воскликнул Торндайк. — Сюжет усложняется местью. Я предпочел бы набросать несколько заметок, прежде чем вы продолжите.

Он взял из ящика небольшую записную книжку в бумажном переплете, на обложке которой написал «Мистер Рубен Хорнби», и сделал несколько кратких заметок.

— Теперь, — закончив писать, сказал Торндайк, — касательно этого отпечатка пальца. В правильности опознания, как я полагаю, нет сомнений?

— Ни малейших, — ответил мистер Лоули. — Люди из Скотланд-Ярда, конечно, забрали бумагу, которая была передана руководителю отдела по отпечаткам пальцев для исследования и сравнения с отпечатками в их собрании. В отчете экспертов было сказано, что отпечаток большого пальца не совпадает с каким-либо из отпечатков преступников, которые имеются в их распоряжении. Он очень своеобразен, так как бороздки на луковице большого пальца пересекает рубец от глубокого пореза, делающий отождествление легким и безошибочным, и совпадает во всех отношениях с отпечатком пальца мистера Рубена Хорнби.

— Есть ли какая-нибудь вероятность, — спросил Торндайк, — что бумага, на которой остался отпечаток пальца, могла быть подброшена?

— Нет, — ответил юрист, — совершенно невозможно. Бумага, на которой был найден отпечаток, — это лист из книги для заметок мистера Хорнби. Он записал на нем несколько замечаний относительно алмазов и положил на пакет, перед тем как закрыть сейф.

— Присутствовал ли кто-нибудь при том, как мистер Хорнби открывал сейф утром?

— Нет, он был один. Он сразу увидел, что алмазы отсутствуют, а затем заметил бумагу с отпечатком большого пальца, после чего запер сейф и послал за полицией.

— Не странно ли, что вор не заметил отпечатка пальца, столь индивидуального и заметного?

— Не думаю, — ответил мистер Лоули. — Бумага лежала лицевой стороной вниз на дне сейфа, и мистер Хорнби заметил отпечаток пальца, только когда поднял ее и перевернул.

— Вы упомянули, что эксперты в Скотланд-Ярде опознали этот отпечаток большого пальца как принадлежащий мистеру Рубену Хорнби. Могу я спросить, как они получили возможность сделать сравнение?

— Ах! — воскликнул мистер Лоули. — В связи с этим возникает весьма любопытная история с совпадениями. Полиция, конечно, пожелала взять отпечатки больших пальцев у всех служащих предприятия, но мистер Хорнби отказался дать такое разрешение, сказав, что он не позволит подвергнуть своих племянников такому оскорблению. В его племянниках, главным образом, и была заинтересована полиция, и на мистера Хорнби было оказано серьезное давление, чтобы получить их отпечатки пальцев. Однако он был упрям, отвергая мысль о любом подозрении в отношении того или другого, так как оказывал им полное доверие. Дело так бы и осталось загадкой, если бы не весьма странное обстоятельство.

Вы, возможно, видели в книжных киосках и витринах магазинов приспособление под названием «Пальцеграф», или что-то в этом роде, состоящее из маленькой книжки с чистыми листами для сбора отпечатков пальцев, а также из чернильной подушечки.

— Я видел эти изобретения лукавого, — кивнул Торндайк.

— Так вот, кажется, несколько месяцев назад миссис Хорнби, жена Джона Хорнби, купила одну из этих игрушек…

— На самом деле, — вмешался Рубен, — это мой кузен Уолтер купил ее и подарил тете.

— Хорошо, это не существенно, — раздраженно проговорил мистер Лоули (хотя я заметил, что Торндайк отметил этот факт в своей записной книжке), — в любом случае миссис Хорнби стала обладательницей одного из этих приспособлений и начала наполнять его отпечатками пальцев своих друзей, включая двух племянников. А вчера случилось так, что детектив, ведущий это дело, позвонил в дом мистера Хорнби, когда тот отсутствовал, и получил возможность убедить ее воздействовать на своего мужа, чтобы он согласился передать отпечатки больших пальцев ее племянников в Скотланд-Ярд для исследования экспертами. Он указал, что процедура действительно необходима не только в интересах правосудия, но и в интересах самих молодых людей, к которым полиция относилась с большим подозрением. Его можно было отбросить, если показать путем сравнения, что отпечаток пальца не мог быть оставлен никем из них. Более того, оба молодых человека выразили желание пройти проверку, но дядя запретил им это. Затем миссис Хорнби пришла в голову блестящая идея. Она внезапно вспомнила про «Пальцеграф» и, собираясь, наконец, разрешить вопрос, по-

казала детективу книжечку, которая содержала отпечатки обоих больших пальцев мистера Рубена (помимо всех прочих). Так как детектив имел при себе фотографию обличающего отпечатка, сравнение было сделано, и вы можете представить себе ужас и изумление миссис Хорнби, когда стало ясно, что отпечаток левого большого пальца ее племянника мистера Рубена в каждой детали соответствует отпечатку пальца, найденному на сейфе.

В этот момент на сцене появился мистер Хорнби и, конечно, был испуган таким поворотом событий. Он хотел бы замять дело и возместить потерю алмазов из своих собственных средств, но, поскольку это практически означало бы покрыть тяжкое уголовное преступление, он не имел иного выбора, как выступить в качестве обвинителя. В результате был выписан ордер на арест мистера Рубена, оформлен он был сегодня утром, а мой клиент был незамедлительно препровожден на Боу-стрит и обвинен в ограблении.

— Были представлены какие-либо очевидные доказательства? — спросил Торндайк.

— Нет. Заключенный освобожден на неделю, залог был принят от двух поручителей, в сумме пятисот фунтов от каждого.

— Что вы посоветовали вашему клиенту?

— Я рекомендовал ему признать вину и положиться на мягкость суда к оступившемуся впервые. Вы сами должны видеть, что это единственная возможная линия защиты.

Молодой человек залился краской, но ничего не сказал.

— Давайте проясним наше положение, — решительно заговорил Торндайк. — Защищаем ли мы невиновного человека или же пытаемся смягчить приговор для человека, который признает, что он виновен?

— На этот вопрос лучше всего ответит наш клиент, — пожал плечами мистер Лоули.

Торндайк направил пытливый взгляд на Рубена Хорнби, заметив:

— Мы спрашиваем не для того, чтобы каким-либо образом обвинить вас, мистер Хорнби, но я должен знать, какую позицию вы собираетесь занять.

— Моя позиция такова, — ответил Рубен. — Я не совершал этой кражи и не знаю ничего о ней или об отпечатке большого пальца, который был найден в сейфе. Я, конечно, не ожидаю, что вы поверите мне, но самым торжественным образом заявляю перед Богом, что я совершенно невиновен в этом преступлении и ничего о нем не знаю.

— Вы далеко не первый невиновный человек, кто сделал такое заявление, — заметил мистер Лоули. — Часто это лучшая политика, если защита безнадежно слаба.

— Это политика, которая не будет выбрана мной, — покачал головой Рубен. — Я могу быть и, возможно, буду осужден и приговорен, но, что бы ни случилось, я буду продолжать настаивать на своей невиновности. Вы дума-

ете, — добавил он, поворачиваясь к Торндайку, — что можете заняться моей защитой? И считаете ли возможным поверить в мою невиновность?

— Это единственное допущение, при котором я соглашусь заняться этим делом, — ответил Торндайк. — Я человек фактов, не адвокат, и, если бы я счел невозможным принять гипотезу о вашей невиновности, то не стал бы тратить время и силы, разыскивая доказательства, ее подтверждающие. Тем не менее, должен вас заверить, что дело представляет огромные сложности, и мы должны быть готовы к тому, что они окажутся неодолимыми, несмотря на все наши усилия.

— Я не ожидаю для себя ничего, кроме обвинительного приговора, — ответил Рубен спокойным и решительным голосом, — и могу принять его как мужчина, если только вы не считаете мою виновность доказанной, а даете мне шанс на защиту — неважно, насколько маленький.

— Сделаю все, что в моих силах, — пообещал Торндайк. — Неравные шансы против вас сами по себе побуждают приложить усилия, поскольку я заинтересовался этим делом. А теперь позвольте спросить вас, имеются ли какие-либо рубцы или порезы на ваших пальцах?

Рубен Хорнби протянул обе руки моему коллеге, и я заметил, что они были сильными и красивыми, как руки искусного ремесленника, хотя за ними безупречно ухаживали. Торндайк установил на столе большой конденсатор, из тех, что используются для микроскопической работы, и, взяв руку своего клиента, направил яркое пятно света на каждый палец по очереди, исследуя с помощью карманных линз их кончики и участки вокруг ногтей.

— Прекрасная рука, — сказал он, одобрительно рассматривая ее,— но я не вижу никакого следа рубца ни на правой, ни на левой. Не хотите взглянуть, Джервис? Кража имела место две недели назад, так что было время для того, чтобы маленький шрам или рубец затянулся и полностью исчез. Однако этот факт стоит отметить.

Он передал мне лупу, и я тщательно исследовал каждую часть обеих рук, не заметив ни малейшего следа какой-либо недавней раны.

— Есть еще один вопрос, которому мы должны уделить внимание, прежде чем вы уйдете, — сказал Торндайк, нажимая кнопку электрического звонка рядом со своим креслом. — Я возьму у вас один или два отпечатка левого большого пальца.

В ответ на вызов из своего логова, являвшегося, видимо, лабораторией, появился Полтон и, получив инструкции, удалился, а через некоторое время вернулся, неся ящик, который положил на стол. Из этого вместилища Торндайк извлек яркую медную пластину, вставленную в плиту из твердой древесины, маленький вал печатника, тюбик чернил для снятия отпечатков пальцев и ряд белых блестящих карточек.

— Ну, мистер Хорнби, — сказал он, — ваши руки, как я вижу, выше всякой критики в отношении чистоты, но мы, несмотря на это, наведем на большой палец окончательный глянец.

Он принялся чистить луковицу большого пальца хорошо намоченной щеточкой для ногтей из барсучьего волоса, потом, ополоснув его в воде, высушил шелковым носовым платком и вытер кусочком замши. Подготовив таким образом палец, выдавил каплю густых чернил на медную пластину и размазал ее валиком, время от времени проверяя качество получающейся пленки, касаясь плиты кончиком своего пальца и оставляя отпечаток на одной из карточек.

Когда чернила были раскатаны до требуемой тонины, он взял руку Рубена и проворно прижал большой палец к раскатной плите, затем, перенеся его к одной из карточек, вновь надавил на палец, и на карточке остался отчетливый отпечаток большого пальца. Этот маневр был повторен дюжину раз на двух карточках, каждая из которых, таким образом, получила шесть отпечатков.

— А теперь, — сказал Торндайк, — когда мы снабжены всем возможным материалом для сравнения, возьмем кровавый отпечаток. — Проколов собственный большой палец иголкой, он выдавил большую каплю крови на карточку и с улыбкой заметил: — Не каждый юрист прольет кровь в интересах своего клиента.

Сделав дюжину отпечатков и поставив номер напротив каждого, он снова заговорил:

— Теперь мы снабжены материалом для первоначального расследования, и, если вы дадите мне ваш адрес, мистер Хорнби, мы можем рассматривать наше дело на данный момент законченным. Я должен извиниться перед вами, мистер Лоули, что задержал вас своими опытами так долго.

Юрист действительно наблюдал за происходящим с плохо скрытым нетерпением и поднялся с очевидным облегчением оттого, что все закончилось.

— Мне было в высшей степени интересно, — лживо заявил он, — хотя признаюсь, что не вполне понимаю ваши намерения. И, кстати, я бы хотел сказать вам несколько слов на другую тему, если мистер Рубен не возражает подождать меня на улице несколько минут.

— Вовсе нет, — ответил тот. — Не торопитесь из-за меня, мое время принадлежит мне — пока что. — И протянул на прощание руку Торндайку.

— До свидания, мистер Хорнби, — сердечно пожал ее доктор. — Не будьте неумеренно оптимистичны, но в то же время не падайте духом. Сохраняйте здравомыслие и дайте мне знать сразу же, как с вами произойдет что-то, что может иметь отношение к делу.

Молодой человек вышел, и, когда дверь за ним закрылась, мистер Лоули повернулся к Торндайку:

— Я подумал, что лучше перекинуться с вами словечком наедине. Хотелось бы узнать, какой линии вы предлагаете держаться, потому что, признаюсь, ваша позиция совершенно меня озадачила.

— Какую линию предложили бы вы? — спросил Торндайк.

— Ну, — пожал плечами юрист, — положение, кажется, следующее: наш юный друг украл пакет с алмазами и был узнан, это то, как дело представляется мне.

— Но совсем не то, как представляется мне, — сухо обронил Торндайк. — Он мог взять алмазы, а мог и не взять. У меня нет возможности судить, пока я не проанализирую свидетельства и не получу больше фактов. Поэтому, полагаю, что мы отложим рассмотрение нашего плана, пока я не увижу, какую линию защиты можно принять.

— Как вам угодно, — кивнул мистер Лоули, беря свою шляпу, — но боюсь, что вы поощряете юного негодяя развлекаться надеждами, которые только сделают его падение более тяжелым — не говоря уже о нашем собственном положении. Мы не хотим выставить себя посмешищем в суде, знаете ли.

— И я, естественно, не хочу, — согласился Торндайк. — Однако я рассмотрю дело и свяжусь с вами в течение дня или двух.

Он стоял, держа дверь открытой, пока юрист спускался по лестнице, а когда шаги, наконец, затихли, резко закрыл ее и повернулся ко мне с видом, выражающим досаду:

— «Юный негодяй» не показался мне очень счастливым в выборе солиситора. Кстати, Джервис, насколько я понимаю, вы сейчас без работы?

— Да, — ответил я.

— Не хотите ли помочь мне — на деловой основе, разумеется, — поработать над этим делом? У меня на руках много другой работы, и ваша помощь имела бы для меня огромную ценность.

Я сказал, не погрешив против истины, что был бы счастлив.

— Тогда приходите к завтраку, мы обговорим сроки, и вы сможете сразу приступить к своим обязанностям. А теперь давайте закурим трубки и продолжим нашу беседу, как если бы взволнованные клиенты и тупоголовые солиситоры не существовали.

Глава 3
Леди в деле

Когда я появился в квартире Торндайка на следующее утро, то нашел моего друга уже погруженным в работу. Завтрак был накрыт на одном конце

стола, в то время как на другом стоял микроскоп того типа, который используется для изучения микроорганизмов, культивируемых на чашках, на его широкой подставке была одна из карточек с шестью кровавыми отпечатками пальцев. Конденсатор направлял яркое пятно света на карточку, которую изучал Торндайк.

— Вижу, вы начали работать над нашей проблемой, — заметил я, когда, в ответ на двойной сигнал электрического звонка, вошел Полтон со всем необходимым для нашей трапезы. — Однако я не могу вообразить, каким путем вы собираетесь пойти. Мне его дело кажется настолько безнадежным, насколько можно представить. Не хочу осуждать его, но его невиновность кажется почти немыслимой.

— Дело, безусловно, выглядит безнадежным, — согласился Торндайк, — и в настоящий момент я не вижу выхода. Но я придерживаюсь правила во всех случаях начинать с классических линий индуктивного исследования — собираю факты, выдвигаю гипотезы, проверяю их и стремлюсь к подтверждению. В нашем случае, принимая во внимание, что ограбление действительно имело место, мы можем выдвинуть четыре приемлемых гипотезы: первое — ограбление было совершено Рубеном Хорнби, второе — оно было совершено Уолтером Хорнби, третье — оно было совершено Джоном Хорнби, и, наконец, четвертое — каким-то другим лицом или лицами. Последней гипотезой я предлагаю пока пренебречь и ограничиться исследованием трех остальных.

— Вы считаете возможным, что мистер Хорнби мог украсть алмазы из своего собственного сейфа? — воскликнул я.

— В настоящий момент я не склоняюсь ни к одной из версий, только излагаю гипотезы. Джон Хорнби имел доступ к алмазам, следовательно, он мог украсть их.

— Но отпечаток пальца, мой дорогой друг! — воскликнул я. — Что вы можете поделать с ним?

— Не знаю, что я могу, — невозмутимо ответил Торндайк, — но вижу, вы придерживаетесь той же точки зрения, что и полиция, которая упорно рассматривает отпечаток пальца как волшебный критерий, последнее доказательство, за пределы которого расследование не имеет необходимости идти. Это существенная ошибка. Отпечаток пальца — это только факт, очень важный и значительный, признаю, но всего лишь факт, который, как и любой другой, должен быть взвешен и измерен в отношении его доказательной ценности.

— И с чего вы предлагаете начать?

— Сначала я удостоверюсь в том, что подозрительный отпечаток большого пальца идентичен с отпечатком Рубена Хорнби — в чем, однако, у меня очень мало сомнений, потому что эксперты по отпечаткам пальцев заслуживают безусловного доверия в своей области.

— А затем?

— Соберу свежие факты, рассчитывая на вашу помощь, и, если мы закончили завтрак, я могу познакомить вас с вашими новыми обязанностями.

Он встал и позвонил, а затем, принеся из конторы четыре маленьких блокнота в бумажной обложке, положил их передо мной на стол.

— Один из этих блокнотов мы посвятим данным относительно Рубена Хорнби. Вы узнаете все, что сможете, не важно, насколько тривиальным или на первый взгляд незначительным оно будет, и занесете в этот блокнот. — Он написал на обложке «Рубен Хорнби» и передал блокнот мне. — В этот второй блокнот вы занесете аналогичным образом все, что сможете узнать об Уолтере Хорнби, а в третий блокнот — данные относительно Джона Хорнби. Четвертый блокнот вы придержите для отдельных фактов, связанных с делом, но не подходящих ни под одну из этих рубрик. А теперь взглянем на продукт производства Полтона.

Он взял из рук помощника фотографию десяти дюймов в длину и восьми в ширину, сделанную на лощеной бромированной бумаге и прочно посаженную на жесткую карточку. Она демонстрировала сильно увеличенное факсимиле одного из отпечатков пальца, где все малейшие детали были ясно видны невооруженным глазом.

— Превосходное увеличение, Полтон! — одобрительно сказал Торндайк. — Видите, Джервис, мы сфотографировали отпечаток большого пальца, наложив на него нумерованный микрометр, разделенный на квадратики размером в одну двенадцатую дюйма. Увеличение восьмикратное, так что квадратики — каждый две трети дюйма в поперечнике. У меня есть несколько этих микрометров с различными шкалами, и я нахожу их бесценными в исследовании чеков, сомнительных подписей и тому подобного. Я вижу, вы упаковали камеру и микроскоп, Полтон, а микрометр взяли?

— Да, сэр, — ответил тот, — и шестидюймовый объектив, и маломощный окуляр, все в этом ящике.

— Тогда мы выступим и бросим вызов львам Скотланд-Ярда в их собственной берлоге, — сказал Торндайк, надевая шляпу и перчатки.

— Но, — заметил я, — вы же не собираетесь тащить огромный микроскоп в Скотланд-Ярд, когда вам нужно только восьмикратное увеличение. Нет ли у вас анатомического микроскопа или какого-нибудь другого переносного инструмента?

— У нас есть самый восхитительный инструмент анатомического типа собственного изготовления Полтона — он вам его покажет. Но мне может понадобиться более мощный инструмент — и здесь позвольте предостеречь вас: что бы я ни делал, ничего не говорите при чиновниках. Мы ищем информацию, а не даем ее, вы же понимаете.

В этот момент маленький медный молоток на двери издал робкий и извиняющийся стук.

— Что за дьявол это может быть? — проворчал Торндайк, ставя микроскоп обратно на стол. Он шагнул к двери, открыл ее несколько резко, но тут же сорвал с головы шляпу, и я увидел стоящую на пороге леди.

— Доктор Торндайк? — спросила она, и, когда мой коллега поклонился, продолжила: — Я должна была написать, чтобы попросить о встрече, но дело довольно срочное — оно касается мистера Рубена Хорнби, и я узнала от него только сегодня утром, что он консультировался с вами.

— Прошу, войдите, — пригласил Торндайк. — Доктор Джервис и я как раз собираемся в Скотланд-Ярд именно по этому делу. Позвольте мне представить вас моему коллеге, который работает над этим делом вместе со мной.

Наша посетительница, высокая красивая девушка лет двадцати, ответила на мой поклон и сказала с совершенным самообладанием:

— Мое имя — Гибсон, мисс Джульет Гибсон. Мое дело очень простого характера и не отнимет у вас больше нескольких минут. — Она села в кресло, которое предложил ей Торндайк, и продолжила в живой и деловой манере: — Я должна сказать вам, кто я, чтобы объяснить мой визит. Последние шесть лет я жила с мистером и миссис Хорнби, хотя не состою с ними в родстве. Впервые я вошла в дом в качестве чего-то вроде компаньонки миссис Хорнби, хотя, так как в то время мне было лишь пятнадцать лет, мои обязанности были не очень обременительными. В действительности, я думаю, миссис Хорнби взяла меня, потому что я была сиротой, а у нее не было своих детей.

Три года назад я получила небольшое состояние, которое сделало меня независимой, но я была так счастлива с моими милыми друзьями, что попросила позволения остаться с ними, и с тех пор жила на положении приемной дочери. Естественно, я наблюдала грандиозную деятельность их племянников, которые проводили в доме значительную часть времени, и мне не нужно говорить вам, что ужасное обвинение против Рубена было для нас подобно удару молнии. Я пришла к вам вот почему: я не верю, что Рубен украл эти алмазы. Это совершенно противоречит всему моему опыту общения с ним. Я убеждена, что он невиновен, и готова отстаивать свое мнение.

— Каким образом? — спросил Торндайк.

— Увеличивая военные ресурсы, — ответила мисс Гибсон. — Я понимаю, что юридический совет и помощь требуют существенных затрат.

— Боюсь, что вы хорошо информированы, — заметил Торндайк.

— Финансовые источники Рубена, я уверена, не очень обширны, так что необходимо, чтобы друзья поддержали его, и я хочу вас уверить: ничто из того, что может помочь доказать его невиновность, не останется несделан-

ным, если я буду отвечать за все расходы, которые он не сможет понести. Я предпочту, конечно, не фигурировать в деле, если этого можно избежать.

— Ваша дружба в высшей степени практического рода, мисс Гибсон, — сказал мой коллега с улыбкой. — На самом деле расходы не составляют для меня проблемы. Если хотите поупражняться в щедрости, обратитесь к солиситору мистера Рубена через вашего опекуна, мистера Хорнби, и с согласия обвиняемого. Но я не думаю, что такой случай возникнет, хотя очень рад вашему приходу, потому что вы можете оказать нам ценную помощь другими способами. Например, вы могли бы ответить на один или два вопроса, по видимости, не относящихся к делу.

— Я не считаю не относящимся к делу никакой вопрос из тех, что вы сочтете нужным задать, — ответила наша посетительница.

— Тогда осмелюсь поинтересоваться, существуют ли какие-либо особые отношения между вами и мистером Рубеном?

— Вы ищете неизбежный для женщины мотив, — слегка вспыхнула мисс Гибсон. — Нет, не было никаких нежных отношений между Рубеном и мной. На самом деле, то, что я могу назвать склонностью, существует в другой области — Уолтер Хорнби.

— Вы хотите сказать, что обручены с мистером Уолтером?

— О, нет! Но он просил меня выйти за него замуж, причем, не один раз, и я действительно полагаю, что он искренне привязан ко мне. Правда, у меня около шести сотен дохода в год, и я неплохая партия для молодого человека вроде Уолтера, у которого нет ни собственности, ни надежд, но, как я уже сказала, полагаю, что он довольно искренен в своих заверениях, и его привлекают не только мои деньги. И все же, хотя мне было бы жаль приложить к Уолтеру Хорнби слово «корыстный», я никогда не встречала молодого человека, который придавал бы большее значение деньгам. Он собирается преуспеть в жизни, и я не сомневаюсь, что преуспеет.

— Насколько я понимаю, вы отказали ему?

— Да. Мои чувства в отношении него чисто дружеские, а этого мало, чтобы думать о браке с ним.

— А теперь вернемся на минуту к мистеру Рубену. Вы давно его знаете?

— Да, где-то лет шесть, — ответила мисс Гибсон. — И, опираясь на мои собственные наблюдения, могу сказать, что не знаю случая, когда бы он сказал неправду или совершил бесчестное деяние. Воровство — это просто смешно! Его привычки всегда были недорогими и умеренными, он совершенно лишен честолюбия, и в отношении к «главному шансу» его безразличие так же бросается в глаза, как и пылкость Уолтера. Он щедрый человек, хотя осторожен и прилежен.

— Благодарю вас, мисс Гибсон, — сказал Торндайк. — Мы обратимся к вам за дальнейшей информацией, по мере того как дело будет продви-

гаться. Я уверен, что вы, с вашей ясной головой и восхитительной искренностью, сможете помочь нам, если захотите. Оставьте нам вашу карточку, доктор Джервис и я будем сообщать вам о нашем расследовании и обратимся к вам за помощью, если она понадобится.

После того как наша прекрасная посетительница нас покинула, Торндайк минуту или чуть больше стоял, уставившись на огонь. Затем, быстро взглянув на часы, снова надел шляпу, схватил микроскоп, вручил мне футляр с фотоаппаратом и направился к двери.

— Как бежит время! — заметил он, когда мы спускались по лестнице. — Но оно не потеряно даром, не так ли?

— Думаю, что нет, — неуверенно ответил я.

— Вы думаете, нет! Перед нами такая милая маленькая проблема, какую вы только могли бы пожелать, и ваше дело решить ее.

— Вы имеете в виду отношения мисс Гибсон с этими двумя молодыми людьми? Это как-то связано с нашей проблемой?

— Безусловно, — ответил Торндайк. — На этом предварительном этапе все связано с нашей проблемой.

— Хорошо, тогда, для начала, она не слишком без ума от Уолтера Хорнби.

— Вы правы, — согласился Торндайк с мягкой улыбкой, — осмотрительный Уолтер не сумел внушить девушке великой страсти.

— Далее, если бы я был искателем руки мисс Гибсон, думаю, я бы скорее стоял в туфлях Рубена, чем Уолтера.

— Здесь я снова с вами, — кивнул Торндайк. — Продолжайте.

— Ну, наша прекрасная посетительница создала у меня впечатление, что ее очевидное восхищение характером Рубена умеряется чем-то, что она слышала от третьих лиц. Ее выражение, «опираясь на мои собственные наблюдения за ним», кажется, подразумевает, что ее наблюдения не совпадают с чьими-то еще.

— Молодец! — воскликнул Торндайк, хлопая меня по спине, к неприкрытому удивлению полицейского, мимо которого мы проходили. — Это то, что я надеялся в вас найти, — способность замечать саму суть в, казалось бы, очевидном. Да, кто-то действительно говорил что-то о нашем клиенте, и мы должны узнать, что было сказано, и кто именно говорил. Мы должны найти повод для новой беседы с мисс Гибсон.

К этому времени мы уже добрались до Скотланд-Ярда и шли по узкому коридору, когда встретили одетого в форму сотрудника, который остановился и приветствовал моего коллегу.

— А я полагал, что мы вскоре должны увидеть вас здесь, доктор, — сердечно проговорил он. — Сегодня утром я слышал, что вы занимаетесь этим делом об отпечатке большого пальца.

— Да, — ответил Торндайк, — я хочу посмотреть, что может быть сделано для защиты.

— Ну, — сказал офицер, — вы преподнесли нам изрядное множество сюрпризов, но преподнесете больший, если сможете сделать что-нибудь для нее. Это самый твердый орешек, который когда-либо пытались разгрызть ваши зубы — а у вас довольно-таки крепкие зубы, скажу я вам. Вам лучше пройти в кабинет мистера Синглтона. — И он проводил нас по коридору в большую, просто обставленную комнату, где мы нашли степенного джентльмена, сидящего за большим письменным столом.

— Здравствуйте, доктор, — сказал он, вставая и пожимая Торндайку руку. — Могу угадать, зачем вы пришли. Хотите увидеть отпечаток большого пальца, а?

— Совершенно верно, — ответил Торндайк, а затем, представив меня, продолжил: — Мы были партнерами в последней игре, но теперь сидим по разные стороны доски.

— Да, — согласился мистер Синглтон, — и мы собираемся поставить вам мат.

Он открыл ящик стола, достал небольшую папку и извлек из нее лист бумаги, на котором было написано карандашом: «Оставлено Рубеном в 7.3 пополудни, 9.3.01, Дж.Х.» На одном конце листа было темное кровавое пятно, слегка размазанное, видимо, пальцем, оставившим отпечаток, а рядом с ним — два или три мазка меньшего размера и отчетливый отпечаток большого пальца.

Торндайк внимательно вглядывался в бумагу минуту или две, тщательно исследуя по очереди отпечаток пальца и мазки, но не делая замечаний, в то время как мистер Синглтон наблюдал за его бесстрастным лицом с выжидающим любопытством.

— С установлением принадлежности этого отпечатка немного сложностей, — наконец заметил чиновник.

— Вы правы, — согласился Торндайк, — это замечательный оттиск и очень отчетливый экземпляр, даже если не принимать во внимание шрам.

— Да, — ответил мистер Синглтон, — шрам делает его абсолютно убедительным. У вас с собой есть отпечаток, я полагаю?

— Да, — ответил Торндайк и достал из широкого бокового кармана увеличенную фотографию, при взгляде на которую лицо мистера Синглтона расплылось в улыбке:

— Я вижу, вы поделили его на нумерованные квадратики — неплохой план, но наш лучше подходит для этой цели.

Он достал из папки полупластинку с фотографией отпечатка большого пальца, который выглядел увеличенным примерно до четырех дюймов в длину. Отпечаток был снабжен рядом цифр, четко написанных отлично за-

остренным пером, каждая цифра была помещена на «островок», в петлю, в разветвление или в какой-нибудь другой характерный фрагмент рисунка бороздок.

— Эта система отметок каталожными номерами, — сказал мистер Синглтон, — лучше, чем ваш метод квадратиков, потому что номера помещены только в точках, которые важны для сравнения, в то время как ваши квадратики или точки пересечения линий произвольно падают на важные или неважные точки, в зависимости от случая. Кроме того, мы не можем позволить вам разметить наш оригинал, но можем дать фотографию, и вы с таким же успехом ею воспользуетесь. А теперь я должен заняться своей работой, если вы меня извините. Инспектор Джонсон окажет вам любую помощь, какая вам потребуется.

— И посмотрит, чтобы я не положил оригинал в карман, — с улыбкой добавил Торндайк.

— О, я присмотрю за этим, — возвращаясь к своему столу, ухмыльнулся мистер Синглтон.

Торндайк открыл ящик с микроскопом и достал инструмент.

— Вы что, собираетесь поместить его под микроскоп? — воскликнул инспектор.

— Я должен что-то сделать, чтобы оправдать свой гонорар, знаете ли, — ответил Торндайк, устанавливая микроскоп и прикрепляя на револьвер для трех объективов два дополнительных объектива. — Заметьте, никакого обмана нет. — Он взял бумагу со стола мистера Синглтона и поместил ее между двумя длинными узкими полосками стекла.

— Я наблюдаю за вами, сэр, — предупредил мистер Синглтон, следя за Торндайком с пристальным вниманием и огромным интересом, в то время как тот положил стеклянные полоски на держатель и приступил к фокусировке.

Я также наблюдал за Торндайком и был порядком обеспокоен приготовлениями моего коллеги.

Завершив настройки, он опять исследовал пятна крови и отпечаток большого пальца при проходящем и отраженном свете и наскоро набросал одну или две диаграммы в своем блокноте. Затем положил спектроскоп и лампу в ящик, достал микрометр — полоску довольно тонкого стекла размером примерно три дюйма на полтора, и, положив на отпечаток пальца вместо верхней стеклянной пластинки, начал двигать его, сравнивая расположение линий с линиями на большой фотографии, которую держал в руке. После продолжительной настройки и перенастройки он показался удовлетворенным, потому что сказал мне:

— Думаю, я получил линии в том же положении, в котором они находятся на нашем отпечатке, так что мы возьмем с собой фотографию, которую сможем исследовать на досуге.

Он достал фотоаппарат, подготовил его к съемке и, перед тем как начать фотографировать, обратился к нам с инспектором:

— Я попрошу вас сесть и не двигаться, пока я делаю экспозицию. Малейшей вибрации достаточно, чтобы нарушить четкость изображения.

Закончив съемку, он поменял кассету и сделал еще одну экспозицию тем же способом, а затем, передвинув микрометр и заменив его полоской простого стекла, сделал еще две экспозиции.

— Ну, — сказал он с довольным видом, когда начал упаковывать то, что инспектор охарактеризовал как его «ящик фокусника». — Я думаю, теперь у нас есть все данные, которые можно было выжать из Скотланд-Ярда, и я весьма обязан вам, мистер Синглтон, за то, что вы предоставили так много возможностей вашему естественному врагу, представителю защиты.

— Не нашему естественному врагу, — запротестовал мистер Синглтон. — Мы работаем для обвинения, конечно, но не чиним помех на пути защиты. Вы отлично это знаете.

— Конечно, знаю, мой дорогой сэр, — ответил Торндайк, пожимая чиновнику руку. — Разве я не пользовался вашей помощью множество раз? Но тем не менее я в высшей степени обязан вам. До свидания.

— До свидания, доктор. Желаю вам удачи, хотя боюсь, что в этот раз вы окажетесь в тупике.

— Посмотрим, — ответил Торндайк, и, дружески взмахнув рукой инспектору, он подхватил два ящика и последовал к выходу из здания.

Глава 4
Доверительные сообщения

Пока мы шли домой, мой друг был необычно задумчив и молчалив, а его лицо несло печать сосредоточенности, под которой, как мне казалось, можно было определить, несмотря на привычно бесстрастное выражение, некоторое подавленное возбуждение, доставлявшее ему, однако, удовольствие. Я, однако, воздерживался от замечаний или вопросов, не только потому, что он был занят: исходя из своего знания людей, я рассудил, что он считает себя обязанным держать свои мысли в тайне и не делать мне ненужных доверительных сообщений.

Когда мы прибыли в его квартиру, он сразу же передал камеру Полтону, сделав краткие указания относительно проявления пластинок, и, поскольку ланч уже был готов, мы без промедления сели за стол и молча приступили к нашей трапезе. Через некоторое время Торндайк внезапно положил нож и вилку и с улыбкой посмотрел на меня:

— Мне только что пришло в голову, Джервис, что вы самый лучший компаньон в мире. У вас есть посланный небесами дар молчания.

— Если молчание — критерий качеств компаньона, — ответил я с усмешкой, — думаю, я могу сделать вам такой же комплимент, причем, более выразительно.

— Вам угодно быть саркастичным, как я вижу, но я настаиваю на своей точке зрения, — весело рассмеялся Торндайк. — Способность своевременно сохранять молчание — редчайшее и ценнейшее из достоинств. Кстати, — уже серьезно добавил он, — я сделал одну забавную оплошность.

— Какую же? — спросил я.

— «Пальцеграф». Я не выяснил, располагает ли им полиция, или он все еще находится в распоряжении миссис Хорнби.

— Это важно?

— Не очень, но я должен увидеть его. И, возможно, он даст нам великолепный повод навестить мисс Гибсон. Так как сегодня я занят в больнице, а у Полтона полно работы, было бы хорошо, если бы вы присоединились к компании в Эндсли-Гарденс и попытались побеседовать с мисс Гибсон конфиденциально о нравах и обычаях трех мсье Хорнби. Разузнайте все, что сможете, о характерах и привычках этих трех джентльменов, и пусть вас не смущают соображения деликатности. Для нас важно все, даже имена их портных.

— А в отношении «Пальцеграфа»?

— Выясните, у кого он сейчас, и, если он все еще в распоряжении миссис Хорнби, попросите ее одолжить его нам или, что еще лучше, пусть разрешит сфотографировать его.

— Все будет сделано, как вы сказали, — пообещал я.

Примерно через час я уже приводил в движение колокольчик, висевший на дверях дома Хорнби в Эндсли-Гарденс.

— Мисс Гибсон, сэр? — повторила горничная в ответ на мой вопрос. — Она собиралась уходить, но я не уверена, что она действительно ушла. Если вы войдете, я схожу и посмотрю.

Я последовал за ней в гостиную и, прокладывая себе путь сквозь выводок маленьких столов и разнородной мебели, посредством которой дамы в наше время обращают свои владения в подобие лавки комиссионера, «бросил якорь» по соседству с камином, чтобы подождать горничную.

Ждать пришлось недолго, потому что уже через пару минут мисс Гибсон сама вошла в комнату. На ней были шляпа и перчатки, и я поздравил себя со своевременным прибытием.

— Я не ожидала увидеть вас вновь так скоро, доктор Джервис, — сказала мисс Гибсон, дружелюбно протягивая мне руку, — но вы все равно очень желанный гость. Пришли сообщить мне что-то?

— Наоборот, — ответил я, — пришел спросить вас кое о чем.

— Что ж, это лучше, чем ничего, — с ноткой разочарования протянула она. — Не хотите ли присесть?

Я осторожно уселся на карликовый стул болезненного вида и заговорил:

— Вы помните вещь, именуемую «Пальцеграфом»?

— Очень хорошо помню, — энергично кивнула мисс Гибсон. — Эта вещь была причиной всех неприятностей.

— Не знаете, забрала ли его полиция?

— Один из детективов отвез «Пальцеграф» в Скотланд-Ярд, и они хотели оставить его у себя, но миссис Хорнби была так измучена мыслью о том, что он будет использован в качестве доказательства, что ей позволили взять его обратно. Видите ли, он больше не был им нужен, так как они могли снять отпечаток сами, поскольку имели в своем распоряжении Рубена, на самом деле он предложил взять у него отпечаток сразу же после того, как был арестован, они так и поступили.

— Так что теперь «Пальцеграф» в распоряжении миссис Хорнби?

— Да, если она не уничтожила его. Она говорила, что собирается так поступить.

— Надеюсь, она так не сделала, — с тревогой проговорил я, — потому что доктор Торндайк по некоторым причинам крайне заинтересован в том, чтобы исследовать его.

— Она спустится через несколько минут, и тогда мы это узнаем. Я сказала ей, что вы здесь…

Не успела мисс Гибсон договорить, как дверь гостиной открылась, и в комнату вошла пожилая леди. Она была несколько дородной, с дружелюбным и безмятежным выражением лица и показалась мне (если быть честным) довольно глупой.

— Это миссис Хорнби, а это — доктор Джервис, — представила нас друг другу мисс Гибсон и продолжила: — Он пришел расспросить о «Пальцеграфе». Вы не уничтожили его, я надеюсь?

— Нет, моя дорогая, — ответила миссис Хорнби. — Он хранится в моем маленьком бюро. Что доктор Джервис хотел знать о нем?

— Мой коллега, доктор Торндайк, хотел бы исследовать его. Он организует защиту вашего племянника, — пояснил я.

— Да, да, — сказала миссис Хорнби. — Джульет говорит, он прелесть. Вы согласны с ней?

— Ну, — ответил я с сомнением, — я никогда не рассматривал моего коллегу в качестве «прелести», но весьма высокого мнения о нем во всех отношениях.

— Давайте вернемся к причине визита доктора, — перебила меня мисс Гибсон. — Вы дадите ему «Пальцеграф», тетя, чтобы показать его доктору Торндайку?

— О, моя дорогая Джульет, — ответила миссис Хорнби, — я бы сделала все — все, чтобы помочь нашему бедному мальчику. Я никогда не поверю, что он может быть виновным в краже — обычной, вульгарной краже. Здесь какая-то ужасная ошибка — я убеждена в этом, Рубен никогда бы не совершил грабежа, он на это не способен. Бриллианты, скажут тоже! Зачем, спрашиваю я вас, Рубену нужны бриллианты? Они ведь даже не огранены!

А «Пальцеграф» дам вам с огромнейшим удовольствием. Я так рада, что мистер Торндайк хочет посмотреть на него, это вселяет надежду, что он чувствует интерес к делу. Вы можете не возвращать его, доктор Джервис. Когда закончите с ним, бросьте его в огонь. Я не хочу видеть его снова.

— Не знаю, — сказал я, — зачем доктор Торндайк хочет исследовать «Пальцеграф», но, думаю, он может использовать его в качестве доказательства, в этом случае было бы лучше, чтобы эта вещь настоящее время не покидала вашего дома. Доктор Торндайк лишь уполномочил меня попросить вашего разрешения сфотографировать ее.

— О, если ему нужна фотография, — сказала миссис Хорнби, — я могла бы сходить и принести для него уже готовую безо всякого труда. Мой племянник Уолтер, я уверена, сделает для нас одну, если я попрошу его. Он, знаете ли, такой умный, не правда ли, Джульет, дорогая?

— Да, тетя, — быстро ответила мисс Гибсон, — но я думаю, доктор Торндайк охотнее бы сделал фотографию сам.

— Уверен, что это так, — согласился я. — В самом деле, фотография, сделанная другим лицом, будет не очень ему полезна.

— Ах! — воскликнула миссис Хорнби слегка обиженным тоном. — Вы думаете, Уолтер — всего лишь обычный любитель, но если бы я показала вам некоторые фотографии из тех, что он сделал, вы были бы действительно удивлены. Он необычайно талантлив, уверяю вас.

— Вы бы предпочли, чтобы мы доставили книгу в квартиру доктора Торндайка? — спросила мисс Гибсон. — Это сберегло бы время и избавило бы от беспокойства.

— Она очень нам нужна, — ответил я. — Мой коллега мог бы исследовать ее и решить, что с ней делать. Но это причинит вам столько беспокойства.

— Ничего подобного, — сказала мисс Гибсон. — Вы не против того, чтобы сопровождать меня этим вечером, если тетя не возражает?

— Конечно, нет, моя дорогая, — ответила миссис Хорнби.

Мисс Гибсон поднялась и, посмотрев на часы, заявила, что ей пора уходить. Я тоже поднялся, чтобы попрощаться, и она заметила:

— Если вы идете в ту же сторону, что и я, доктор Джервис, мы можем отправиться вместе.

Я не замедлил воспользоваться этим приглашением, и несколькими секундами позже мы покинули дом, оставив миссис Хорнби бессмысленно улыбаться нам вслед из открытой двери.

Некоторое время мы поднимались по улице в полном молчании. Но неожиданно мисс Гибсон повернулась ко мне с очень серьезным выражением лица и сказала:

— Я хочу задать вам вопрос, доктор Джервис. Скажите честно, мистер Торндайк надеется спасти бедного Рубена от страшной опасности, которая грозит ему?

Это был довольно острый вопрос, и я немного подумал, прежде чем ответить.

— Могу сказать, что доктор Торндайк взялся за это дело и энергично работает над ним, конечно, он не сделал бы этого, если бы считал его безнадежным.

— Это весьма обнадеживающая мысль, — улыбнулась она. — Вы ободрили меня больше, чем я могу выразить, и я не хочу задавать вам других вопросов. Правда, есть одна мелочь, не связанная с этим делом. Но она доставила мне много беспокойства, так как до некоторой степени воздвигла барьер между Рубеном и мною, а мы были такими близкими друзьями.

Я расскажу вам об этом, хотя, думаю, вы сочтете меня очень глупой.

Вы должны знать, что Рубен и я проводили много времени вместе, хотя мы были только друзьями. Рубен увлеченно изучает древнее и средневековое искусство, которым я также очень интересуюсь, так что мы обычно посещали музеи и галереи вместе и получали огромное удовольствие, сравнивая наши впечатления. Примерно шесть месяцев назад Уолтер отвел меня в сторону и с очень серьезным видом спросил, какие между Рубеном и мной отношения. Я сочла, что это довольно дерзко с его стороны, но, несмотря на это, честно призналась ему, что Рубен и я — просто друзья, и ничего больше.

— Если так, — сказал он, — я бы посоветовал, чтобы вас не видели вместе так часто.

— Почему нет? — удивилась я.

— Потому что Рубен — отъявленный дурак. Он болтает со своими знакомыми в клубе и, кажется, создает у них впечатление, что молодая леди со средствами и положением влюбилась в него, но он, будучи философом, с душой, превосходящей искушения, которые одолевают обычных смертных, выше и ее обольщений, и ее денежной привлекательности. Я даю вам совет для вашей собственной пользы, и ожидаю, что вы на этом остановитесь. Рубен не должен вам досаждать. Самые лучшие молодые люди часто ведут себя как щеголи и ослы, и у меня нет сомнений, что

люди весьма преувеличили то, что он говорил, однако я подумал, что будет правильным предостеречь вас.

Это сообщение, как вы можете догадаться, очень разозлило меня, и я хотела выяснить все с Рубеном здесь и сейчас. Но Уолтер не одобрил этого — «нет надобности устраивать сцену» — и настоял на строго конфиденциальном характере своего предостережения. И что я должна была делать? Я попыталась проигнорировать его слова и относиться к Рубену, как прежде, но обнаружила, что это невозможно, моя женская гордость была слишком глубоко ранена. Как вы думаете, что я должна была сделать?

Я в некотором замешательстве потер подбородок. Нет нужды говорить, что я был в высшей степени неприятно поражен поведением Уолтера Хорнби и склонен порицать свою прекрасную спутницу за то, что она выслушивала оскорбления в адрес своего кузена в его отсутствие, но я был не в том положении, чтобы бесцеремонно высказываться об особенностях отношений между этими троими.

— Положение кажется мне следующим, — сказал я после паузы, — либо Рубен говорил о вас крайне недостойно и неискренне, либо Уолтер умышленно солгал.

— Да, — согласилась она. — Но какая из двух альтернатив кажется вам более вероятной?

— Трудно сказать. Существует определенная разновидность невеж, имеющих привычку к хвастливому фанфаронству относительно своих побед, но, по-моему, Рубен Хорнби вовсе не похож на этот тип мужчины. Далее, ясно, что линия поведения, которую должен был выбрать Уолтер, если он действительно слышал такие толки, — это решить вопрос с самим Рубеном, вместо того чтобы тайно приходить к вам и наушничать. Это мое мнение, мисс Гибсон, но, конечно, я могу ошибаться. Я догадываюсь, что наши два молодых друга вовсе не являются неразлучными приятелями?

— О, они очень хорошие друзья, но их интересы и взгляды на жизнь довольно разные. Рубен, хотя и превосходный работник в деловые часы, по натуре все тот же студент, в то время как Уолтер — более практичный, человек дела, бесспорно дальновидный и проницательный. Он очень стремится добиться положения в обществе, но, боюсь, слишком любит деньги ради них самих, а это не очень приятная черта в характере молодого человека, верно?

Я согласился, что не очень.

— Непомерная увлеченность денежными делами, — продолжила мисс Гибсон тоном пророчицы, — может повести молодого человека по плохой дорожке. Я иногда испытываю тревожное чувство, что желание Уолтера быть богатым склоняет его обратиться к быстрому и простому методу сделать деньги. У него есть друг — мистер Хортон, — который играет

на фондовой бирже с известным размахом, и я неоднократно подозревала, что Уолтер вовлечен в то, что мистер Хортон называет «маленьким риском».

— Это не кажется мне очень дальновидным поступком, — заметил я с беспристрастной мудростью человека небогатого и, следовательно, свободного от соблазнов.

— Нет, этот поступок не дальновиден, — согласилась она. — Но аферист всегда думает, что выиграет, хотя я не говорю, что Уолтер — аферист. Ну, вот мы и пришли. Спасибо, что проводили меня, и надеюсь, что вы начали чувствовать себя меньшим чужаком в семье Хорнби. Мы придем сегодня вечером ровно в восемь.

Она протянула мне руку с открытой улыбкой и быстро стала подниматься по ступенькам к входной двери. Когда я оглянулся назад, перейдя улицу, она дружески кивнула мне, перед тем как скрыться за дверью.

Глава 5
«Пальцеграф»

Колокол Темпла пробил восемь раз, когда, по просьбе Торндайка, я открыл окованную железом дверь, дождался на площадке наших визитеров и провел их в комнату.

— Я так рада познакомиться с вами, — сказала миссис Хорнби после того, как я представил ее и Торндайка друг другу, — я столько слышала о вас от Джульет.

— Дорогая тетя, — возразила мисс Гибсон, бросив на меня взгляд, — вы создадите у доктора Торндайка ложное впечатление о нашем разговоре. Я только упомянула, что вторглась к нему без предупреждения, а он принял меня снисходительно и вежливо, чего я не заслуживала.

— Мы в высшей степени польщены благосклонным отзывом мисс Гибсон о нас, какова бы ни была форма его выражения, — сказал Торндайк, — и глубоко обязаны вам за то, что вы причинили себе столько беспокойства, чтобы помочь нам.

— Это вовсе не беспокойство, а великое удовольствие, — ответила миссис Хорнби и, открыв свою сумочку, начала крайне неторопливо извлекать ее содержимое, выкладывая его на стол. Содержимое включало в себя кружевной носовой платок, кошелек, визитную карточку, пачку papier poudre и еще кое-что из женских мелочей. Затем она выудила из нее маленький пакет, завернутый в почтовую бумагу и перевязанный шелковой нитью, и передала его Торндайку.

— Благодарю вас, — сказал он, разрезав нить, достал из обертки маленькую книгу, на обложке которой было вытеснено слово «Пальцеграф»,

и начал внимательно изучать ее. — А! Вот то, что мы ищем. Очень хороший отпечаток! Я попрошу вас оставить эту книжечку у меня, миссис Хорнби. А, так как, возможно, использую ее в качестве свидетельства на суде, было бы благоразумно, чтобы вы и мисс Гибсон написали свои имена на странице, содержащей отпечаток большого пальца мистера Рубена. Это позволит избежать предположения, что книга была подделана.

Когда обе женщины поставили свои подписи на странице, Торндайк продолжил:

— А теперь мы сделаем увеличенную фотографию этой страницы с отпечатком пальца, мой человек уже ожидает нас, и аппарат готов.

Обе леди охотно согласились, и мы, поднявшись в комнаты этажом выше, где искусник Полтон привык царить в своем одиноком величии, вошли в лабораторию. Это было большое помещение, одна часть которого отводилась под химические исследования, как можно было заключить по полкам с реактивами, колбами, ретортами и другими инструментами, а в другом конце находилась массивная фотокамера. Торндайк тут же начал объяснять устройство этого аппарата нашим посетительницам, в то время как Полтон, установив «Пальцеграф» в держателе, прикрепленном к подставке, приступил к работе. Закончив снимать, он ретировался в комнату меньшего размера, а через какое-то время и мы присоединились к нему. Он уже с бесконечной осторожностью держал еще не высохшие негативы, на которых можно было видеть изображение гротескно колоссального отпечатка пальца.

Торндайк принялся придирчиво разглядывать его, удовлетворительно высказался о его качестве, а затем сообщил миссис Хорнби, что цель ее визита достигнута, и поблагодарил ее за беспокойство.

— Я очень рада, что пришла, — сказала мне мисс Гибсон, когда мы медленно поднимались по Митр-корт вслед за миссис Хорнби и Торндайком. — Я поняла, что дело движется, и что у доктора Торндайка есть что-то на уме. Это безмерно меня ободрило.

— И правильно, — ответил я. — Хотя я и сам не знаю, что делает мой коллега, но тоже чувствую, что он не возился бы так и не тратил бы столько драгоценного времени, если бы у него не было определенной цели и очень существенных оснований для надежды.

— Спасибо вам за эти слова, — тепло проговорила она.

Когда мы с ней дошли до Флит-стрит, то обнаружили, что миссис Хорнби уже устроилась в хэнсомском кебе. Я на прощание пообещал мисс Гибсон, что мы увидимся снова при первой же возможности.

— Вы, кажется, в доверительных отношениях с нашим прекрасным другом, — заметил Торндайк, когда мы повернули обратно. — Вы умеете добиться расположения людей, Джервис.

— Она слишком откровенна и проста, чтобы в этом была необходимость, — ответил я.

— Да. Добрая девушка, и умная, к тому же хорошенькая. Полагаю, было бы излишним с моей стороны намекать, чтобы вы смотрели в оба?

— В любом случае, я не имею права выступать соперником человека, находящегося в тяжелом положении, — угрюмо произнес я.

— Вы выяснили, как действительно относится мисс Гибсон к Рубену Хорнби?

— Нет, — покачал я головой.

— Это стоило бы узнать, — сказал Торндайк и погрузился в молчание.

Глава 6
Предан суду

Намек Торндайка на возможную опасность, которую таила в себе моя возраставшая близость с Джульет Гибсон, стал для меня полной неожиданностью и привел меня в негодование своей дерзостью. Тем не менее, он дал мне значительную пищу для размышлений. Конечно, было бы абсурдным полагать, что такое до смешного короткое знакомство могло породить настоящее чувство. Я встречался с ней всего три раза и сейчас, исключая деловые отношения, вряд ли имел право на что-то большее, чем поклон при встрече. Однако я не мог не признать, что она возбудила во мне интерес, не имевший отношения к роли, которую девушка играла в драме, разворачивавшейся столь неспешно, и понял, что, если бы не такой человек, как Рубен Хорнби, я бы смотрел на мисс Гибсон с интересом большим, нежели обычный.

Выводы, к которым привели меня мои размышления, были следующими: во-первых, я был эгоистичным ослом, и, во-вторых, мои отношения с мисс Гибсон носили исключительно деловой характер и должны были в будущем оставаться таковыми, с учетом того, что я временно был доверенным лицом Рубена Хорнби.

— Я надеюсь, — заговорил Торндайк, протянув руку за чашкой, — что ваши глубокие раздумья связаны с делом Хорнби; в связи с чем жду сообщения, что загадка решена и тайна раскрыта.

— Почему вы должны ожидать этого? — смущенно спросил я, чувствуя, что краснею.

— Мой дорогой друг, — сказал Торндайк, — вы не сказали ни слова в течение четверти часа, вы поглощали пищу с безжалостной регулярностью сосисочной машины и время от времени делали ужасные гримасы кофейнику.

— Боюсь, я действительно был довольно скучным компаньоном в это утро, — признал я извиняющимся тоном.

— Никоим образом, — ответил Торндайк с усмешкой. — Напротив, я нашел вас одновременно занимательным и поучительным. О! А вот и Энсти!

Поводом для этого восклицания был характерный стук, произведенный, видимо, действием трости о входную дверь, а когда Торндайк вскочил и распахнул ее, послышался музыкальный голос, размеренные модуляции которого сразу выдавали опытного оратора:

— Приветствую вас, мой ученый собрат! Не помешал ли я вашим занятиям? — Тут наш посетитель вошел в комнату, критически осмотрелся вокруг и, заметив меня, стал внимательно изучать через пенсне: — Вижу ли я перед собой еще одного ученого собрата?

— Это мой друг Джервис, о котором вы уже слышали от меня, — сказал Торндайк. — Он вместе с нами занимается этим делом, как вы знаете.

— Эхо вашей славы достигло меня, сэр, — сказал Энсти, протягивая мне руку. — Я горжусь знакомством с вами. Я должен был сразу же узнать вас по портрету вашего бедного дядюшки в Гринвичском госпитале.

— Энсти — шутник, как вы понимаете, — объяснил Торндайк, — но у него бывают периоды просветления. Один из них вскоре наступит, если мы будем терпеливы.

— Терпеливы! — фыркнул наш эксцентричный посетитель. — Это я должен быть терпеливым, когда меня тащат в полицейский суд и другие клоаки беззакония, чтобы защищать обычных воров и грабителей.

— Вы разговаривали с Лоули, как я вижу, — заметил Торндайк.

— Да, и он сказал мне, что нам не на что опереться. Он считает, что знает все.

— Большинство дураков так считает, — возразил Торндайк. — Они достигают своего знания интуитивно — ужасно простая дорога, и к тому же дешевая. Мы отложим нашу защиту, я полагаю, вы согласны с этим?

— Думаю, да. Магистрат безусловно признает его виновным, если только у вас нет несокрушимого алиби.

— Мы постараемся установить алиби, но не будем на это рассчитывать.

— Тогда лучше отложим нашу защиту, — сказал Энсти, — а сейчас пора отправляться в наше паломничество, потому что мы должны быть у Лоули в половине десятого. Джервис идет с нами?

— Да, вам лучше пойти, — повернулся ко мне Торндайк. — Это перенос слушания дела бедного Хорнби, как вы знаете. Мы со своей стороны ничего не будем предпринимать, но, возможно, поймем намерения обвинения.

— В любом случае, я хотел бы услышать все, — сказал я, и мы направились в сторону Линкольнс-Инн, на северной стороне которой располагалась контора мистера Лоули.

— А! — воскликнул солиситор, когда мы вошли. — Рад вас видеть, а то я беспокоился, не было бы слишком поздно, знаете ли. Вы знакомы с мистером Уолтером Хорнби? Не думаю, что знакомы. — Он представил Торндайка и меня кузену нашего клиента, и когда мы пожали друг другу руки, то посмотрели друг на друга со значительным интересом.

— Я слышал о вас от моей тети, — сказал Уолтер. — Она, кажется, относится к вам как к Маскелайну и Куку от юриспруденции. Надеюсь, что вы сможете сотворить чудеса, которых она ожидает. Бедняга кузен! Он выглядит довольно плохо, не так ли?

Я посмотрел на Рубена, который в этот момент говорил с Торндайком, и он, встретившись со мной глазами, протянул мне руку с теплотой, которую я нашел достаточно трогательной. Он, казалось, постарел с тех пор, как я видел его в последний раз, был бледен и довольно худ, но невозмутим в характерной для него манере, и мне показалось, что в целом он переносит свое несчастье очень достойно.

— Кеб у двери, сэр, — сообщил клерк.

— Кеб, — повторил мистер Лоули, с сомнением глядя на меня, — нам нужен омнибус.

— Доктор Джервис и я можем пойти пешком, — предложил Уолтер Хорнби. — Может быть, мы будем на месте не позже вас, а если и нет, это не имеет значения.

— Да, так и поступим, — кивнул мистер Лоули. — Идемте!

Мы вышли на улицу, где напротив тротуара стояла извозчичья карета, и, когда остальные сели в кеб, Торндайк на мгновение остановился рядом со мной.

— Не дайте ему ничего из вас вытянуть, — сказал он вполголоса, не глядя на меня, затем сел в кеб и захлопнул дверцу.

— Что за необычное дело, — заметил Уолтер Хорнби после того, как мы молча шли минуту или две, — ужаснейшая история. Должен признаться, я не могу найти в нем ни головы, ни хвоста.

— Как это? — спросил я.

— Видите ли, существуют, по-видимому, только две возможные теории, и каждая из них кажется немыслимой. С одной стороны, есть Рубен, честнейший человек, насколько я могу судить, совершающий грандиозную и грязную кражу, мотива которой невозможно найти, — потому что он не беден, материально не стеснен и ни в коей мере не алчен. С другой стороны, есть отпечаток большого пальца, который, по мнению экспертов, эквивалентен свидетельству очевидцев и подтверждает, что он совершил кражу. Это положительно сбивает с толку. Вы так не думаете?

— Как вы выразились, — ответил я, — дело необычайно загадочное.

— А как выразились бы вы? — спросил он с плохо скрытым любопытством.

— Я думаю, что, если Рубен таков, каким вы его считаете, дело непостижимо.

— Пожалуй, да, — согласился он, хотя был, видимо, разочарован моим бесцветным ответом.

Он шел молча несколько минут, а затем сказал:

— И все же, видите ли вы какой-нибудь выход из положения? Мы все, естественно, озабочены развязкой этого дела.

— Я знаю не больше, чем вы, а что до Торндайка, то вы с таким же успехом можете подвергать перекрестному допросу уроженца Уитстэбла, как задавать вопросы ему.

— Да, я так и понял со слов Джульет. Но думал, что вы могли составить некоторое представление о линии защиты, работая в лаборатории, — я имею в виду микроскопическую и фотографическую работу.

— Я никогда не был в лаборатории до вчерашнего вечера, когда Торндайк взял меня туда с вашей тетей и мисс Гибсон. Работа там выполняется лабораторным ассистентом, а он прекрасно разбирается в своем деле. Сам Торндайк — это человек, который играет без команды, и никто не знает, какие у него карты, пока он не выложит их на стол.

Мой спутник молчал некоторое время, а потом после паузы продолжил:

— Состояние моего дяди в настоящий момент весьма жалкое из-за этого ужасного дела, добавившегося к его собственным тревогам.

— У него есть какие-то другие заботы? — спросил я.

— Как, вы не слышали? Я думал, вы знаете об этом, иначе не стал бы говорить. Его финансовые дела сейчас несколько запутаны.

— В самом деле?! — воскликнул я, пораженный новым поворотом.

— Да, дела приняли довольно затруднительный оборот, хотя я думаю, что дядя прорвется. Он, кажется, потерял значительную часть капитала на рудниках, но, по-моему, деньги у него еще остались. А тут, вдобавок, эти адские бриллианты! Правда, юристы полагают, что он не ответственен перед законом за пропажу. Так или иначе, завтра состоится встреча кредиторов.

— И что, по-вашему, они сделают?

— Скорее всего, оставят его на время в покое; но, конечно, если дядю обяжут отчитаться за бриллианты, придется «прыгать через обруч», как он сам любит выражаться.

— Бриллианты обладали значительной ценностью?

— Вместе с этим пакетом исчезло от двадцати пяти до тридцати тысяч фунтов.

Я присвистнул. Это было гораздо более крупное дело, чем мне казалось, и, когда мы прибыли в полицейский суд, я размышлял над тем, известен ли Торндайку масштаб кражи.

— Я полагаю, наши друзья уже внутри, — сказал Уолтер. — Они должны были оказаться здесь раньше нас.

Пройдя по коридору и проложив себе путь через толпу зевак, мы оказались перед скамьей солиситоров, где едва успели занять свои места, как началось рассмотрение дела.

Краткое разбирательство, последовавшее за этим, было невыразимо скучным и подавляющим, внушая мысль о беспомощности даже невиновного человека, на которого закон наложил свою руку.

Магистрат, человек бесстрастный и сухой, обмакнул перо в чернила, в то время как Рубен, который отказался от залога, был помещен на скамью подсудимых, и ему было зачитано обвинение. Юрист, представлявший полицию, отчитался с таким видом, будто излагал уже проверенные и неоспоримые факты. Затем, когда было сделано заявление «невиновен», вызвали свидетелей. Их было только двое, и первым было названо имя Джона Хорнби.

Я с любопытством взглянул на скамью свидетелей, так как до этого мне не приходилось встречаться с мистером Хорнби. Передо мной стоял пожилой человек, высокий, румяный и хорошо сохранившийся, но с напряженным выражением лица, выдававшим едва сдерживаемое волнение постоянными нервными движениями. Он перечислил события, относившиеся к открытию преступления, во многом теми же словами, которые я слышал от мистера Лоули, хотя значительно больше, чем этот джентльмен, подчеркивал превосходный характер заключенного.

После него был вызван мистер Синглтон из отдела по отпечаткам пальцев Скотланд-Ярда. Он принес бумагу, на которой остался кровавый отпечаток большого пальца мистера Хорнби, изъятую из сейфа, и бумагу с отпечатком, который сделал он сам с большого пальца левой руки заключенного. Эти два отпечатка, утверждал он, были тождественны во всех отношениях.

— И вы считаете, что ошибка невозможна?

— Ошибка невозможна, ваша честь.

Магистрат испытующе посмотрел на Энсти, и тот, поднявшись, сказал:

— Мы откладываем защиту, ваша честь.

Затем магистрат в той же спокойной, деловой манере передал заключенного в руки Центрального Уголовного Суда, отказавшись принять залог за его освобождение, и, когда Рубена увели со скамьи подсудимых, началось рассмотрение следующего дела.

По специальному разрешению властей Рубену было позволено совершить свою поездку в Холлоуэй в кебе, чтобы таким образом избежать ужасов отвратительного, кишащего паразитами тюремного фургона, а пока он ждал кеб, его друзьям было позволено пожелать ему счастливого пути.

— Это тяжелое испытание, Хорнби, — сказал Торндайк, когда мы втроем на несколько мгновений остались одни. — Но не падайте духом, я убежден

в вашей невиновности, и у меня есть серьезная надежда убедить в этом весь мир. — Он пожал Рубену руку и, почувствовав, что самообладание может ему изменить, быстро попрощался с ним, взял меня под руку и пошел прочь.

Поймав на улице кеб, Торндайк быстро вскочил в него, а я вернулся в полицейский суд, чтобы задать некоторые вопросы относительно правил для посетителей в Холлоуэйской тюрьме.

Глава 7
Подводные камни и зыбучие пески

Когда я прибыл в Эндсли-Гарденс, мисс Гибсон была дома, а миссис Хорнби, к моему несказанному облегчению, нет. Я благоговел перед нравственными качествами этой леди, но разговор с ней приводил меня на грань умопомешательства.

— Хорошо, что вы пришли, хотя я и так думала, что вы придете, — импульсивно сказала мисс Гибсон, когда мы пожимали друг другу руки. — Вы так сострадательны и человечны — вы и доктор Торндайк, — так свободны от профессиональной чопорности. Моя тетя отправилась повидать мистера Лоули сразу же, как мы получили телеграмму Уолтера.

— Сочувствую ей, — сказал я, — она найдет его достаточно сдержанным.

— Да, мне он очень не нравится. Вы знаете, что он имел дерзость посоветовать Рубену признать себя виновным?

— Он говорил нам об этом, и за свои старания получил заслуженный выговор от Торндайка.

— Я очень рада! — зло воскликнула мисс Гибсон. — Но расскажите мне, что случилось. Уолтер просто сказал: «Дело передано в суд высшей инстанции», что, как мы поняли, означает: «Дело будет рассмотрено на судебном процессе». Защита потерпела неудачу? И где Рубен?

— Защита отложена. Доктор Торндайк считал почти решенным, что дело будет передано в суд, и поэтому решил, что будет важно держать обвинение в неведении относительно линии защиты. Видите ли, если бы полиция знала, что будет делать защита, она могла бы соответственно изменить свои планы.

— Я понимаю, — уныло проговорила она, — но ужасно огорчена. Я надеялась, что доктору Торндайку удастся выиграть дело. Что произошло с Рубеном?

Это был вопрос, которого я боялся больше всего.

— Магистрат отказал в залоге, — устремив взгляд в пол, ответил я после неприятной паузы.

— И?

— Как следствие, Рубен был взят под стражу.

— Вы же не хотите сказать, что они отправили его в тюрьму? — задыхаясь, воскликнула мисс Гибсон.

— Не как осужденного. Он лишь арестован до суда.

— Но он в тюрьме?

— Да, — был вынужден я признать. — В Холлоуэйской тюрьме.

Несколько секунд она смотрела на меня с каменным выражением лица, глаза ее были широко раскрыты, но она молчала. Затем у нее внезапно перехватило дыхание, она отвернулась и, ухватившись за кромку каминной полки, разразилась рыданиями.

Я, в общем, не слишком чувствительный человек и не особенно импульсивный, но я также не камень и не деревянный истукан, чтобы спокойно смотреть на столь естественное и бескорыстное горе этой сильной, преданной женщины. Я сел рядом и, взяв ее руку в свои, пробормотал изрядно охрипшим голосом несколько бессвязных слов утешения.

Через некоторое время она пришла в себя и мягко отняла свою руку.

— Вы должны простить меня за мою несдержанность, — сказала она. — Вы были так милы, и я чувствую, что вы действительно наш друг, мой и Рубена. Но это так ужасно и вызывает такие чудовищные мысли о том, что еще может произойти. До сих пор все казалось лишь кошмаром — пугающим, но ненастоящим. Но то, что он действительно оказался в тюрьме, — просто ужасно! Бедный мальчик! Что с ним будет? Ради милосердия, доктор Джервис, скажите мне, что теперь будет?

Что я мог сделать? Я слышал слова ободрения, сказанные Торндайком Рубену, и знал моего коллегу достаточно хорошо, чтобы чувствовать уверенность: он действительно имел в виду все то, что сказал. Несомненно, я должен был успокоить мисс Гибсон осторожными двусмысленностями, но не мог — она была достойна большего доверия.

— Вы не должны чрезмерно тревожиться о будущем, — сказал я. — Доктор Торндайк убежден в невиновности Рубена и надеется сделать это очевидным для всего света. Но я не должен был сообщать вам это, — добавил я, ощутив легкий укор совести.

— Я знаю, и благодарю вас от всего сердца.

— А что до нынешней неудачи, вы не должны позволять ей расстраивать вас слишком сильно. Попробуйте думать о ней как о хирургической операции, которая сама по себе ужасна, но совершается ради спасения жизни.

— Я попытаюсь сделать так, как вы говорите, — кротко произнесла мисс Гибсон, — но это потрясает — думать о таком утонченном джентль-

мене, как Рубен, находящемся в одной толпе с обычными ворами и убийцами и запертом в клетке, как дикий зверь. Думать о его бесславии и унижении!

— Нет бесславия в том, чтобы быть ошибочно обвиненным, — немного виновато проговорил я. — Оправдание вернет ему его прежнее положение и незапятнанную репутацию, и ничто, кроме воспоминаний о мимолетном неудобстве, не будет его тревожить.

Она в последний раз вытерла слезы и решительно убрала носовой платок.

— Вы вернули мне мужество и прогнали мой страх. Я не могу передать, как я ценю вашу доброту, и не могу выразить вам свою признательность, разве что, пообещав быть отныне храброй и терпеливой и полностью доверять вам. Кажется, я слышу голос моей тети, так что вам лучше ускользнуть, прежде чем путь к отступлению будет отрезан. Но вы еще должны сказать мне, как и когда я смогу увидеть Рубена. Я хочу повидать его так скоро, как это возможно. Бедный! Нельзя, чтобы он хотя бы секунду чувствовал, что друзья забыли его.

— Вы сможете увидеть его завтра, если захотите. Я сам приду повидать его, и, возможно, доктор Торндайк тоже.

— Вы позволите мне заехать в Темпл и пойти с вами? Я не очень вам помешаю? Идти в тюрьму одной довольно тревожно.

— Даже не думайте об этом, — ответил я. — Если вы позвоните в Темпл — это по пути, — мы сможем поехать в Холлоуэй вместе. Вижу, вы решились пойти? Это будет довольно неприятно, как вы, наверное, понимаете.

— Я решилась. Когда надо прибыть в Темпл?

— Около двух, если это вам подходит.

— Очень хорошо, я буду пунктуальна. А теперь вы должны идти, иначе будете захвачены в плен. — Она мягко подтолкнула меня к двери и, отнимая руку, добавила: — Я и вполовину не отблагодарила вас и никогда не смогу. До свиданья!

Она вернулась в дом, а я пошел по безлюдной улице, над которой начали кружиться желтоватые завитки тумана, и принялся размышлять на ходу. Какого рода отношения складываются между Джульет Гибсон и мной? И каково мое положение? В отношении нее оно казалось довольно ясным: она была влюблена в Рубена Хорнби, а я был ее хорошим другом, потому что был его другом. Но от меня не укрылся тот факт, что я начал вызывать в ней интерес, который не предвещал ничего хорошего для моего душевного спокойствия.

Я никогда не встречал женщину, которая так полно воплощала бы мое представление о том, какой женщина должна быть. Ее сила и достоинство, ее мягкость и красота совершенно покорили меня, но при этом я прекрасно понимал, что настанет время, когда она перестанет во мне

нуждаться, и для меня не останется ничего другого, как попытаться забыть ее.

Через некоторое время мои мысли приняли новое направление, и я стал размышлять о том, что услышал относительно мистера Хорнби. Это был поразительный поворот, и мне было интересно, какие изменения он внесет в гипотезу, сложившуюся у Торндайка о преступлении. В чем заключалась его теория, я не мог угадать, но все равно пытался определить ее смысл и значение.

В этом я потерпел полную неудачу. Красный отпечаток большого пальца стоял перед моим внутренним взором, вытеснив все остальное. Для меня, как и для любого другого человека, кроме Торндайка, этот факт подводил итог делу и указывал на заключение, которое было неопровержимым. И вдруг мне в голову неожиданно пришла идея, приведшая в движение поразительную цепь новых мыслей.

Мог ли сам мистер Хорнби быть вором? Его крах казался внезапным, но он должен был видеть, что трудности надвигаются. Отпечаток пальца был на листке, который он вырвал из своей записной книжки. Да! Но кто видел, как он вырывал его? Этот факт основывался только на его словах. Может, отпечаток был сделан случайно до этого и забыт Рубеном, или остался не замеченным им? Мистер Хорнби мог хранить эту бумагу с отпечатком, чтобы использовать ее в будущем, а, планируя кражу, мог сделать на ней надпись с датой и положить в сейф, чтобы отвести от себя подозрения…

Я был так возбужден и воодушевлен этими мыслями, что мне не терпелось добраться до дома, сообщить о них Торндайку и посмотреть, как он отреагирует.

На пороге я обнаружил Полтона, озабоченно выглядывавшего на улицу.

— Доктор опаздывает, сэр, — сказал он. — Задержался из-за тумана, я полагаю. В Боро он должен быть довольно густым.

— Да, должно быть так, — ответил я, — судя по тому, как обстоят дела на Стрэнде.

Я вошел и поднялся по лестнице, радуясь перспективе тепла после моих неуютных блужданий по туманным улицам, и Полтон, бросив последний взгляд вдоль улицы, неохотно последовал за мной.

— Я полагаю, сэр, вы бы хотели чаю? — спросил он.

Я ответил, что хочу, и он занялся приготовлениями в своей живой методичной манере, но с необычным для него рассеянным видом.

— Доктор говорил, что будет дома в пять, — заметил Полтон, ставя чайник на поднос.

— Тогда он обманщик, — усмехнулся я, — и нам придется выпить его чай.

— Доктор — замечательно пунктуальный человек, сэр, — возразил Полтон. — Как правило, он действует с точностью до минуты.

— Вы не можете действовать с точностью до минуты в лондонском тумане, — несколько нетерпеливо проговорил я, потому что хотел остаться один, чтобы подумать о делах, а нервное беспокойство Полтона страшно раздражало меня.

Маленький человечек, очевидно, почувствовал мое душевное состояние и молча скрылся, оставив меня раскаивающимся и пристыженным.

Глава 8
Подозрительный несчастный случай

Часы Темпла в мягкой и доверительной манере сообщили, что наступила четверть седьмого, в чем их мужественно поддержал «коллега» с каминной полки, однако, никаких признаков Торндайка не было. Это действительно выглядело немного странно, потому что он был воплощением пунктуальности, к тому же я сгорал от нетерпения сообщить ему свои новости, поэтому, открыв дверь, я вышел на лестничную площадку и, прислушавшись, услышал звонок хэнсомского кеба, приближающегося от Пэйпер-Билдингс. Наконец он остановился напротив дома, и Полтон, сбежав вниз по лестнице, выскочил на улицу.

— Надеюсь, сэр, вам не очень больно? — донесся до меня его голос, и я увидел Торндайка, который медленно входил в дом, правой рукой опираясь на плечо Полтона. Одежда его была в грязи, левая рука перевязана, а черная косынка под шляпой, очевидно, скрывала бинт.

— Мне вовсе не больно, хотя стыдно выглядеть так, — ответил он и, заметив меня, стоявшего на пороге с испуганным выражением лица, добавил: — Я упал в грязь, Джервис. Обед и платяная щетка — вот что мне главным образом необходимо. — Несмотря на это, он выглядел очень бледным и потрясенным, а в свое большое кресло опустился, как человек очень слабый или очень уставший.

— Как это случилось? — спросил я, когда Полтон на цыпочках удалился, чтобы сделать приготовления к обеду.

Торндайк огляделся, чтобы убедиться, что его «оруженосец» исчез, и заговорил:

— Странное дело, Джервис, очень необычное дело. Я поднимался от Боро и только достиг подножия Лондонского моста, как услышал шум повозки с тяжелым грузом, спускающейся под уклон слишком быстро, если

учесть, что было невозможно видеть больше чем на дюжину ярдов вперед. Я остановился на краю тротуара, чтобы дать ей возможность миновать меня, а когда лошади возникли из тумана, сзади меня появился человек, пошатнувшийся в мою сторону, и я, споткнувшись об его ногу, тут же растянулся на мостовой прямо перед повозкой. Лошади надвигались прямо на меня, и, прежде чем я мог уклониться с их пути, копыто одной из них раздавило мою шляпу и наполовину оглушило меня. Затем ближайшее колесо ударило меня по голове, слегка поранив, и придавило мой рукав, так что я не мог выдернуть руку, с которой, как следствие, оказалась содрана кожа. Повозка прошла очень близко, Джервис, еще дюйм или два, и я бы стал плоским, как морская звезда.

— Что случилось с этим мужчиной? — спросил я.

— Бежал без оглядки. Какая-то подвыпившая женщина подняла меня и проводила обратно в госпиталь. Это, должно быть, было трогательное зрелище, — добавил он, сухо улыбнувшись.

— И, я полагаю, они некоторое время продержали вас там, чтобы привести в чувство?

— Да. Старина Лэнгдейл настоял, чтобы я полежал час или около того, на случай, если появятся какие-нибудь симптомы сотрясения. Но, слава богу, кажется, обошлось. Однако это странное дело.

— Вы имеете в виду человека, который толкнул вас?

— Да, не могу понять, как я споткнулся об его ногу.

— Вы же не думаете, что он сделал это намеренно?

— Нет, конечно, нет, — ответил он, но, как мне показалось, без большой убежденности, и я собирался прояснить этот вопрос, но тут вновь появился Полтон, и мой друг внезапно сменил тему.

После обеда я пересказал мой разговор с Уолтером Хорнби, с некоторым любопытством наблюдая за лицом Торндайка, чтобы увидеть, какое действие произведет на него эта новая информация. Результат оказался обескураживающим — он не выказал никаких симптомов возбуждения, только спросил:

— Итак, Джон Хорнби занялся рудниками, э? Он должен лучше знать жизнь, в его-то годы. Вы не узнали, как давно начались его трудности?

— Нет. Но вряд ли они были внезапными и непредвиденными.

— Думаю, нет, — согласился Торндайк. — Внезапный кризис часто оказывается гибельным для того, кто регулярно играет на фондовой бирже и платит разницу за большое количество неоплаченных фондов. Но здесь ситуация выглядит так, будто Хорнби действительно покупал эти рудники и платил за них, относясь к ним скорее как к вложениям, чем как к спекуляциям, в противном случае, обесценивание рудников не затронуло бы его так. Было бы интересно знать точно.

— Я считаю, что, если эти затруднения возрастали постепенно в течение некоторого времени, они могли принять острую форму к моменту кражи. И если мы допустим, что у мистера Хорнби действительно были денежные сложности ко дню кражи, мне кажется возможным создать мнение о личности вора, хотя оно почти фантастично.

— Я бы хотел это услышать, — сказал Торндайк, рассматривая меня с живым интересом.

Ободренный его реакцией, я начал излагать теорию преступления, какой она возникла у меня по пути домой в тумане. Когда я закончил, Торндайк некоторое время молчал, задумчиво глядя на огонь, и, наконец, заговорил, не отрывая глаз от красных угольков:

— Эта теория, Джервис, делает честь вашей изобретательности. Мы можем пренебречь ее невероятностью, учитывая, что альтернативные версии почти столь же невероятны. Остается главный вопрос — было ли преступление совершено человеком, оставившим отпечаток пальца? Наличие такого отпечатка сужает круг подозреваемых до Рубена или некоего лица, имеющего доступ к его отпечаткам пальцев.

— Да, понимаю. Выходит, вы считаете мою версию о Джоне Хорнби как злоумышленнике достаточно здравой?

— Довольно-таки здравой, — ответил Торндайк. — Прежде всего, она меня развлекла, а новые факты, которые вы собрали, повышают степень ее вероятности. Помните, я сказал, что возможны четыре гипотезы: что кража совершена либо Рубеном, либо Уолтером, либо Джоном Хорнби, либо каким-то другим человеком. Теперь, оставляя в стороне «какого-то другого человека» только на тот случай, если три первые гипотезы неверны, мы остаемся с Рубеном, Уолтером и Джоном. Но, если мы ставим отпечаток большого пальца под вопросом, наиболее вероятным подозреваемым окажется Джон Хорнби, так как он, по общему признанию, имел доступ к бриллиантам, в то время как ничто не указывает, что его имели другие. Однако отпечаток пальца направляет подозрения на Рубена, хотя и не освобождает полностью от подозрений Джона Хорнби. В настоящий момент баланс вероятностей может быть охарактеризован следующим образом: Джон Хорнби, несомненно, имел доступ к бриллиантам и мог украсть их. Но, если отпечаток большого пальца был сделан после того, как он закрыл сейф, и до того, как открыл его снова, некое другое лицо могло иметь доступ к ним и, возможно, является вором.

Отпечаток пальца принадлежит Рубену Хорнби, это факт, который устанавливает с достаточной вероятностью, что он украл бриллианты. Но нет свидетельств, что он имел доступ к ним, а если не имел, то не мог оставить отпечаток в то время, когда он был оставлен.

Однако Джон Хорнби мог заполучить отпечаток Рубена, в этом случае он почти наверняка вор.

Что до Уолтера Хорнби, он тоже мог раздобыть отпечаток пальца Рубена, но нет свидетельств, что он имел доступ либо к бриллиантам, либо к блокноту мистера Хорнби. Таким образом, в его случае вряд ли можно говорить о достаточной вероятности. Как видите, остается много вопросов, на которые пока нет ответов…

После того как мой коллега удалился к себе, что он сделал довольно рано, я долгое время сидел, размышляя над этим исключительным делом, в которое оказался вовлечен. И чем больше я думал о нем, тем более озадаченным себя чувствовал. Если Торндайк не мог предложить иного удовлетворительного объяснения, чем те, что он дал мне сегодня, защита безнадежна, потому что суд вряд ли согласится с его мнением относительно доказательной ценности отпечатков пальцев. Однако он уверил Рубена, что берется защищать его, и выразил убеждение в невиновности обвиняемого. Напрашивался вывод, что у него что-то было «в рукаве» — он нашел некие факты, ускользнувшие от моего внимания…

Глава 9
Заключенный

На следующее утро, когда я вышел из своей комнаты, то увидел Полтона, поднимавшегося с подносом, и последовал за ним в комнату моего друга.

— Я не выйду сегодня, — сказал Торндайк, — хотя через некоторое время спущусь вниз. Это весьма неудобно, но нужно принять неизбежное. Я получил удар по голове и, хотя чувствую себя ничуть не хуже, чем обычно, должен прибегнуть к необходимым мерам предосторожности, пока не увижу, что все обошлось без последствий. Вы поможете мне перевязать рану на голове и разослать необходимые письма, не так ли?

Я выразил свою готовность сделать все, что потребуется, и, в результате, позавтракав в одиночестве, провел утро в написании и отправке писем разным лицам, которые ожидали визита моего коллеги.

Вскоре после ланча я услышал звонок хэнсомского кеба, спускающегося со стороны Краун-Оффис-роуд.

— А вот и ваш прекрасный компаньон, — сказал Торндайк, которого я познакомил со своими планами. — Передайте Хорнби, чтобы он ничего не боялся, а сами помните, о чем я вас предупреждал. Надеюсь, вам никогда не придется раскаиваться, что вы оказываете мне столь ценные услуги, за которые я в долгу у вас. Идите, не заставляйте ее ждать.

Я сбежал вниз по лестнице и вышел на улицу в тот самый момент, когда кебмен остановился и открыл дверцу.

— Тюрьма Холлоуэй — главный вход, — сказал я, встав на подножку.

— Там нет черного хода, сэр, — ответил тот с усмешкой.

— Вы очень пунктуальны, мисс Гибсон, — устроившись рядом с ней, заметил я, — еще нет половины второго. Полагаю, бесполезно вновь поднимать вопрос о целесообразности этого визита?

— Абсолютно бесполезно, — решительно ответила она, — хотя я понимаю и ценю мотив, побуждающий вас поступать так.

— Тогда, если вы действительно решились, мне стоит подготовить вас к этому суровому испытанию. Боюсь, оно шокирует вас.

— В самом деле? — сказала она. — Это так плохо? Расскажите мне, на что это похоже.

— Порядок такой: каждая клетка делится на ряд небольших пронумерованных боксов. Заключенный запирается в одном, а посетитель — в помещении напротив. Таким образом, они могут видеть друг друга и разговаривать, но не могут передавать какие-либо запрещенные предметы — предосторожность необходимая, о чем едва ли нужно говорить.

— Да, я полагаю, это необходимо, но для порядочных людей это ужасно. Между заключенными должны были бы проводиться различия.

— Почему бы вам не отказаться от свидания и не передать мне послание для Рубена? Он поймет и будет благодарен мне за то, что я вас отговорил.

— Нет, нет! Чем омерзительнее все это, тем необходимее идти. Нельзя позволить ему думать, что пустячного беспокойства или унижения достаточно, чтобы отпугнуть его друзей. Что это за здание впереди?

Мы как раз свернули на спокойную пригородную улицу, на которой, видимо, жили люди с достатком, в конце ее возвышалось здание, выстроенное в форме замка.

— Это и есть тюрьма, — ответил я.

Тем временем кеб въехал на внутренний двор и высадил нас перед огромными воротами. Сказав кебмену, чтобы он подождал нас, я позвонил в колокольчик, и нас быстро впустили в крытый двор, с противоположной стороны которого находились вторые ворота, через прутья которых мы могли видеть внутренний двор и вход в тюрьму. Здесь, пока совершались необходимые формальности, мы обнаружили, что являемся частью многочисленной и весьма пестрой компании, ибо начала приема уже ожидало значительное количество посетителей. Их эмоции были самыми разнообразными: некоторые молчали и, очевидно, были убиты горем; многие были говорливы и возбуждены, в то время как значительная часть — довольно приветлива и даже склонна к шутливости.

Наконец большие железные ворота открылись, и наша группа была «арестована» тюремщиком, который сопроводил нас в часть здания, известную как «крыло». Пока мы шли, я заметил, какое глубокое впечатление произвело на мою спутницу то обстоятельство, что каждая дверь открывалась, чтобы впустить нас, и снова запиралась, как только мы проходили.

— Мне кажется, — сказал я, когда мы приблизились к нашей цели, — что было бы лучше, если бы я повидал Рубена первым, мне немногое надо сказать ему, и я не заставлю вас долго ждать.

— Хорошо, — согласно кивнула она.

Минутой позже я обнаружил себя втиснутым в узкий бокс, пропитанный едва уловимым запахом грязи. Деревянные части бокса были отполированы до маслянистой гладкости трением бесчисленных немытых рук и запачканной одежды, а общий его вид побудил меня сунуть руки в карманы и старательно избегать соприкосновения с любой частью помещения, за исключением пола. Напротив входа находилась прочная решетка из проволоки, и через нее я увидел по ту сторону второй решетки Рубена Хорнби. Он был одет с присущей ему аккуратностью, но его лицо было небрито, и на груди висела круглая бирка со знаками «В.31». Эти два изменения в его внешнем виде производили впечатление столь неприятное, что я более чем когда-либо пожалел о решении мисс Гибсон навестить Рубена.

— Весьма любезно с вашей стороны, доктор Джервис, прийти и повидать меня, — сердечно проговорил он, — но я не ожидал вас. Мне сказали, я могу увидеть своих юридических консультантов в боксе для солиситоров.

— Так оно и есть, — ответил я. — Но я пришел сюда, потому что со мной мисс Гибсон.

— Меня это огорчает, — нахмурился Рубен. — Она не должна находиться среди этих подонков.

— Я говорил ей об этом, и еще заметил, что вам это не понравится, но она настояла.

— Я понимаю. Самое плохое в женщинах — они устроят невероятную неразбериху и принесут себя в жертву там, где их об этом никто не просит. Но я не должен быть неблагодарным, она сделала это от всего сердца, и она ужасно славная, эта Джульет.

— Она, — воскликнул я, возмущенный его холодным, неблагодарным тоном, — девушка с благородным сердцем, и ее преданность вам поистине героическая!

— Да, — спокойно ответил Рубен, — мы всегда были очень хорошими друзьями.

Я сделал глубокий вздох и, немного успокоившись, спросил:

— Надеюсь, вы не находите здешние условия нестерпимыми?

— О, нет! Ужасно неприятно, конечно, но могло быть гораздо хуже. Я не возражаю, если это только на неделю или две, и меня поддерживает то, что сказал доктор Торндайк. Надеюсь, он не просто успокаивал меня. В любом случае, я буду обязан ему за то, что он верит в меня, когда весь мир — за исключением тетушки и Джульет — меня осудил.

Затем он рассказал мне кое-какие подробности своей тюремной жизни, и через четверть часа я удалился, чтобы уступить место мисс Гибсон.

Ее разговор с ним был не так долог, как я ожидал. Сознание того, что он может быть услышан в соседних боксах, создавало чувство неловкости и разрушало уединение, не говоря уже о расхолаживающем присутствии тюремщика в проходе.

Когда она присоединилась ко мне, то выглядела рассеянной и очень подавленной — обстоятельство, которое дало мне значительную пищу для размышлений, когда мы в молчании совершали наш путь к главному входу. Нашла ли она Рубена таким же холодным и сухим, как и я? Или же его встреча с девушкой, эмоции которой были настолько взвинчены, могла разрядить напряжение? И потом, возможно, глубокое чувство было только с ее стороны? От всех этих мыслей меня отвлек грохот запора железных ворот. Мгновением позже мы были выпущены через дверь с задвижным окошком во внутренний двор и, когда замок щелкнул позади нас, одновременно испустили вздох облегчения, оказавшись за пределами тюрьмы.

Я усадил мисс Гибсон в кеб и давал ее адрес кучеру, когда заметил, что она смотрит на меня, как мне показалось, с некоторой тоской.

— Могу ли я подвезти вас? — спросила она в ответ на мой полувопросительный взгляд.

Я с благодарностью ухватился за эту возможность:

— Вы можете высадить меня на Кингс-Кросс, если это вас не задержит, — и, дав указания кебмену, сел рядом с ней.

— Не думаю, что Рубен был очень рад меня видеть, — заметила мисс Гибсон через некоторое время, — но все-таки я приду снова. Этой мой долг перед ним и собой.

Я чувствовал, что должен попытаться отговорить ее, но мысль, что ее визиты почти с необходимостью приведут к тому, что я буду сопровождать ее, ослабила мою волю.

— Я так благодарна вам, — продолжала она, — что вы подготовили меня. Это было жутко — увидеть несчастных людей, запертых в клетки, как дикие звери, со страшными бирками, свисающими с их одежды. Я была бы буквально ошеломлена, если бы не знала, чего ожидать.

Пока мы говорили, она несколько воспряла духом, и тогда я рассказал ей о несчастье, постигшем Торндайка.

— Как ужасно! — воскликнула она с искренним участием. — Это чистейшая случайность, что он не был убит на месте. Он очень пострадал? Как вы думаете, будет ли он возражать, если я заеду, чтобы осведомиться о его здоровье?

Я ответил, что он будет только рад ее визиту, и, выйдя из кеба на Кингс-Кросс, подумал, что передо мной открывается перспектива возобновления этого горько-сладкого и слишком опасного общения.

Глава 10
Полтон озадачен

Хватило нескольких дней, чтобы убедиться, что несчастье с Торндайком не привело к действительно печальным последствиям, его раны благополучно заживали, и он был в состоянии заниматься своими обычными делами.

Визит мисс Гибсон прошел в высшей степени удачно, так как моему коллеге было действительно приятно ее внимание, и он принял ее очень сердечно, что привело нашу гостью в восторг.

Торндайк много говорил о Рубене, и я видел, что он мысленно пытается решить затруднительный вопрос об ее отношениях с нашим несчастным клиентом и ее чувствах к нему, но к каким заключениям он пришел, я не мог понять, потому что после ее ухода он был весьма неразговорчив.

Первое свидетельство того, что его деятельность возобновилась, я получил, когда вернулся домой около одиннадцати часов дня и обнаружил, что Полтон уныло слоняется по гостиной, совершая нечто настолько близкое к «весенней уборке», насколько это допустимо в холостяцком быту.

— Здравствуйте, Полтон! — воскликнул я. — Вы решились на час-другой расстаться с лабораторией?

— Нет, сэр, — мрачно ответил он, — это лаборатория рассталась со мной.

— Что вы имеете в виду?

— Доктор заперся там и закрыл дверь на замок, и он говорит, я не должен ему мешать. Ланч сегодня будет холодным.

— Что он там делает?

— Это именно то, что я хотел бы знать. Меня снедает любопытство. Он проводит эксперименты в связи с некоторыми расследованиями, а обычно за этим должно последовать нечто интересное. Я бы хотел знать, что случится на этот раз.

— Полагаю, в двери лаборатории есть замочная скважина? — заметил я с улыбкой.

— Сэр! — воскликнул Полтон с негодованием. — Доктор Джервис, я удивляюсь вам! — Затем, поняв, что я пошутил, тоже улыбнулся и до-

бавил: — Но замочная скважина есть, если вам угодно попробовать, хотя я держу пари, что мистер Торндайк сразу вас раскусит.

— Вы напускаете таинственности относительно своих дел, вы и доктор, — сказал я.

— Да, — ответил он. — Видите ли, у доктора своеобразное ремесло, и при таком ремесле у него возникают своеобразные тайны. Например, что вы скажете об этом?

Полтон достал из кармана кожаный бумажник, а оттуда — листок бумаги, который передал мне. На нем был четко выполненный рисунок, похожий на комплект шахматных фигур с размерами, написанными на полях.

— Это похоже на пешки стонтоновского образца, — предположил я.

— Именно так подумал и я, но это не пешки. Я должен сделать двадцать четыре таких же, и меня весьма интересует, что доктор собирается делать с ними.

— Возможно, он изобрел новую игру, — пошутил я.

— Он всегда изобретает новые игры и играет в них, главным образом, в судах, а другие игроки, как правило, терпят поражение. Но это трудная задача — двадцать четыре фигурки должны быть сделаны из самшита, наилучшим образом высушенного! Для чего они могут быть предназначены? Полагаю, для чего-то, связанного с теми опытами, которые он в данный момент проводит наверху. — Полтон покачал головой и, осторожно положив рисунок обратно в бумажник, торжественно проговорил: — Сэр, бывают времена, когда доктор заставляет меня подскакивать от любопытства. И сейчас как раз такое время.

Я был не знаком ни с одним из дел, которые вел Торндайк, за исключением дела Рубена Хорнби, а с этим последним я не мог соединить набор из двадцати четырех самшитовых шахматных фигурок. Более того, в этот день я должен был сопровождать Джульет во время ее второго посещения Холлоуэя, и это дало мне обильный материал для размышлений другого рода.

За ланчем Торндайк был оживлен и разговорчив, но не сообщил ничего. У него «была кое-какая работа в лаборатории, которую он должен был сделать сам», сказал он, но никак не намекнул на характер работы, и, когда наша трапеза закончилась, вернулся к своим трудам, оставив меня бродить по комнатам в ожидании, когда раздастся шум кеба, который должен был доставить меня в Холлоуэйскую тюрьму…

Когда я вернулся оттуда в Темпл, гостиная была пуста и, в результате усилий Полтона по наведению весенней уборки, невероятно опрятна. Мой коллега, видимо, все еще работал в лаборатории, а поскольку его чайный прибор стоял на столе, а чайник с водой располагался на газовой горелке у камина, я заключил, что Полтон также был занят делами и не хотел, чтобы его беспокоили.

Я зажег газ, приготовил себе чай и предался воспоминаниям о событиях этого вечера.

Джульет была, как всегда, очаровательна — прямая, дружелюбная, и непритворно радовалась моему обществу. Я, очевидно, нравился ей, чего она не скрывала, но обращалась со мной свободно, почти с нежностью, как если бы я был ее любимым братом. Во время нашей поездки обнаружилось много тем для разговора. Мы говорили о мистере Хорнби и его делах, и из нашего разговора выяснились некоторые факты, немаловажные для расследования, в которое я был вовлечен.

— Беда, по пословице, не приходит одна, — заметила Джульет о своем приемном дяде. — Помимо неприятностей с Рубеном, возникли проблемы в Сити. Возможно, вы слышали о них.

Я ответил, что Уолтер упоминал об этом в разговоре со мной.

— Ну, — довольно зло сказала Джульет, — мне не вполне ясно, какое участие в этой истории принимает этот «добрый» джентльмен. Выяснилось, довольно случайным образом, что у него самого была большая доля собственности в рудниках, однако он, кажется, «прекратил участвовать в деле», как это называется, и вышел из игры, хотя как ему удалось уплатить такую большую разницу, мы не можем понять. Надо думать, он каким-то образом занял денег.

— Вы знаете, когда рудники начали падать в цене? — спросил я.

— Да, это случилось довольно неожиданно — Уолтер называет это «резким спадом», — всего за несколько дней до кражи. Мистер Хорнби сказал мне об этом только вчера, и при этом напомнил мне смешной случай, который произошел в тот день.

— Что за случай? — поинтересовался я.

— Я случайно порезала палец. Это был довольно глубокий порез, но я не замечала его, пока не обнаружила, что вся моя рука в крови, и тут же упала в обморок на коврик перед камином — это было в кабинете мистера Хорнби, где я как раз наводила порядок. Здесь меня нашел Рубен и сначала ужасно перепугался, затем разорвал свой носовой платок, чтобы перевязать раненый палец. Вы, как врач, наверное, придете в ярость, узнав, что он закрепил импровизированную повязку красной лентой, которую взял с письменного стола, не найдя ничего более подходящего. Когда он ушел, я вновь попыталась прибрать на столе, и, действительно, все выглядело так, будто здесь на самом деле совершено какое-то ужасное преступление, все конверты и бумаги были запятнаны кровью и усеяны отпечатками окровавленных пальцев. Я вспомнила об этом потом, когда был идентифицирован отпечаток большого пальца Рубена, и подумала, что одна из бумаг могла случайно попасть в сейф, но мистер Хорнби ска-

зал мне, что это невозможно, он вырвал лист из книги для заметок, когда убирал бриллианты.

Такова была главная тема нашего разговора, происходившего, пока кеб с грохотом двигался по улицам, направляясь к тюрьме…

Внезапно вспомнив о своих обязательствах, я достал свой блокнот и записывал сказанное, когда Торндайк вошел в комнату.

— Не позволяйте мне мешать вам, Джервис, — сказал он. — Я сделаю себе чашку чая, пока вы заканчиваете писать, а затем вы продемонстрируете дневной улов и повесите свои сети сушиться.

Я быстро закончил свои заметки, потому что с лихорадочным нетерпением хотел услышать комментарии Торндайка, и, когда чайник закипел, начал пересказывать ему в подробностях наш разговор с Джульет.

Он слушал, как обычно, с глубоким вниманием.

— Это очень интересно и важно, — сказал он наконец. — В самом деле, Джервис, вы поистине бесценный помощник. Теперь, я полагаю, вы считаете, что ваша гипотеза получила существенное подтверждение? В свете новых фактов она стала довольно вероятным объяснением всего дела, и, если бы только можно было доказать, что книга для записей мистера Хорнби была среди бумаг на столе, вероятность ее выросла бы до высокой степени. Кстати, странно, что Рубен не вспомнил этот случай, когда я спрашивал его. Конечно, кровавые отпечатки пальцев были обнаружены после того, как он ушел, но можно было бы ожидать, что он вспомнит это обстоятельство.

— Я должен попытаться выяснить, была ли книга для записей мистера Хорнби на столе среди испачканных бумаг, — сказал я.

— Да, это было бы мудро, — ответил он, — хотя не думаю, что эту информацию будет легко раздобыть.

В это время наша беседа была прервана появлением Полтона с чертежной доской в руках, на которой находились двадцать четыре искусно выточенные самшитовые фигурки.

— У Полтона есть проблема для вас, Джервис, — сказал Торндайк. — Он предполагает, что я изобрел новую салонную игру, и пытается вычислить правила. Вы добились успеха, Полтон?

— Нет, сэр, не добился, но, по-моему, один из игроков будет в парике и мантии.

— Возможно, вы правы, — кивнул Торндайк, — хотя вряд ли это далеко вас продвинет. Давайте послушаем, что скажет доктор Джервис.

— Я ничего не могу предположить, — покачал я головой. — Полтон показал мне рисунок сегодня утром, и с тех пор я пытаюсь, без проблеска успеха, угадать, для чего фигурки предназначены.

— Хм, — пробормотал Торндайк, прогуливаясь взад и вперед по комнате с чашкой в руке, — угадать? Мне не нравится слово «угадать» в устах ученого. Что вы подразумеваете под словом «угадать»?

— Я подразумеваю заключение, полученное без опоры на сведения.

— Невозможно! — воскликнул он с напускной суровостью. — Никто, кроме круглого дурака, не получает заключения без опоры на какие-либо сведения.

— Тогда я должен немедленно пересмотреть свое определение. Давайте скажем, что догадка — это заключение, полученное на основе неполной информации.

— Это уже лучше, — усмехнулся Трондайк. — Но, возможно, было бы предпочтительнее сказать, что догадка — это частное заключение, выведенное из фактов, допускающих общее, неопределенное заключение. Легко установить связь, когда знаешь все факты, но, мне кажется, вы располагаете сведениями, на основе которых можно выстроить лишь гипотезу. Может быть, я ошибаюсь, но, думаю, если бы у вас было больше опыта, вы бы поняли, что способны решить проблему такого рода. Что тут требуется, так это творческое воображение и строгая точность в мышлении. Когда вы узнаете, зачем мне нужны эти вещицы — а вы узнаете это в скором времени — возможно, вы удивитесь, что это не приходило вам на ум. А теперь давайте прогуляемся, чтобы освежиться после целого дня работы.

Глава 11
Засада

— Я собираюсь обратиться к вам за помощью в другом деле, — сказал Торндайк днем или двумя позже. — Кажется, имело место самоубийство, но солиситоры из конторы «Грифон» попросили меня прибыть на место происшествия и присутствовать на post mortem и дознании. Им удалось устроить все так, что мы сможем покончить с этим в один присест.

— Запутанное дело? — спросил я.

— Я так не думаю, — ответил он. — Выглядит как обычное самоубийство, но никогда нельзя сказать наверняка. Дело становится важным всецело из-за страховки. Вердикт о самоубийстве будет означать выигрыш десяти тысяч фунтов для «Грифона», так что, естественно, директора страстно хотят получить надежное заключение, чтобы дело не повлекло ни малейших расходов.

— Естественно. И когда состоится это дознание?

— Оно назначено на завтра. А в чем дело? Это мешает каким-то вашим планам?

— О, ничего важного, кроме того, от чего я могу немедленно отказаться, чтобы не нарушать ваши планы. — Я неожиданно покраснел, как маринованная капуста, и смущенно добавил: — Если уж вы так отвратительно любопытны, скажу, что мисс Гибсон написала мне от лица миссис Хорнби, прося отобедать с ними в кругу семьи завтра вечером, и час назад я ответил согласием.

— И вы называете это «ничего важного»! — воскликнул Торндайк. — Увы! Век рыцарей прошел! Конечно, вы должны явиться на свидание, я неплохо справлюсь и один.

— Полагаю, мы вернемся слишком поздно для того, чтобы я смог отправиться в Кенсингтон хотя бы прямо со станции?

— Нет, мы не доберемся до Кингс-Кросс раньше часа ночи.

— Тогда я напишу мисс Гибсон и попрошу меня извинить.

— О, я бы этого не хотел, — возразил Торндайк. — Это разочарует их, и в этом действительно нет необходимости.

— Я напишу немедленно, — твердо сказал я, — так что, пожалуйста, не пытайтесь меня отговаривать. Я чувствую себя довольно неудобно при мысли, что все время, которое я нахожусь у вас на службе, только и делал, что бездельничал и развлекался. Возможность сделать что-нибудь стоящее за мое жалованье слишком драгоценна, чтобы дать ей ускользнуть.

— Вы сделаете так, как вам угодно, мой дорогой мальчик, — рассмеялся Трондайк, — но не воображайте, что вы едите хлеб в праздности. Когда увидите дело Хорнби во всех деталях, вы будете удивлены, обнаружив, как велика часть, в распутывании которой вы принимали участие. Польза, приносимая вами, намного превышает ваше скудное жалованье, могу вас уверить.

— Очень любезно с вашей стороны сказать это. — Мне было приятно узнать, что я действительно приношу пользу, а не просто являюсь, как мне уже начало казаться, объектом милосердия.

— А теперь, — продолжил Торндайк, — поскольку вы собираетесь помочь мне в этом деле, я поставлю перед вами задачу. Дело, как я сказал, кажется довольно простым, но никогда нельзя исходить из того, что оно действительно просто. Здесь письмо от солиситоров, излагающее факты в той степени, в какой они известны на сегодняшний день. На полках вы найдете Каспера, Тэйлора, Гая, Ферье и других классиков судебной медицины, а я предложу вам еще одну или две книги, которые могут оказаться вам полезными. Я попросил бы вас сделать выписки и систематизированные заметки обо всем, что может иметь отношение к делу. Мы должны быть готовы к любой случайности, это мое неизменное правило, и, даже если дело окажется довольно простым, работа не пропадает зря, потому что вы приобретаете полезный опыт.

В результате я посвятил остаток дня рассмотрению различных методов, как человек может осуществить свой уход со сцены, на которой разыгрываются людские деяния. Я обнаружил, что это весьма захватывающее занятие, но все же не настолько захватывающее, чтобы я не мог найти время написать письмо мисс Гибсон, в котором я даже указал час нашего возвращения, дабы показать, что я действительно не могу исполнить свое обещание.

Когда мы прибыли на место, наш случай действительно оказался самым очевидным самоубийством, в чем Торндайк и я были, пожалуй, несколько разочарованы: он — поскольку сделал так мало за такое существенное вознаграждение, а я — поскольку не имел возможности использовать свои недавно приобретенные знания.

— Да, — сказал мой коллега, когда мы, завернувшись в пледы, устроились в смежных углах железнодорожного вагона, — это простое дело, и с ним легко мог бы управиться местный солиситор. Но все же мы не потратили время даром, потому что мне приходится делать много работы, за которую не получаю ни фартинга, так что я не жалуюсь, если от случая к случаю обнаруживаю, что получаю плату большую, нежели заслужил. А что касается вас, я считаю, что вы получили большое количество ценных знаний о самоубийстве, а знание, как заметил покойный лорд Бэкон, — это сила.

Поезд, наконец, прибыл на конечную станцию, и мы, зевая и дрожа, вышли на платформу.

— Ба! — воскликнул Торндайк, обертывая свой плед вокруг плеч, — неприветливый это час, четверть второго. Посмотрите, какими озябшими и жалкими выглядят пассажиры. Возьмем кеб или отправимся пешком?

— Думаю, прогулка по холоду будет нам более полезна, — ответил я.

— Я того же мнения, — кивнул Торндайк. — Тогда — вперед! Кстати, заметьте, этот джентльмен, кажется, тоже предпочитает энергичную жизнь, если судить по размеру его цепного колеса. — Он указал на велосипед, остановившийся неподалеку, — это была машина гоночного типа с передачей, по меньшей мере, 90 дюймов.

— Какой-то лихач или гонщик-любитель, вероятно, — сказал я, — который пользуется возможностью носиться по тротуару, когда улицы пусты.

Мы быстро пошли от станции по Грейс-Инн-роуд, в эти часы молчаливой и весьма мрачной, затем свернули на другую улицу, и Торндайк вдруг воскликнул:

— Смотрите, по Гилдфорд-стрит едет велосипедист, не наш ли это энергичный друг со станции?

Я обернулся и тоже увидел человека на велосипеде, но пока мы добирались до Гилдфорд-стрит, длинной, освещенной фонарями улицы, велосипедист уже исчез.

— Давайте пойдем прямо и выйдем на Джон-стрит, — предложил Торндайк. — В этих старых улицах Блумсбери, с их увядшим великолепием и благородной обветшалостью, мне всегда чудится что-то патетическое. Они напоминают мне чинную и немолодую даму в стесненных обстоятельствах, которая… Эй! Что это было?

Сзади отчетливо раздался какой-то слабый звук, за которым сразу последовал звон разбитого окна в цокольном этаже впереди.

Мы оба остановились, как вкопанные, и несколько секунд стояли, уставившись в темноту, из которой донесся звук; затем Торндайк бросился бежать наискосок через улицу, и я немедленно последовал за ним.

Когда мы добежали до другого конца улицы, все неожиданно стихло, ничьих шагов слышно не было.

— Звук определенно донесся отсюда, — сказал Торндайк. — Вперед! — и вновь пустился бежать, жестом попросив меня продолжать следовать прямо, что я и сделал, в несколько прыжков достигнув конца улицы, где оказался узкий проезд. Заглянув туда, я увидел быстро удалявшегося человека на велосипеде. С громким криком: «Держи вора!» — я бросился в погоню, но он мчался вперед с такой ошеломительной скоростью, что, вопреки всем моим усилиям, я не смог догнать его. Беглец свернул на Литтл-Джеймс-стрит и скрылся.

Дальнейшее преследование было абсолютно бесполезным, так что я пошел обратно, задыхаясь и исходя потом от непривычного напряжения. Тут из переулка появился Торндайк и остановился, увидев меня.

— Велосипедист? — лаконично спросил он, когда я подошел.

— Да, — ответил я, — уехал на транспорте с передачей около 90 дюймов.

— А! Он, должно быть, следовал за нами со станции. Вы не заметили, было ли у него что-нибудь с собой?

— Он держал в руке трость. Больше я ничего не видел.

— Какого рода трость?

— Я не мог разглядеть ее отчетливо. Это была толстая трость с чем-то вроде роговой рукоятки. Я заметил ее, когда он проехал под уличным фонарем.

— Ха, — неожиданно воскликнул Торндайк, — а вот и хозяин разбитого окна! Он хотел бы знать, и прочее, и прочее.

На пороге дома с разбитым окном действительно стоял какой-то человек и с тревогой оглядывал улицу.

— Кто-нибудь из вас, джентльмены, знает что-нибудь об этом? — спросил он, указывая на разбитое стекло.

— Да, — ответил Торндайк, — мы проходили мимо, когда это произошло. На самом деле, — добавил он, — как я подозреваю, предмет, разбивший стекло, чем бы он ни был, предназначался нам.

— О! И кто это сделал?

— Не могу сказать, — покачал головой Торндайк, — он ускользнул на велосипеде, и мы не смогли схватить его.

— О! — снова сказал человек, рассматривая нас с возрастающей подозрительностью. — На велосипеде, вот как! Чертовски забавно, не так ли? Как он это сделал?

— Это то, что я хотел бы знать, — сказал Торндайк. — Я вижу, этот дом пустует.

— Да, он пустует, по крайней мере, в нем никто не живет. Я — сторож. Но какое это имеет отношение к делу?

— Только то, — ответил Торндайк, — что предмет — камень, пуля или что бы то ни было — был выпущен, полагаю, в меня, и я хотел бы установить его природу. Не откажите мне в любезности и позвольте на него взглянуть.

Сторож явно предпочел бы отклонить эту просьбу, продолжая подозрительно смотреть то на моего коллегу, то на меня, но, наконец, он повернулся к открытой двери и неприветливо пригласил нас войти.

На полу в углу холла стояла керосиновая лампа, и, закрыв входную дверь, наш проводник поднял ее.

— Вот эта комната, — сказал он, поворачивая в замке ключ и открывая дверь, — ее называют библиотекой, но на простом английском языке она называется «гостиная». — Он вошел и, держа лампу над головой, со злобой уставился на разбитое окно.

Торндайк быстро взглянул в ту сторону, куда пролетел снаряд, а затем сказал:

— Вы видите отметину на стене? — Говоря это, он указывал на стену напротив окна, которая не могла быть задета пулей, вошедшей под таким углом.

Сторож подошел к стене, поднял лампу и стал внимательно всматриваться в нее, а пока он был этим занят, Торндайк быстро нагнулся, что-то поднял и осторожно положил в жилетный карман.

— Я не вижу здесь никакой отметины, — сказал сторож, проводя рукой по стене.

— Возможно, снаряд попал сюда, — предположил Торндайк, указывая на ту стену, которая действительно была на линии огня. — Да, конечно, — добавил он, — это должна быть она — выстрел был сделан с Генри-стрит.

Сторож пересек комнату и направил свет своей лампы на стену, которая была ему указана.

— А! Вот они мы! — воскликнул он с угрюмым удовлетворением, указывая на маленькую выбоину, в которой были вывернуты обои и обнажена штукатурка. — Выглядит почти как след от пули, но вы говорите, что не слышали звука выстрела.

— Нет, — сказал Торндайк, — его не было, видимо, снаряд выпустили из рогатки.

Сторож поставил лампу на пол и стал искать пулю на ощупь, в чем мы оба ему усердно помогали, при этом я не мог подавить легкой улыбки, когда заметил серьезность, с которой Торндайк вглядывался в пол в поисках предмета, который покоился в его жилетном кармане.

Внезапно послышался сильный двойной удар во входную дверь, за которым последовал громкий звонок колокольчика у цокольного этажа.

— Полагаю, это бобби, — проворчал сторож.— Чертова неразбериха из-за ерунды. — И, взяв лампу, вышел, оставив нас в темноте.

Когда он вернулся, его сопровождал дородный констебль, который приветствовал нас дружелюбной улыбкой.

— В нашем районе полно хулиганов, — сказал он, кивая на разбитое окно, — эти ребята любят пошалить. Я слышал, вы проходили мимо, когда это случилось, сэр.

— Да, — ответил Торндайк и дал констеблю краткий отчет об инциденте, который последний выслушал с блокнотом в руке.

— Ну, — сказал он, когда повествование было завершено, — если эти хулиганы собираются перейти к пращам, они устроят здесь веселую жизнь.

— Вы должны арестовать кого-нибудь из них, — возмущенно проговорил сторож.

— Арестовать их! — воскликнул констебль. — Да! А затем магистрат скажет им быть хорошими мальчиками и даст им пять шиллингов из кружки для сбора на нужды бедных, чтобы они купили себе иллюстрированную Библию. У меня есть для них Библия, для этих никчемных шалопаев! — Он свирепо сунул блокнот в карман и прошествовал из комнаты на улицу, куда последовали и мы. — Вы найдете эту пулю или камень, если выметете комнату, — добавил констебль, возвращаясь к своему обходу, — но лучше оставьте это нам. Доброй ночи, сэр!

— К чему такая секретность относительно пули? — поинтересовался я, когда мы с Торндайком отправились вверх по улице.

— Отчасти, чтобы избежать дискуссии со сторожем, — ответил он, — но, главным образом, я был уверен, что мимо будет проходить констебль и, увидев свет, зайдет провести расследование.

— И затем?

— Затем я должен был бы передать этот предмет ему.

— А почему нет? Он представляет особый интерес?

— В настоящий момент он для меня в высшей степени интересен, — ответил Торндайк, посмеиваясь, — потому что я еще не изучил его. У меня есть версия относительно его природы, но я хотел бы ее проверить, прежде чем довериться полиции.

Когда мы пришли домой, он сразу попросил меня зажечь свет и освободить край стола, пока он сходит в мастерскую за кое-какими инструментами. Я отогнул скатерть и, отрегулировав газ таким образом, чтобы осветить эту часть стола, в некотором нетерпении стал ждать его возвращения. Вскоре он появился, неся небольшие тиски, пилу для металла и бутыль с широким горлом.

— Что в этой бутыли? — спросил я, заметив внутри нее металлический предмет.

— Это наш снаряд, который, как я подумал, стоит опустить в дистиллированную воду по причинам, которые сейчас станут ясны.

Он осторожно встряхивал бутылку минуту или около того, а затем хирургическими щипцами вынул предмет и держал его над поверхностью воды, пока с него не стекла вода, после чего аккуратно положил его на листок промокательной бумаги.

Я нагнулся над снарядом и исследовал его с великим любопытством, в то время как Торндайк стоял, глядя на меня почти с таким же интересом.

— Ну, — сказал он после того, как некоторое время созерцал меня в молчании, — что вы видите?

— Я вижу маленький латунный цилиндр, — ответил я, — примерно двух дюймов в длину, и более тонкий, чем обычный графитный карандаш. Один его конец конический, в этом кончике, который, кажется, содержит стальную точку, маленькое отверстие, другой конец плоский, но в центре у него маленький квадратный выступ, по размеру подходящий для ключа, которым заводят часы. Я также вижу маленькое отверстие на боку цилиндра поблизости от плоского конца. Предмет похож на миниатюрную гильзу и, кажется, пустой внутри.

— Пустой, — подтвердил Торндайк. — Вы должны были заметить, что, когда я держал его, чтобы с него стекла вода, она выливалась через отверстие на остром конце.

— Да, я заметил это.

— Теперь поднимите его и встряхните.

Я встряхнул и почувствовал, как внутри побрякивает какой-то тяжелый предмет.

— Внутри находится какое-то незакрепленное тело, которое заполняет почти все пространство, потому что движется только вдоль снаряда.

— Именно так, ваше описание превосходно. А теперь скажите, какова природа этого снаряда?

— Я бы сказал, что это миниатюрная гильза или разрывная пуля.

— Очень естественный вывод, но неверный, — покачал головой Торндайк.

— Тогда что это? — Мое любопытство все возрастало.

— Я покажу вам. Это нечто гораздо более тонкое, чем разрывная пуля, причем восхитительно задуманное и превосходно исполненное. Мы имеем дело с весьма изобретательным и одаренным человеком. Он, можно сказать, мой основной наниматель, ибо с обычным жуликом может справиться обычный полицейский!

Говоря это, Торндайк поместил маленький цилиндр между двумя блоками папиросной бумаги в тиски и туго зажал его там. Затем пилой для металла начал разрезать его вдоль на две не вполне равные части. Наконец дело было сделано, и он, достав цилиндр из тисков, продемонстрировал его мне с видом триумфатора:

— Ну, что вы об этом скажете?

Я взял цилиндр и рассмотрел его поближе, но был озадачен еще больше, чем прежде. Незакрепленное тело, как я теперь видел, было свинцовым цилиндром примерно полдюйма в длину, почти полностью заполнявшим внутреннюю часть большего цилиндра, но способным свободно скользить взад и вперед. Стальная точка, которую я заметил в отверстии на вершине конического кончика, оказалась остроконечным завершением тонкого стального стержня, который на целый дюйм вдавался в полость цилиндра, а сам конический конец был цельным и сделан из свинца.

— Итак? — спросил Торндайк, поскольку я продолжал молчать.

— Я бы сказал, что свинцовый поршень содержит капсюль, который толкает конец этого стального стержня, когда пуля прекращает свой полет.

— Очень хорошо. Вы правы в том смысле, что это механизм ударного патрона. Но посмотрите сюда. Вы видите, что этот стерженек сдвинулся внутри пули, когда она ударилась о стену. Давайте вернем его в первоначальное положение.

Трондайк установил плоский конец напротив конца стержня и сильно нажал на него, так что стержень выходил через отверстие, пока не выступил на дюйм из конусовидного кончика патрона. Затем снова передал этот предмет мне.

Один взгляд на конец стального стержня все разъяснил — «стержень» был трубкой с остро заточенным концом.

— Бесчеловечный мерзавец! — воскликнул я. — Это подкожная игла!

— Да. Ветеринарная подкожная, увеличенного диаметра. Теперь вы видите утонченность и изобретательность всего дела. Будь у него подходящий случай, он бы определенно добился успеха.

— Вы говорите с некоторым сожалением, — удивился я его странному отношению к убийце.

— Ничуть, — ответил он. — Я лишь восхищаюсь великолепной механической моделью, весьма эффективно выполненной. Обратите внимание на совершенство замысла и способ, с помощью которого было предусмотрено все необходимое. Этот снаряд был выпущен из мощного духового ружья в виде трости, снабженного нагнетательным насосом и кнопкой. Дуло ружья нарезное. Вы заметили маленький квадратный выступ на задней поверхности цилиндра? Очевидно, он был сделан, чтобы можно было вставить шайбу или пыж — вероятно, тонкую пластинку из мягкого металла, которая под давлением сзади сдвинулась в нарезные бороздки и таким образом придала вращающееся движение пуле. Когда пуля покинула ствол, пыж выпал, давая ей вылететь. Весьма изобретательно, как и весь замысел. Посмотрите, с каким совершенством все было предусмотрено, если не считать счастливой случайности в виде вашего присутствия, осложнившего ситуацию. Предположим, что я был бы один, тогда он смог бы подойти на более близкое расстояние и не промахнулся бы. Вы понимаете, каков был план?

— Полагаю, да, — ответил я, — но хотел бы услышать вашу трактовку.

— Видите ли, сначала он узнал, что я возвращаюсь поздним поездом, и стал ожидать меня на вокзале. Между тем он наполнил цилиндр раствором сильного алкалоидного яда, что было легко сделать, окунув иголку в жидкость и втянув ее через маленькое отверстие у заднего конца снаряда с помощью поршня. Дождавшись моего приезда, он последовал бы за мной на велосипеде, пока я не оказался бы в достаточно уединенной местности. Затем прошел бы рядом и выстрелил бы с достаточно близкого расстояния. Пуля, вращаясь, попала бы в цель, иголка проколола бы одежду и вонзилась в тело, а когда пуля внезапно остановилась бы, тяжелый поршень упал бы под воздействием собственного импульса и впрыснул ядовитую струю в ткани тела. Затем пуля высвободилась бы и упала на землю, а преступник взобрался бы на велосипед и исчез. Когда мое тело было бы найдено, все решили бы, что смерть наступила от сердечного приступа, так как следов насилия не наблюдается, а след от укола вряд ли кто заметил бы. Согласитесь, что весь план был разработан с поразительным совершенством и предусмотрительностью.

— Да, — ответил я, — несомненно, этот малый — адски умный мерзавец. Могу я спросить, есть ли у вас идеи относительно того, кто он?

— Ну, — ответил Торндайк, — учитывая, что умные люди, по недоброму замечанию Карлейля, не составляют подавляющего большинства, и что из умных людей, которых я знаю, лишь немногие заинтересованы в моей скорой кончине, я способен сформировать довольно правдоподобную гипотезу.

— И что вы собираетесь делать?

— В настоящий момент я занимаю позицию совершенного бездействия и избегаю ночного воздуха.

— Но, конечно, — воскликнул я, — вы примете некоторые меры, чтобы защититься от попыток такого рода. Теперь уже можно не сомневаться, что несчастный случай в тумане на самом деле был попыткой убийства.

— Я никогда не сомневался в этом, хотя и не признавался вам. Но в настоящий момент у меня нет достаточных свидетельств против этого человека, и, следовательно, я не могу ничего сделать, кроме как выказать свои подозрения, что было бы глупо. В то же время, если я буду сидеть тихо, случится одно из двух; или возникнет повод для моего устранения, или он выдаст себя — и даст в мои руки какую-либо улику. А затем мы найдем пневматическую трость, велосипед, возможно, небольшой запас яда и некоторые другие мелочи, что я держу в уме, которые будут хорошими подтверждающими свидетельствами, хотя и недостаточными сами по себе. А теперь, полагаю, я действительно должен распустить собрание, или завтра мы будем ни на что не годны. ❑

Окончание следует.

Орден Знак Почета

смена

№9 СЕНТЯБРЬ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ 2016

смена №9 сентябрь 2016

СМЕНА сентябрь 2016 16+

Из российской истории

Светлана Бестужева-Лада **Д.И. Менделеев. Русский феномен** 4

Замечательные современники

Елена Логунова **Букет Маргариток** 22

Елена Воробьева **Вячеслав Стародубцев: «Театр всегда должен оставаться сказкой»** 30

Георгий Кричевский **О.П. Табаков. Лицедей нашего времени** 76

Рассказ

Святослав Тараховский **Универсальная боевая машина** 38

Драма двух сердец

Алла Зубкова **Полонез для мадам Санд** 46

Поэзия

Ирина Путяева **Стихи** 62

Шедевры

Ирина Опимах **Илья Репин. Портрет М.П. Мусоргского** 66

Литературные страницы МСПС

Иван Переверзин **Постижение любви** 94

Житейские истории

Всеволод Власов **Позвоните сыну** 117

Неизвестное об известном

Юрий Осипов **Тихие песни Иннокентия Анненского** 122

Детектив

Р. Остин Фримен **Красный отпечаток большого пальца** 136

Кроссворд. Эрудит 188

Р. Остин Фримен

КРАСНЫЙ ОТПЕЧАТОК большого пальца

Глава 12
Несбывшееся

Оставалась всего неделя до начала судебного процесса. Через восемь дней загадка почти наверняка будет решена (если ее вообще можно решить), так как суд обещал быть не слишком продолжительным, а затем Рубен Хорнби станет либо осужденным преступником, либо свободным человеком, с которого будет смыта печать обвинения.

В то утро, о котором я сейчас рассказываю, я заметил из окна своей гостиной, по Краун-Оффис-роу идет, не спеша, мистер Энсти и, по всей видимости, направляется к нашей квартире. Я ожидал прибытия Джульет и предпочел бы в этот момент быть один, учитывая, что Торндайк уже ушел. Правда, моя прекрасная поработительница не должна была появиться раньше, чем через полчаса, но кто мог сказать, как долго Энсти пробудет у нас, и удастся ли мне сбежать?

Громкий стук дверного молотка возвестил о прибытии нарушителя спокойствия, и, когда я открыл дверь, Энсти вошел с видом человека, для которого трата лишнего часа времени не будет иметь никаких последствий. Он пожал мне руку с притворной важностью и, усевшись за столом, начал сворачивать сигарету с невыносимой неспешностью.

Журнальный вариант. Окончание. Начало в №8, 2016.

— Я предполагаю, — проговорил он, — что наш ученый собрат работает в волшебном кабинете наверху, или он уже отправился в путешествие?

— Сегодня утром у него консультация, — ответил я. — Он ждал вас?

— Очевидно, нет, иначе был бы здесь. Но я лишь заглянул, чтобы задать вопрос о деле нашего друга Хорнби. Вы знаете, что оно будет рассматриваться в суде на следующей неделе?

— Да, Торндайк говорил мне. Что вы думаете о перспективах Хорнби? Идет ли дело к тому, что он будет осужден, или все же добьется оправдания?

— Мы, — выразительно похлопал себя по груди Энсти, — собираемся добиться оправдательного приговора. Кстати, я надеюсь, что не разглашаю секреты вашего патрона?

— Ну, — ответил я с улыбкой, — вы более откровенны, чем когда-либо был Торндайк.

— В самом деле? — воскликнул он с притворным беспокойством. — Тогда я должен заставить вас поклясться в соблюдении тайны. Торндайк так замкнут — и, в сущности, прав. Я не перестаю им восхищаться. Но, вижу, вы хотите, чтобы я убрался к черту, так что дайте мне сигару, и я уйду — хотя и не в этом направлении.

Я предложил ему свою коробку, из которой он выбрал сигару, тщательно принюхиваясь, затем церемонно попрощался и удалился вниз по лестнице, весело напевая под нос мелодию из новой комической оперы.

Буквально через пять минут легкий, аккуратный стук маленького медного молотка заставил мое сердце выскочить из груди. Я бросился к двери и, распахнув ее, увидел Джульет.

— Могу я войти? — спросила она. — Я хотела бы сказать вам несколько слов перед тем, как мы отправимся в путь.

Я посмотрел на нее с тревогой, ибо она была явно взволнована, а рука, пожимавшая мою, дрожала.

— Я очень расстроена, доктор Джервис, — сказала она, отказываясь от предложенного мною кресла. — Мистер Лоули изложил нам свои взгляды на дело бедного Рубена, и его позиция приводит меня в смятение.

— Повесить мистера Лоули! — пробормотал я, после чего поспешно извинился. — Что заставило вас пойти к нему, мисс Гибсон?

— Я не ходила к нему, он пришел к нам. Обедал с нами вчера вечером — он и Уолтер — и держался крайне мрачно. После обеда Уолтер отвел в сторону нас обоих и спросил его, что он думает об этом деле. Его точка зрения весьма пессимистична. «Мой дорогой сэр, — сказал он, — единственный совет, который я могу дать вам, — это приготовиться перенести несчастье так философски, как только можете. По моему мнению, ваш кузен

почти наверняка будет осужден. Я не вижу, какие факты могут обнаружиться, и я не слышал от доктора Торндайка ничего, что заставило бы меня предположить, будто он действительно добился чего-то в этой области». Это правда, доктор Джервис? О! Скажите мне правду, Рубен все же отправится в тюрьму?

— Это неправда, — ответил я, беря ее за руку и невольно понижая тон, чтобы не выдать своих чувств. — Если бы это было так, выходит, я преднамеренно ввел вас в заблуждение, к тому же был неверен нашей дружбе, а она на самом деле слишком много для меня значит.

— Вы не сердитесь на меня? — порывисто проговорила Джульет. — Было глупо с моей стороны слушать мистера Лоули после всего, что вы говорили, это выглядит так, будто я не поверила вам. Вы не обиделись, ибо это ранило бы меня сильнее всего?

— Конечно, нет, и вы не должны винить себя. Я понимаю, вы встревожены и страдаете, но ничто не может быть более естественным. Так что позвольте мне прогнать ваши страхи и вернуть вам вашу уверенность. Я уже говорил вам, что Торндайк сказал Рубену: есть основания надеяться, что его невиновность станет очевидной для каждого. Одного этого должно быть достаточно.

— Я знаю, что должно, — пробормотала она с раскаянием, — пожалуйста, простите меня за мои сомнения.

— Но, — продолжал я, — я могу привести вам слова того, чьему мнению вы придадите больше веса. Мистер Энсти был здесь менее получаса назад…

— Вы имеете в виду адвоката Рубена?

— Да.

— И что он говорил?

— Он сказал, что почти уверен в оправдательном приговоре, и что обвинение ждет большой сюрприз. Он, кажется, в высшей степени доволен тем резюме, с которым ему предстоит выступать, и с великим восхищением говорит о Торндайке.

— Он действительно так сказал? — Голос Джульет прерывался и дрожал. — Какое облегчение, — бессвязно пробормотала она, слабо улыбнулась дрожащими губами и внезапно разразилась рыданиями.

Едва осознавая, что делаю, я мягко привлек ее к себе и зашептал какие-то слова утешения. Через некоторое время она пришла в себя и, вытерев слезы, посмотрела на меня немного застенчиво:

— Мне стыдно за себя, что я пришла сюда и плачу у вас на груди, как великовозрастное дитя. Надеюсь, другие ваши клиенты не ведут себя подобным образом.

Тут мы оба громко рассмеялись и, таким образом восстановив наше эмоциональное равновесие, вспомнили о том, зачем мы встретились.

— Как вы думаете, мы опоздаем? — спросила Джульет, глядя на часы.

— Надеюсь, что нет, — ответил я, — потому что Рубен будет ждать нас, но мы все же должны поторопиться.

Я схватил свою шляпу, и мы быстро вышли из дома. На Флит-стрит я окликнул кеб, и, устроившись рядом со своей прекрасной спутницей, погрузился в раздумья.

«Кристофер Джервис, что ты делаешь? Ты человек чести или жалкий, ничтожный мерзавец? Ты, доверенное лицо этого несчастного джентльмена, в своем черном сердце строишь планы, как украсть у него то, что для него дороже свободы и даже чести? Стыдись, жалкий слабак! Покончи с этими заигрываниями и выполняй свои обязательства, как джентльмен или, по крайней мере, как честный человек!»

— Мой юридический консультант, кажется, размышляет на какую-то глубокую и важную тему, — с вкрадчивой улыбкой заметила Джульет.

— Ваш юридический консультант, мисс Гибсон, — ответил я, — размышлял о том, что он, кажется, вышел далеко за пределы своей юрисдикции.

— В каком смысле? — спросила она.

— Передавая вам информацию, которая была доверена ему на условиях строгой секретности,

— Но ведь информация не носила слишком секретного характера?

— Она более секретная, чем кажется. Видите ли, Торндайк считает важным не дать обвинению заподозрить, что у него есть что-то в рукаве, и держит в неведении даже мистера Лоули.

— И теперь вы думаете, что я заставила вас обмануть его доверие. Не так ли? Но вы можете положиться на меня: я не передам ни единого слова кому бы то ни было.

Я поблагодарил ее за это обещание, а затем мы перешли на более банальные темы и даже не заметили, что кеб уже остановился у тюремных ворот…

Когда наш визит был завершен, я испытал почти облегчение, узнав, что мы не должны возвращаться вместе на Кингс-Кросс, как это было у нас заведено, что Джульет поедет обратно на омнибусе, чтобы сделать некоторые покупки на Оксфорд-стрит, а я отправлюсь домой один.

Я видел, как она села в омнибус, и стоял на тротуаре, с тоской глядя на этот неуклюжий транспорт, пока он исчезал вдалеке. Наконец, с вздохом глубочайшего отчаяния, я повернулся и, бредя, как во сне, пошел по направлению к своему дому.

Глава 13
Убийство по почте

Через пару дней после моей последней встречи с Джульет произошло событие, которое определенно уменьшило испытываемое мной напряжение, и отвлекло мои мысли, хотя и не весьма приятным образом.

Это случилось после обеда, когда мы удобно устроились каждый в своем кресле и за трубкой обсуждали одну из множества тем, представлявших интерес для нас обоих. Почтальон только что опустил в почтовый ящик лавину писем и рекламных проспектов, и я время от времени посматривал на Торндайка, с некоторым удивлением наблюдая, как он тщательно исследует со всех сторон каждое письмо и пакет, перед тем как вскрыть их.

— Я заметил, Торндайк, — рискнул я заговорить, — что вы всегда рассматриваете письмо снаружи, прежде чем заглянуть внутрь. Я видел и других людей, делающих то же самое, и это всегда казалось мне очень глупым. Зачем это делать, если один взгляд на содержимое скажет вам все, что нужно знать?

— Вы совершенно правы, — ответил он, — если цель исследования — узнать, кто отправитель письма. Но моя цель не в этом. Неоднократно я находил снаружи письма ценные указания, прикладываемые к его содержимому. Вот, например, что вы скажете об этом? — Торндайк протянул мне маленький сверток, к которому шнурком был прикреплен ярлык с напечатанным адресом, на оборотной стороне имелась надпись «Джеймс Бартлетт и сыновья, производители сигар, Лондон и Гавана».

— Боюсь, — сказал я, тщательно исследуя каждую часть пакета, — для меня это слишком сложно. Единственное, что я заметил, — адрес напечатан очень неумело. В остальном пакет кажется самым обычным.

— Что ж, одно интересное обстоятельство вы, во всяком случае, заметили, — усмехнулся Торндайк, забирая у меня пакет. — Давайте исследуем его внимательно и запишем все, что увидим. Во-первых, это обычный багажный ярлык, который вы можете купить у любого торговца канцелярскими принадлежностями вместе с прилагающимся к нему отдельным шнурком. Производители обычно используют более солидный образец, который прикрепляется шнурком самого пакета. Но это мелочи. Что гораздо более поразительно, это адрес на ярлыке. Он напечатан и, однако, как вы сказали, напечатан очень плохо. Вы знаете что-нибудь о пишущих машинках?

— Очень мало.

— Значит, вы не узнаете эту модель? Что ж, этот ярлык был напечатан на «Бликенсдерфере» — отличная машинка, но не той разновидности, ко-

торая обычно выбирается для работы в офисе. Эта модель, самая маленькая и легкая, спроектирована специально для использования журналистами и литераторами. Этот ярлык был напечатан на литературной машинке или, по крайней мере, шрифтовым колесом от этой модели; обстоятельство весьма примечательное.

— Откуда вы это знаете? — спросил я.

— По звездочке, напечатанной по ошибке. Человек, который печатал это письмо, сразу видно, неопытен, он нажал рычажок со значком, а не с буквой. К тому же в двух местах ему не удалось оставить пробелы между словами, он сделал пять опечаток и в двух случаях напечатал значки вместо букв. Литературное шрифтовое колесо — единственное, имеющее звездочку. Таким образом, мы сталкиваемся с поразительным фактом, потому что, даже если какой-то промышленник выбрал «Блик» для использования на своем предприятии, непостижимо, чтобы он предпочел литературную модель.

— Да, — согласился я, — это весьма необычно.

— А теперь, — продолжил Торндайк, — вскроем посылку и посмотрим на ее содержимое.

Он разрезал внешнюю обертку острым ножом, явив нашим взорам плотную картонную коробку, обернутую в несколько рекламных листков. Когда мы сняли крышку, то увидели, что коробка содержит одну-единственную сигару — большую, с обрезанными кончиками — обернутую в вату.

— Трихи, клянусь Юпитером! — воскликнул я. — Ваша любимая прихоть, Торндайк.

— Да; но есть одна аномалия, которая могла бы избежать нашего внимания, если бы мы не были в состоянии боевой готовности. Что написано в рекламных листках? А! Вот оно: «Господа Бартлетт и сыновья, владельцы плантаций на острове Куба, производят свои сигары исключительно из отборных листьев, выращенных ими самими». Вряд ли они смогли бы сделать трихинопольскую сигару с обрезанным кончиком из листа, выращенного в Вест-Индии, так что мы имеем здесь поразительную аномалию в виде ост-индской сигары, посланной вест-индским плантатором.

— И что вы из этого заключаете?

— Прежде всего, что эта сигара заслуживает самого внимательного исследования. — Торндайк достал из кармана мощную лупу, с помощью которой исследовал каждую часть поверхности сигары и, наконец, оба кончика. — Взгляните на маленький кончик, — сказал он, передавая мне сигару и лупу, — и скажите мне, если заметите что-нибудь.

Я направил лупу на срез туго скрученного листа и тщательно исследовал каждую его часть.

— Мне кажется, — сказал я, — что лист слегка развернут в центре, как если бы его приподняли тонкой проволокой.

— Так кажется и мне, — ответил Торндайк, — и, поскольку в этом мы пришли к согласию, продолжим наше исследование и сделаем следующий шаг.

Он положил сигару на стол и при помощи острого перочинного ножа с тонким лезвием тщательно разделил ее вдоль на две половины. Несколько секунд мы стояли в оцепенении, созерцая разрезанную сигару. На расстоянии примерно в полдюйма от ее маленького кончика виднелась небольшая круговая дорожка какого-то вещества цвета мела.

— Снова наш изобретательный друг, как я полагаю, — сказал, наконец, Торндайк, беря одну из половинок сигары и исследуя белую дорожку через лупу. — Глубокий ум, Джервис, и к тому же оригинальный. Я бы хотел, чтобы его таланты были приложены в каком-нибудь другом направлении. Мне придется заявить ему протест, если он начнет причинять беспокойство. Но в этот раз он был не так умен, потому что оставил один-два следа, посредством которых его личность может быть установлена.

— В самом деле! И какие же это следы?

— Давайте посмотрим, какую информацию это изобретательное лицо предоставило нам о себе, — произнес Торндайк, удобно располагаясь в кресле. — Во-первых, он, очевидно, сильно заинтересован в моей немедленной кончине. Почему он столь настойчиво желает моей смерти? Может это быть вопрос собственности? Вряд ли, потому что я далеко не богатый человек, а условия моего завещания известны лишь мне одному. Далее, может ли это быть вопросом личной вражды или мести? Думаю, нет. По моему глубокому убеждению, у меня нет личных врагов. Остается лишь моя профессия следователя по правовым и криминальным вопросам. Его заинтересованность в моей смерти должна быть, таким образом, связана с моей профессиональной деятельностью. Наш друг, видимо, считает, что я обладаю какой-то эксклюзивной информацией относительно него, и что я — единственный человек в мире, который может обвинить его. Не зная, что я сообщил свои сведения третьей стороне, он, скорее всего, предполагает, что, удалив меня, тем самым обезопасит себя.

Следующий пункт — выбор сигары довольно необычного сорта. Почему он послал трихинопольскую вместо обычной гаванской, которую Бартлетты действительно выпускают? Это выглядит так, как если бы он знал о моем пристрастии и, принимая во внимание мои личные вкусы, принял меры предосторожности против того, чтобы я передал сигару другому лицу. Мы можем, таким образом, сделать вывод, что наш друг располагает некоторыми знаниями о моих привычках.

Дальше: каково социальное положение этого благородного незнакомца, которого мы назовем X? Бартлетты не посылают свою рекламу и образцы продукции Томасу, Ричарду и Генри. Они посылают их, главным образом, богословам, юристам, врачам или людям со средствами и положением. Верно, что оригинальную упаковку мог сделать какой-нибудь клерк, мальчик на посылках или домашний слуга, но, вероятнее всего, X использовал собственную упаковку, и это подтверждается фактом, что он способен получить доступ к сильному алкалоидному яду — каковым несомненно является это вещество.

— В этом случае он, вероятно, медик или химик, — предположил я.

— Не обязательно, — ответил Торндайк. — Любой обеспеченный человек, имеющий необходимые знания, может раздобыть любой яд, какой пожелает. Но общественное положение — важный фактор, из чего мы можем заключить, что X принадлежит, по меньшей мере, к среднему классу. Кроме того, он человек исключительного ума, изобретательный и находчивый. Сигара с обрезанными кончиками была выбрана, видимо, по двум причинам: во-первых, это самый подходящий сорт для того, чтобы ее выкурило намеченное лицо, во-вторых, ей не надо было обрезать кончик, что могло бы привести к обнаружению яда. Далее, природа яда и определенное сходство процедур позволяют отождествить X с велосипедистом, использовавшим ту своеобразную пулю. Яд в данном случае — некристаллическое вещество белого цвета, которое, как покажет анализ, принадлежит к числу самых сильных алкалоидов. Он был введен в сигару в виде спиртового или эфирного раствора посредством подкожного шприца. Таким образом, мы можем считать доказанным предположение, что пуля и сигара происходят от одного и того же лица. Таковы наши основные факты, к которым мы можем добавить предположение, что X приобрел «Бликенсдерфер» с литературным шрифтовым колесом. Что до возраста машинки, есть очевидные признаки изношенности, ибо некоторые буквы потеряли свою четкость, что наиболее очевидно для тех букв, которые используются часто — например, «н», как вы заметите, весьма потерта, а «н» встречается достаточно часто. Следовательно, машинка, если и приобретена недавно, куплена из вторых рук.

— Но, — возразил я, — это вообще может быть не его машинка.

— Это возможно, — ответил Торндайк, — хотя, учитывая секретность, которая была ему необходима, вероятнее, что он купил ее. Но, так или иначе, у нас есть возможность идентифицировать машинку, если мы когда-нибудь столкнемся с ней.

Он взял ярлык и передал его мне вместе с карманной лупой.

— Взгляните на «н», которое мы обсуждали, оно встречается четыре раза, в словах «Торндайк», «Бенч» и «Иннер». В каждом случае вы заметите

маленький разрыв в перекладине на середине буквы. Этот разрыв соответствует крошечной вмятине на литере — появившейся, вероятно, в результате удара каким-то маленьким, твердым предметом.

— Я могу различить его довольно отчетливо, — сказал я, — и это очень ценное основание для идентификации.

— Почти определяющее, — ответил Торндайк, — особенно если присоединить его к другим фактам, которые могут быть установлены в результате поиска человека, удовлетворяющего упомянутым мною характеристикам. А в настоящий момент я намереваюсь поместить все эти предметы в безопасное место. Завтра вы отправитесь со мной в больницу и увидите, как я предоставлю кончики сигар в распоряжение доктора Чэндлера, который сделает анализ и сообщит о природе яда. После этого мы будем действовать тем способом, который представится наилучшим.

Глава 14
Поразительное открытие

День суда, которого ждали так долго, наконец, настал, и история, о которой я взялся рассказать, устремилась к финалу. Для меня эта история во многих отношениях была серьезнейшим моментом в жизни. Она не только освободила меня от монотонной тяжелой работы и перенесла в жизнь, полную новизны и драматических, интересных событий, но и показала мне, какой подъем переживает наука, и возродила мою близость с товарищем студенческих дней.

В это утро Полтон находился в крайнем возбуждении от перспективы разрешения загадок, которые так безжалостно терзали его любопытство, и даже Торндайк, изменив своему обычному спокойствию, демонстрировал признаки нетерпения и предвкушения развязки.

— Я взял на себя смелость сделать некоторые небольшие приготовления, связанные с вами, — сказал он за завтраком, — за которые вы, надеюсь, не осудите меня. Я написал миссис Хорнби, которая вызвана в качестве свидетельницы, что вы встретите ее в конторе мистера Лоули и проводите в суд ее и мисс Гибсон. Вместе с ними может прийти Уолтер Хорнби, если так и будет, постарайтесь добиться, чтобы он пошел в суд вместе с Лоули.

— Вы не придете в контору?

— Нет. Я отправлюсь прямо в суд вместе с Энсти. Кроме того, я ожидаю суперинтенданта Миллера из Скотланд-Ярда, который, возможно, пойдет с нами.

— Рад слышать это, — сказал я, — мне было беспокойно при мысли, что вы смешаетесь с толпой, не имея никакой защиты.

— Что ж, как видите, я принимаю меры предосторожности против слишком изобретательного X, и никогда не простил бы себе, если бы позволил ему убить меня до того, как я завершу защиту Рубена Хорнби. А, вот и Полтон — этот человек сегодня утром как на иголках, он бродит по комнатам взад и вперед с тех пор, как проснулся.

— Верно, сэр, — сказал Полтон, ничуть не смутившись, — нет нужды отрицать это. Я пришел спросить, что мы возьмем с собой в суд.

— Вы найдете коробку и портфель на столе в моей комнате, — ответил Торндайк. — Хорошо было бы взять еще микроскоп и микрометр, хотя вряд ли они нам понадобятся, это все, я полагаю.

— Коробку и портфель, — повторил Полтон с любопытством. — Да, сэр, я возьму их. — Он открыл дверь и собирался выйти, но, увидев посетителя, поднимающегося по лестнице, вернулся назад.

— Мистер Миллер из Скотланд-Ярда, сэр, проводить его сюда?

— Да, будьте добры.

Высокий, военного вида человек вошел в комнату и поздоровался, бросив в то же самое время на меня изучающий взгляд.

— Доброе утро, доктор, — сказал он отрывисто. — Я получил ваше письмо и привел двух людей в штатском и одного в форме, как вы предлагали. Насколько я понимаю, вы хотите, чтобы за домом наблюдали?

— Да, и человек в форме тоже. Я сообщу вам детали через некоторое время — то есть если вы согласитесь с моими условиями.

— Полностью довериться вам и никому ничего не сообщать? Ну, конечно, я предпочел бы, чтобы вы изложили мне все факты и позволили действовать обычным порядком, но, если вы ставите условия, у меня нет выбора, кроме как принять их, учитывая, что все карты у вас на руках.

Видя, что разговор носит конфиденциальный характер, я почел за лучшее удалиться, отправившись в контору юриста.

Мистер Лоули встретил меня с церемонностью, которая граничила с враждебностью. Он, очевидно, был глубоко оскорблен подчиненной ролью, которую был вынужден играть в деле, и отнюдь не старался скрыть этот факт.

— Мне сообщили, — сказал он ледяным тоном, когда я объяснил свою миссию, — что миссис Хорнби и мисс Гибсон должны встретиться с вами здесь. Эта договоренность заключена не мною, ни одна из договоренностей в этом деле не заключена мною. На всем его протяжении со мной обращались без церемоний и доверия, что поистине позорно. Даже сейчас я — представитель защиты — полностью в неведении относительно того, какой планируется линия защиты, впрочем, скорее всего, я окажусь

вовлеченным в фиаско. О, кажется, я слышу голос миссис Хорнби, и, поскольку ни вы, ни я не располагаем временем, чтобы тратить его на праздный разговор, я бы предложил вам отправиться в суд безотлагательно. Желаю вам доброго утра!

Действуя в соответствии с этим весьма прозрачным намеком, я отступил в помещение для клерков, где нашел миссис Хорнби и Джульет, первую — непритворно плачущую и напуганную, вторую — спокойную, хотя бледную и взволнованную.

— Нам лучше отправиться прямо сейчас, — сказал я после того, как мы обменялись приветствиями. — Возьмем кеб или пойдем пешком?

— Думаю, пойдем пешком, если вы не возражаете, — ответила Джульет. — Миссис Хорнби хочет сказать вам несколько слов до того, как мы придем в суд. Видите ли, она вызвана свидетельницей и боится сказать что-нибудь, что может повредить Рубену.

— Кто прислал повестку? — спросил я.

— Мистер Лоули, — ответила миссис Хорнби, — и я отправилась повидать его по этому поводу уже на следующий день, но он ничего мне не сказал — казалось, он не знал, зачем я понадобилась, и он не был со мной любезен — вовсе нет.

— Я думаю, ваши показания будут связаны с «Пальцеграфом», — предположил я. — Ведь вы не знаете больше ничего, имеющего отношение к этому делу.

— Именно так сказал и Уолтер! — воскликнула миссис Хорнби. — Я пошла к нему, чтобы обсудить это. Он был очень расстроен, и, я боюсь, перспективы бедного Рубена кажутся ему очень мрачными. Надеюсь, что он ошибается! Уолтер был так заботлив, исполнен сочувствия и в высшей степени услужлив. Расспросил меня обо всем, что я знала об этой ужасной книжечке, и записал мои ответы. Затем записал вопросы, которые мне, скорее всего, зададут, вместе с моими ответами, чтобы я могла прочесть их и запомнить. Разве это не мило с его стороны! Я попросила его напечатать их на машинке, чтобы мне можно было читать их без очков, и он сделал это прекрасно. Сейчас эта бумага у меня в кармане.

— Я не знал, что мистер Уолтер умеет печатать, — насторожился я. — У него есть своя печатная машинка?

— Это не печатная машинка в точном смысле слова, — ответила миссис Хорнби, — это маленький предмет с большим количеством маленьких круглых кнопок, на которые надо нажимать, кажется, «Диккенсблерфер» — смешное название, не правда ли? Уолтер купил ее у одного из своих литературных друзей примерно неделю назад, но уже довольно умело ею пользуется, хотя все же делает кое-какие ошибки, как вы можете видеть. — Она

замолчала и начала искать карман, который был скрыт в каких-то сокровенных тайниках ее одежды, абсолютно не осознавая, какое воздействие произвело на меня ее объяснение. Ибо, когда она говорила, мне сразу же вспомнился один из пунктов, которые Торндайк перечислил мне для идентификации таинственного X. «Вероятно, он относительно недавно приобрел подержанный «Блик» с литературным шрифтовым колесом».

Миссис Хорнби, наконец, отыскала свой карман и, извлекая из него сафьяновый кошелек, торжествующе воскликнула:

— А! Вот он! Я положила это сюда для сохранности, зная, как легко могут очистить карманы на этих людных лондонских улицах. — Она открыла это объемистое вместилище и вытащила что-то вроде концертино, состоявшее из многочисленных отделений, набитых клочками бумаги, мотками лент и шелка для вышивания, пуговицами, образцами материи для платьев и разнообразным хламом, перемешанным с золотыми, серебряными и медными монетами. — Теперь взгляните вот на это, доктор Джервис, — сказала она, передавая мне сложенную бумагу, — и дайте мне совет относительно того, как я ответила.

Я развернул листок и начал изучать его с жадным любопытством. При первом же взгляде на него я почувствовал, как закружилась голова, а сердце неистово забилось. Ибо бумага была озаглавлена «Показания относительно «Пальцеграфа», и в каждом из трех маленьких «н», которые встречались в этом предложении, я ясно видел при ярком дневном свете маленький разрыв или интервал в перекладине буквы.

Я был буквально ошеломлен. Одно совпадение вполне возможно и даже вероятно, но два сразу, причем второе столь примечательного характера, были уже за пределами разумных границ вероятного. Идентификация, казалось, не допускала сомнений, и все же…

— Я вижу, миссис Хорнби, — сказал я, — что в ответе на вопрос, откуда вы получили «Пальцеграф», вы говорите: «Я не помню точно, думаю, что купила его в книжном киоске на вокзале». Насколько я понимаю, его принес в дом и дал вам сам Уолтер.

— Я думала так же, — ответила миссис Хорнби, — но Уолтер говорит, что это не так, и, конечно, он должен помнить лучше, чем я.

— Но, дорогая тетя, я уверена, что это он дал его вам, — вмешалась Джульет. — Вы не помните? Это было в тот вечер, когда к обеду пришли Колли, и мы были так озабочены, чем бы их развлечь, когда к нам присоединился Уолтер и принес «Пальцеграф».

— Да, теперь я вспоминаю это достаточно хорошо, — ответила миссис Хорнби. — Как удачно, что вы напомнили мне. Мы должны изменить этот ответ.

— Если бы я был на вашем месте, миссис Хорнби, — произнес я, — то не обращал бы на эту бумагу никакого внимания. Она лишь запутает вас и создаст вам трудности. Отвечайте на вопросы, которые вам зададут, так, как сможете, и, если не будете помнить, так и скажите.

— Да, это самый мудрый план, — согласилась Джульет. — Позвольте доктору Джервису позаботиться об этой бумаге и положитесь на вашу собственную память.

— Очень хорошо, моя дорогая, — ответила миссис Хорнби, — я сделаю то, что вы считаете наилучшим, а вы можете забрать бумагу, доктор Джервис, или выбросить ее.

Я без лишних слов положил бумагу в карман, и мы отправились в путь, миссис Хорнби — выплескивая свои чувства в потоках слов, а Джульет — молча и рассеянно. Я пытался сосредоточиться на словах старшей леди, но мысли мои постоянно возвращались к бумаге, которая лежала в моем кармане, и поразительному решению, которое она, казалось, предлагала загадке отравленной сигары.

Возможно ли, чтобы Уолтер действительно был подлым X? Это кажется невероятным, потому что до сих пор на него не падало ни тени подозрения. Однако нельзя отрицать, что его описание весьма примечательным образом соответствовало описанию гипотетического X. Он человек с некоторыми средствами и положением в обществе, обладает значительными знаниями и навыками в механике, хотя о его изобретательности я не мог судить. Недавно он купил подержанный «Бликенсдерфер», у которого есть характерная отметина на маленьком «н». Остальные два пункта не так ясны. Я не мог сказать, обладает ли Торндайк какой-то эксклюзивной информацией о нем, и был склонен сомневаться, что он осведомлен о привычках моего друга, пока внезапно не вспомнил — испытав приступ угрызений совести — о тех подробностях, которые сообщил Джульет, и которые она по наивности легко могла сообщить Уолтеру. Например, я рассказал ей о том, что Торндайк предпочитает трихинопольские сигары с обрезанными кончиками, и об этом она могла сказать Уолтеру, у которого имелся запас таких сигар. О времени нашего прибытия на Кингс-Кросс я уведомил ее в письме, никоим образом не конфиденциальном, и снова не было причин, почему бы эти сведения не могли попасть к Уолтеру, который должен был присутствовать на семейном обеде. Совпадений было предостаточно, однако все же не верилось, что кузен Рубена может оказаться коварным злодеем и иметь мотив для такого грязного преступления.

Мои размышления были прерваны миссис Хорнби, которая сжала мою руку и испустила глубокий вздох. Мы достигли угла Олд-Бейли, и перед нами выросли хмурые стены Ньюгейта. За этими стенами Рубен Хорнби

был заключен вместе с другими узниками, ожидавшими суда; и взгляд на массивную каменную кладку, ставшую серой от городской грязи, вернул меня к драме, которая так близко подошла к своей кульминации.

Мы молча шли вниз по старой улице, наполненной столькими воспоминаниями о скрытых от людских глаз трагедиях; в сторону угрюмой тюрьмы, пока не подошли к входу в здание суда.

Здесь я испытал немалое облегчение, увидев, что Торндайк ждет нас. Я не мог смотреть, как миссис Хорнби, несмотря на поистине героические усилия, которые она прилагала, чтобы сдержать свои чувства, была в одном шаге от истерики, а восковые щеки и испуганные глаза Джульет, внешне спокойной и невозмутимой, выдавали ее страх.

— Мы должны быть храбрыми, — мягко сказал Торндайк, взяв миссис Хорнби за руку, — и не расстраивать грустными лицами нашего друга, которому пришлось так много вынести и который переносит испытания так терпеливо. Еще несколько часов, и, я надеюсь, мы увидим, что его честь, если не свобода, будет восстановлена. Вот и мистер Энсти, который, мы уверены, сможет доказать его невиновность.

Энсти, уже надевший парик и мантию, важно кивнул, и через убогий, грязный вход мы прошли в темный холл и по лестнице поднялись на площадку, от которой расходилось несколько коридоров. По одному из них — своего рода «черному ходу», начинавшемуся дверью из металлических прутьев, — мы прошли до черной двери, на которой была начертана надпись: «Вход для адвокатов и клерков».

Энсти распахнул перед нами дверь, и мы вошли в зал суда, вызвавший у меня чувство разочарования. Он был меньше, чем я ожидал, простой по убранству и грязный настолько, что казался убогим. Лишь балдахин над креслом судьи — обитым красной байкой и увенчанным королевским гербом, — алые подушки на скамьях и большие круглые часы на галерее, украшенные позолоченным профилем и важно тикавшие, придавали этому месту некоторое достоинство.

Следуя за Энсти и Торндайком в зал суда, мы расположились на третьей спереди скамье, одной из тех, что были предназначены для адвокатов, и начали осматриваться по сторонам, в то время как два наших друга уселись на передней скамье рядом с центральным столом. Здесь, на первом месте справа, уже сидел барристер, погруженный в лежавшее перед ним краткое изложение дела. Прямо перед нами были места для присяжных, возвышавшиеся одно над другим, и на этой же стороне зала — скамья для свидетелей. С правой стороны над нами располагалось кресло судьи, а непосредственно под ним — сооружение, напоминающее церковную кафедру или конторку с медным ограждением, за которым человек

в сером парике — судебный клерк — затачивал перо. Слева от нас находилась скамья подсудимых, а над ней, почти под потолком, располагалась галерея для зрителей.

— Что за отвратительное место! — воскликнула Джульет, сидевшая между мной и миссис Хорнби. — И каким омерзительным и грязным здесь все выглядит! Подумать только, Рубен должен будет присутствовать в таком месте! — с горечью добавила она.

Ее слова были прерваны топотом ног на галерее вверху, и над деревянным парапетом начали появляться головы зрителей. Несколько младших адвокатов гуськом прошли на места перед нами, мистер Лоули и его клерк заняли кресла, предназначенные для поверенного со стороны защиты, офицер полиции устроился за столом возле скамьи подсудимых, а инспекторы, сыщики и полицейские стали собираться в дверях или заглядывать в зал суда через застекленные отверстия в дверях.

Глава 15
Эксперты по отпечаткам пальцев

Шум разговоров в зале внезапно стих. Дверь позади помоста распахнулась, адвокаты, солиситоры и зрители встали, вошел судья, за которым следовали лорд-мэр, шериф и другие чиновники, их одеяния, равно как и цепи на шее, полагавшиеся им по должности, придавали им живописный и эффектный вид. Когда судья занял свое место, все взоры обратились к скамье подсудимых.

Чуть позже за ограждением показался Рубен Хорнби в сопровождении надзирателя. Шагнув к решетке, Рубен остановился, держался он спокойно и с полным самообладанием, оглядывая зал суда с некоторым любопытством. На мгновение его глаза остановились на группе друзей и доброжелателей, сидящих позади адвокатов, и легкая тень улыбки появилась на его лице. Но он тут же отвернулся и за все время процесса больше ни разу не посмотрел в нашу сторону.

Помощник секретаря поднялся и, глядя в обвинительный акт, который лежал перед ним на столе, обратился к заключенному:

— Рубен Хорнби, вы обвиняетесь в том, что девятого или десятого марта злонамеренно похитили пакет с алмазами, принадлежащий Джону Хорнби. Вы виновны или невиновны?

— Невиновен, — ответил Рубен.

Помощник секретаря, записав ответ заключенного, продолжил:

— Джентльмены, чьи имена будут названы, образуют жюри, которое рассмотрит ваше дело. Если вы захотите заявить отвод кого-либо из них, вы должны сделать это, когда этот человек выйдет, чтобы принести присягу, но до того, как он ее принесет. Затем вас выслушают.

Рубен кивнул в знак того, что понял, и приведение к присяге началось.

Когда последний член присяжных завершил это действо, пристав повернулся к суду и зрителям и торжественно объявил:

— Если кто-то может сообщить милордам королевским судьям, королевскому генеральному атторнею или королевскому судебному приставу о какой-либо измене, убийстве, тяжком уголовном преступлении или проступке, совершенном или сделанном обвиняемым, пусть он выйдет и будет выслушан.

За этим заявлением последовало глубокое молчание, и после короткой паузы помощник секретаря повернулся к присяжным:

— Господа присяжные, подсудимый по имени Рубен Хорнби обвиняется в том, что девятого или десятого марта он преступно украл и унес партию бриллиантов, принадлежащих Джону Хорнби. На это обвинение он ответил, что невиновен, и ваша задача — исследовать, виновен он или нет, и выслушать показания.

Закончив свое обращение, он сел, а судья, пожилой человек с тонкими чертами лица, глубоко посаженными глазами, густыми седыми бровями и очень большим носом, несколько мгновений внимательно рассматривал Рубена поверх пенсне в золотой оправе. Затем повернулся к адвокату на ближайшей скамье и слегка кивнул.

Барристер кивнул в ответ, поднялся, и я в первый раз увидел вблизи сэра Гектора Трамплера, королевского адвоката, представителя обвинения. Его внешность не производила благоприятного впечатления — он был крупным человеком с довольно красным лицом — и не содержала в себе ничего из ряда вон выходящего, исключая разве что общее впечатление неопрятности. Его мантия свалилась с одного плеча, парик сидел криво, а пенсне ежеминутно грозило соскользнуть с носа.

— Дело, которое я должен представить вам, милорд и господа присяжные, — начал он ясным, хотя и немузыкальным голосом, — это дело, подобные которому часто встречаются в суде. Это дело, где мы увидим безграничное доверие, столкнувшееся с вероломным обманом, бесчисленные благодеяния, за которые было отплачено подлейшей неблагодарностью, дело, где мы станем свидетелями сознательного отречения от жизни, исполненной достойного трудолюбия, ради извилистой и ненадежной преступной стези. Факты, изложенные кратко, таковы: истец в этом деле —

мистер Джон Хорнби, металлург и торговец драгоценными металлами. У мистера Хорнби два племянника, осиротевшие сыновья двух его старших братьев, и я могу сказать вам, что со времени кончины их родителей он был отцом для них обоих. Один из этих племянников — мистер Уолтер Хорнби, а другой — Рубен Хорнби, обвиняемый. Оба племянника были приняты мистером Хорнби в его предприятие с тем, чтобы они стали его преемниками, когда ему придется удалиться от дел, и оба, нет нужды об этом говорить, занимали посты, связанные с доверием и ответственностью.

Вечером девятого марта мистеру Хорнби была доставлена партия необработанных алмазов, о которой один из его клиентов просил позаботиться, пока они не будут отправлены посредникам. Алмазы, общая стоимость которых достигала тридцати тысяч фунтов, были доставлены ему, и нераспечатанный пакет был положен им в его сейф вместе с листком бумаги, на котором он сделал заметку пером об этих обстоятельствах. Это было вечером девятого марта, как я уже сказал. Положив пакет в сейф, мистер Хорнби закрыл его, а вскоре после этого отправился к себе, взяв с собой ключи.

На следующее утро, открыв сейф, он с удивлением и смятением увидел, что пакет с алмазами исчез. Листок бумаги, однако, лежал на дне сейфа, и, подняв его, мистер Хорнби увидел пятно крови и вдобавок отчетливый отпечаток большого пальца. После этого он запер сейф и послал записку в полицейский участок, в ответ на которую его посетил инспектор Сандерсон и провел предварительное расследование. Нет нужды излагать подробности дела дальше, поскольку его детали будут раскрыты в показаниях, но я могу сказать вам, что, как стало очевидным и несомненным, отпечаток большого пальца на этом листке являлся отпечатком большого пальца обвиняемого, Рубена Хорнби.

Он сделал паузу, чтобы надеть пенсне, которое свалилось у него с носа, и поправить мантию, а я в этот момент увидел, как в зал суда входит Уолтер Хорнби и садится на том конце нашей скамьи, что был ближе всего к двери.

— Первый свидетель, которого я вызову, — сказал сэр Гектор Трамплер, — это Джон Хорнби.

Мистер Хорнби, с видом исступленным и возбужденным, поднялся на свидетельское место. Пристав протянул ему Новый Завет и сказал:

— Свидетельствуя перед судом и присяжными в деле между нашим монархом и повелителем королем и обвиняемым, клянитесь говорить правду, и ничего кроме правды, и да поможет вам Бог!

Мистер Хорнби поцеловал Новый Завет и, бросив взгляд невыразимой скорби на своего племянника, повернулся к адвокату.

— Ваше имя — Джон Хорнби, не так ли? — спросил сэр Гектор. — И вы проживаете в Сент-Мэри-Экс?

— Да. Я — посредник в торговле драгоценными камнями, и моя контора занимается в основном оценкой образцов руды и кварца и слитков серебра и золота.

— Вы помните, что случилось девятого марта?

— Прекрасно помню. Мой племянник Рубен — обвиняемый — передал мне партию алмазов, полученную им от казначея «Замка «Элмина», к которому я послал его в качестве моего доверенного лица. Я намеревался отдать алмазы на хранение моему банкиру, но, когда обвиняемый прибыл в мою контору, банки уже были закрыты, так что я положил пакет на одну ночь в свой сейф. Могу сказать, что обвиняемый никоим образом не ответственен за задержку.

— Вы здесь не для того, чтобы защищать обвиняемого, — сурово заметил сэр Гектор. — Отвечайте на мои вопросы и не делайте посторонних замечаний, если вам не трудно. Кто-нибудь присутствовал при том, как вы клали алмазы в сейф?

— Никто, кроме меня.

— Что еще вы сделали?

— Я написал чернилами на листке из моей книги для записей: «Передано Рубеном в 7.03 пополудни 9.3.01», и поставил свои инициалы. Затем вырвал листок из книги и положил его на пакет, после чего закрыл сейф и запер его.

— Как скоро после этого вы оставили дом?

— Почти немедленно. Обвиняемый ждал меня в приемной…

— Не заботьтесь о том, где был обвиняемый, ограничьте ваши ответы тем, о чем вас спрашивают. Вы взяли ключи с собой?

— Да.

— Когда вы в следующий раз открыли сейф?

— На следующее утро в десять часов.

— Сейф был заперт или открыт, когда вы пришли?

— Он был заперт. Я открыл его.

— Вы заметили что-нибудь необычное?

— Нет.

— Все это время ключи оставались в вашем распоряжении?

— Да. Они были прикреплены к цепочке для часов, которую я всегда ношу.

— Существуют ли дубликаты этих ключей?

— Нет, дубликатов не существует.

— Вы когда-нибудь расставались с ключами?

— Да. Если я уходил из конторы на продолжительное время, то передавал ключи тому из моих племянников, кому случалось оказаться на месте в тот момент.

— И никогда — другому лицу?

— Никогда другому лицу.

— Что вы увидели, когда открыли сейф?

— Я увидел, что пакет с алмазами исчез.

— Вы заметили что-нибудь еще?

— Да. Я заметил листок из моей книги для записей, лежащий на дне сейфа, поднял его, перевернул и увидел на нем капли крови и что-то похожее на отпечаток большого пальца в крови. Когда он лежал на дне сейфа, след большого пальца был на нижней поверхности.

— Что вы сделали потом?

— Я запер сейф и послал записку в полицейский участок, сообщая, что в моем доме была совершена кража.

— Вы знаете обвиняемого несколько лет, я полагаю?

— Да, я знаю его всю его жизнь. Он — сын моего старшего брата.

— Тогда вы, без сомнения, можете сказать нам, левша он или правша?

— Он одинаково владеет обеими руками, но обычно предпочитает пользоваться левой рукой.

— Прекрасное уточнение, мистер Хорнби. Теперь скажите, вы точно установили, что алмазы действительно пропали?

— Да, я тщательно исследовал сейф, сначала сам, а потом с помощью полиции. Не было сомнений, что алмазы пропали.

— Когда детектив предложил, чтобы были взяты отпечатки пальцев двух ваших племянников, вы отказались?

— Отказался.

— Почему?

— Потому что не мог подвергнуть моих племянников унижению. Кроме того, у меня не было власти заставить их подчиниться этой процедуре.

— Вы подозревали кого-нибудь из них?

— Я не подозревал никого.

— Внимательно посмотрите на этот листок бумаги, мистер Хорнби, — сказал сэр Гектор, передавая свидетелю маленькую продолговатую полоску, — и скажите нам, узнаете ли вы его.

Мистер Хорнби быстро взглянул на листок и сказал:

— Это листок для записей, который я нашел лежащим на дне сейфа.

— Как вы опознали его?

— По надписи на нем, сделанной моей рукой и помеченной моими инициалами.

— Это листок, который вы поместили на пакет с алмазами?

— Да.

— На нем был отпечаток большого пальца или капля крови, когда вы положили его в сейф?

— Нет.

— Возможно ли, чтобы там все-таки были такие отпечатки?

— Совершенно невозможно. Я вырвал его из книги для записей, после того как сделал на нем запись.

— Очень хорошо. — Сэр Гектор Трамплер сел, а мистер Энсти встал для перекрестного допроса свидетеля.

— Вы сообщили нам, мистер Хорнби, — сказал он, — что знаете обвиняемого всю его жизнь. Какое мнение вы сформировали о его характере?

— Я всегда считал его молодым человеком с самым лучшим характером — благородным, доверчивым и во всех отношениях надежным. Я никогда за все мое знакомство с ним не видел, чтобы он хотя бы на волос отклонился от правил, основанных на чести и честности. И мое мнение о нем ничуть не изменилось.

— Есть ли у него, по вашим сведениям, какие-либо дорогие или экстравагантные привычки?

— Нет. Он человек простой и бережливый.

— Он когда-либо держал пари, играл в азартные игры или на бирже?

— Никогда.

— Нуждается он в деньгах?

— Нет. У него свой небольшой доход помимо жалованья, которое, я знаю, он не тратит полностью, потому что как-то я просил своего маклера вложить его сбережения в какое-нибудь дело.

— Помимо отпечатка большого пальца, найденного в сейфе, знаете ли вы какие-либо обстоятельства, которые могли бы заставить вас заподозрить обвиняемого в краже алмазов?

— Никаких.

Мистер Энсти сел, и, когда мистер Хорнби покинул свидетельское место, вытирая пот со лба, был вызван следующий свидетель.

— Инспектор Сандерсон!

Офицер быстро поднялся на место для свидетелей и, приняв присягу, повернулся к представителю обвинения с видом человека, готового к любой случайности.

— Вы помните, — спросил сэр Гектор, — что произошло утром десятого марта?

— Да. В участке в 10.23 утра мне была передана записка. Она была от мистера Джона Хорнби и содержала сообщение о том, что в его конторе

в Сент-Мэри-Экс совершена кража. Я отправился в этот дом и прибыл туда в 10.31. Там я увидел истца, мистера Джона Хорнби, который сказал мне, что из сейфа была украдена партия алмазов. Я исследовал сейф. Следов взлома не было, замки казались неповрежденными и исправными. Внутри сейфа, на дне, я нашел две большие капли крови и листок бумаги с надписью, сделанной чернилами. На листке были два кровавых пятна и отпечаток большого пальца в крови.

— Это тот самый листок? — спросил адвокат, протягивая свидетелю маленькую полоску бумаги.

— Да, — ответил инспектор, бросив быстрый взгляд на документ.

— Что вы сделали потом?

— Я послал сообщение в Скотланд-Ярд, где ознакомил главу отдела уголовных расследований с фактами, а затем вернулся в участок. В дальнейшем я не имел касательства к этому делу.

Сэр Гектор сел, а судья посмотрел на Энсти.

— Вы сказали нам, — сказал последний, поднимаясь, — что заметили две большие капли крови на дне сейфа. Вы не заметили, была ли она влажной или засохшей?

— Кровь выглядела влажной, но я не касался ее, чтобы детективы могли ее исследовать.

Следующим был вызван сержант Бейтс из отдела уголовных расследований. Он поднялся на свидетельское место и, присягнув, начал давать показания с беглостью, которая означала тщательную подготовку, держа открытый блокнот в руке, но не заглядывая в него.

— Десятого марта в 12.08 я получил инструкции отправиться в Сент-Мэри-Экс, чтобы расследовать кражу, которая имела там место. Мне был передан отчет инспектора Сандерсона, и я прочитал его в кебе по дороге. Прибыв на место в 12.30, я тщательно исследовал сейф. Он был не поврежден, и на нем не было никаких следов. Я проверил замки и нашел, что они в отличном состоянии, царапин от отмычки не было, как и других следов, которые указывали бы на ее использование. На дне сейфа я заметил две довольно большие капли темной жидкости. Я перенес некоторое количество жидкости на бумагу и понял, что это кровь. Также я обнаружил на дне сейфа сгоревшую головку серной спички и, поискав на полу конторы, заметил скрытую сейфом использованную серную спичку с отпавшей головкой. Нашел еще и полоску бумаги, которая, видимо, была вырвана из перфорированного блокнота. На ней было написано чернилами: «Передано Рубеном в 7.03 пополудни 9.3.01. Дж.Х.». На бумаге были два кровавых пятна и отпечаток большого пальца, испачканного кровью. Я забрал листок, чтобы его могли исследовать эксперты. Затем исследовал двери

в контору и наружную дверь дома, но нигде не обнаружил следов насильственного вторжения. После чего вернулся в главное управление, сделал отчет и передал бумагу с отпечатками суперинтенданту.

— Это та бумага, которую вы нашли в сейфе? — спросил адвокат, еще раз показывая листок.

— Да, та самая.

— Что случилось потом?

— Во второй половине дня меня послали к мистеру Синглтону, в отдел отпечатков пальцев. Он сообщил мне, что просмотрел картотеку и не смог найти отпечатка, соответствующего отпечатку на бумаге, поэтому посоветовал мне попытаться получить отпечатки больших пальцев всех лиц, которые могут иметь отношение к краже. Он также дал мне увеличенную фотографию отпечатка на случай необходимости. Я отправился в Сент-Мэри-Экс и имел беседу с мистером Хорнби, во время которой попросил его разрешить снять отпечатки пальцев всех лиц в доме, включая двух его племянников. Он отказал, сказав, что не верит в отпечатки пальцев, и что все в его доме вне подозрений. Я спросил, позволит ли он, чтобы его племянники предоставили свои отпечатки в частном порядке, но он категорически отказался.

— Вы имели подозрения против кого-либо из племянников?

— Я полагал, что ни один из них не может быть свободен от подозрений. Сейф был открыт фальшивыми ключами, и, поскольку у них обоих были настоящие ключи, возможно, один из них снял восковые отпечатки и сделал поддельные. Я несколько раз обращался к мистеру Хорнби и убеждал его ради репутации его племянников разрешить снять отпечатки пальцев, но он отказывался весьма решительно и запрещал им соглашаться, хотя я понимал, что оба они готовы пройти через это. Затем мне пришло в голову обратиться за помощью к миссис Хорнби, и пятнадцатого марта я прибыл в дом мистера Хорнби, чтобы повидать ее. Я объяснил ей, что было бы желательно сделать, дабы очистить ее племянников от подозрений, а она сказала, что могла бы легко ликвидировать эти подозрения, потому что может показать мне отпечатки пальцев всех членов семьи: они были у нее в «Пальцеграфе».

— «Пальцеграф»? — повторил судья. — Что такое «Пальцеграф»?

Энсти встал, держа в руке томик в красной обложке:

— «Пальцеграф», милорд, представляет собой книгу наподобие этой, в ней глупые люди собирают отпечатки пальцев своих еще более глупых знакомых. — И он передал томик судье, который с любопытством стал его пролистывать, а потом кивнул свидетелю:

— Хорошо. Можете продолжать.

— Затем она достала из комода книжку в красной обложке, которую показала мне. Она содержала отпечатки пальцев всей ее семьи и некоторых друзей.

— Это та самая книга? — спросил судья, передавая томик свидетелю.

Сержант полистал страницы, пока не нашел ту, которую, по-видимому, узнал, и сказал:

— Да, милорд, это та книга. Миссис Хорнби показала мне отпечатки пальцев разных членов семьи, а затем нашла отпечатки двух своих племянников. Я сравнил их с фотографией, которая была у меня, и обнаружил, что отпечаток левого большого пальца Рубена Хорнби во всех отношениях идентичен отпечатку большого пальца на фотографии.

— Что вы сделали потом?

— Я попросил миссис Хорнби одолжить мне «Пальцеграф», чтобы я мог показать его начальнику отдела по отпечаткам пальцев, на что она дала согласие. Я не собирался говорить ей о своем открытии, но, когда я уходил, пришел мистер Хорнби и, услышав, что произошло, спросил меня, зачем мне нужна книга. Когда я объяснил ему, он был весьма изумлен и шокирован и попросил меня немедленно вернуть книгу. Мистер Хорнби предложил мне закрыть дело и был готов взять пропажу алмазов на себя, но я указал ему, что это невозможно, потому что это практически означает покрывать преступление. Учитывая, как миссис Хорнби страдала от мысли, что ее книга будет использована против ее племянника, я обещал вернуть «Пальцеграф», если только у меня будет возможность собрать отпечатки пальцев другим путем.

Затем я отнес «Пальцеграф» в Скотланд-Ярд и показал его мистеру Синглтону, который согласился, что отпечаток левого большого пальца Рубена Хорнби во всех отношениях идентичен отпечатку большого пальца на бумаге, найденной в сейфе. После этого я запросил ордер на арест Рубена Хорнби, который получил на следующее утро. Я сообщил обвиняемому, что обещал миссис Хорнби, и он предложил мне снять у него этот отпечаток пальца, чтобы книга его тети могла не фигурировать в показаниях.

— Почему же тогда, — спросил судья, — она в них фигурирует?

— По желанию защиты, милорд, — ответил сэр Гектор Трамплер.

— Понимаю, — кивнул судья. — Что дальше?

— Когда я арестовал его, обвиняемый заявил: «Я невиновен. Я ничего не знаю о краже».

Представитель обвинения сел, а Энсти поднялся для перекрестного допроса.

— Вы рассказали нам, — начал он своим мелодичным голосом, — что нашли на дне сейфа две довольно большие капли темной жидкости,

которую приняли за кровь. На основании чего вы заключили, что эта жидкость была кровью?

— Я перенес часть жидкости на листок белой бумаги, и она имела внешний вид и цвет крови.

— Она была исследована под микроскопом или другим способом?

— Насколько я знаю, нет.

— Как она выглядела на бумаге?

— Как чистая красная жидкость цвета крови, довольно густая и липкая.

Энсти сел, и был вызван следующий свидетель, пожилой мужчина по имени Фрэнсис Симмонс.

— Вы присматриваете за домом в Сент-Мэри-Экс, принадлежащим мистеру Хорнби? — спросил сэр Гектор Трамплер.

— Да.

— Вы заметили что-нибудь необычное в ночь с девятого на десятое марта?

— Не заметил.

— Вы совершали в ту ночь обход так, как обычно?

— Да. Я обошел весь дом несколько раз в течение ночи, а остальную часть провел в комнате над личным кабинетом мистера Хорнби.

— Кто первым появился утром десятого числа?

— Мистер Рубен. Он появился примерно на двадцать минут раньше остальных.

— В какую часть здания он отправился?

— В личный кабинет, который я открыл для него. Он ушел оттуда за несколько минут до прихода мистера Хорнби и поднялся в лабораторию.

— Кто пришел следующим?

— Мистер Хорнби, а мистер Уолтер пришел сразу после него.

Адвокат сел, а Энсти приступил к перекрестному допросу.

— Кто последним оставался в здании вечером девятого?

— Точно не знаю. Я должен был отвезти записку и пакет в фирму в Шордиче. Когда отправился туда, клерк по имени Томас Холкер был в приемной, а мистер Уолтер Хорнби — в личном кабинете. Когда я вернулся, они оба ушли.

— Внешняя дверь была закрыта?

— Да.

— У Холкера был ключ от внешней двери?

— Нет. У мистера Хорнби и его племянников были свои ключи, был ключ и у меня. Больше ни у кого ключей не было.

— Как долго вы отсутствовали?

— Примерно три четверти часа.

— Кто дал вам записку и пакет?

— Мистер Уолтер Хорнби.

— Когда он дал их вам?

— Непосредственно перед тем, как я ушел, и велел отправляться немедленно из опасения, что фирма закроется прежде, чем я доберусь.

— И фирма была закрыта?

— Да. Помещение было заперто, и все ушли.

Энсти вновь сел, свидетель покинул свое место с видом явного облегчения, а пристав выкрикнул: «Генри Джеймс Синглтон!»

Мистер Синглтон встал со своего места за столом представителей обвинения и прошел на место для свидетелей. Сэр Гектор привел в порядок свои очки и бросил выразительный взгляд на присяжных.

— Я полагаю, мистер Синглтон, — сказал он, наконец, — что вы связаны с отделом по отпечаткам пальцев в Скотланд-Ярде?

— Да. Я один из главных сотрудников этого отдела.

— Каковы ваши официальные обязанности?

— Мое главное занятие состоит в исследовании и сравнении отпечатков пальцев преступников и подозреваемых. Я классифицирую отпечатки, согласно их особенностям, и заношу их в картотеку.

— Я полагаю, вы исследовали огромное количество отпечатков пальцев?

— Я исследовал многие тысячи отпечатков и тщательно изучил их для целей идентификации.

— Внимательно посмотрите на эту бумагу, мистер Синглтон. — Здесь роковой листок был передан приставом свидетелю. — Вы видели ее раньше?

— Да. Она была передана мне в моем кабинете для изучения десятого марта.

— На ней отпечаток — след пальца. Можете вы сказать нам что-нибудь об этом отпечатке?

— Это след левого большого пальца Рубена Хорнби, обвиняемого.

— Вы в этом вполне уверены?

— Вполне.

— Вы под присягой утверждаете, что отпечаток на бумаге был сделан большим пальцем заключенного?

— Да.

— Не мог он быть сделан большим пальцем другого лица?

— Нет, невозможно, чтобы он был оставлен каким-либо другим лицом.

В этот момент я почувствовал, как Джульет кладет свою трепещущую руку на мою, а, взглянув на нее, увидел, что она смертельно бледна, и, нежно сжав ее руку, прошептал:

— Имейте мужество, для нас в этом нет ничего неожиданного.

— Спасибо, — прошептала она в ответ со слабой улыбкой, — я попытаюсь.

— Вы считаете, — продолжал тем временем сэр Гектор, — что принадлежность этого отпечатка пальца не вызывает сомнений?

— Ни малейших, — ответил мистер Синглтон.

— Вы можете объяснить нам, не прибегая к техническим подробностям, как вы достигли такой абсолютной уверенности?

— Я сам взял отпечаток большого пальца у обвиняемого, предварительно получив его согласие, и сравнил этот отпечаток со следом на бумаге. Сравнение было сделано с величайшей тщательностью и наиболее испытанным методом, пункт за пунктом, деталь за деталью. Оба отпечатка были найдены тождественными во всех отношениях.

Некий великий авторитет сказал — и я полностью согласен с этим утверждением, — что полное или почти полное соответствие между двумя отпечатками одного и того же пальца представляет собой свидетельство, не требующее подтверждения, что люди, у которых они взяты, являются одним и тем же человеком.

Сэр Гектор Трамплер снял очки и устремил на присяжных долгий взгляд, как бы говоря: «Ну, друзья мои, что вы думаете об этом?» Затем он внезапно сел и повернулся к Энсти и Торндайку с видом триумфатора.

— Вы намереваетесь провести перекрестный допрос свидетеля? — поинтересовался судья, видя, что адвокат защиты не встает.

— Нет, милорд, — ответил Энсти.

При этих словах Гектор Трамплер снова повернулся к адвокатам защиты, и его широкое красное лицо осветилось улыбкой глубокого удовлетворения. Эта улыбка отразилась на лице мистера Синглтона, сходившего со своего места, а когда я взглянул на Торндайка, мне показалось, что на одно мгновение на его спокойном и неподвижном лице тоже мелькнула легкая улыбка.

— Герберт Джон Нэш!

Полный мужчина средних лет, производивший впечатление человека одновременно пылкого и старательного, поднялся на свидетельское место, а сэр Гектор снова встал.

— Я полагаю, вы один из главных сотрудников отдела по отпечаткам пальцев, мистер Нэш?

— Да.

— Вы слышали показания последнего свидетеля?

— Слышал.

— Вы согласны с утверждениями, сделанными свидетелем?

— Полностью. Я готов присягнуть, что отпечаток на бумаге, найденной в сейфе, это отпечаток левого большого пальца заключенного, Рубена Хорнби.

— И вы уверены, что ошибка невозможна?

— Да, я уверен в этом.

Снова сэр Гектор многозначительно посмотрел на присяжных, садясь в свое кресло, и снова Энсти не сделал ни единого жеста, если не считать записи нескольких заметок на полях своего резюме.

— Вы намереваетесь вызвать других свидетелей? — спросил судья, погружая перо в чернильницу.

— Нет, милорд, — ответил сэр Гектор. — Дело выигрывает обвинение.

И тут Энсти, наконец, поднялся и, обращаясь к судье, сказал:

— Я вызываю свидетеля, милорд.

Судья кивнул и сделал запись в своих заметках, в то время как Энсти произносил краткую вступительную речь:

— Милорд и господа присяжные, на этой стадии разбирательства я не буду занимать время суда ненужными выступлениями, а без отлагательств перейду к показаниям моего свидетеля.

Джульет повернула ко мне бледное испуганное лицо и сказала угасающим шепотом:

— Это ужасно! Показания последнего свидетеля совершенно сокрушительные. Что можно сказать в ответ? Я в отчаянии! Бедный Рубен! Он пропал, доктор Джервис! Теперь у него нет ни единого шанса.

— Вы полагаете, он виновен? — спросил я.

— Конечно же, нет! — возмущенно воскликнула она. — Я уверена в его невиновности, как никогда.

— Тогда, — сказал я, — если он невиновен, должны быть какие-то средства доказать это.

— Да. Полагаю, что да, — ответила она грустным шепотом. — В любом случае, мы скоро это узнаем.

Тут раздался голос пристава, выкликающего имя первого свидетеля защиты.

— Эдмунд Хорфорд Роуи!

Проницательного вида седой мужчина с бритым лицом и коротко подстриженными бакенбардами поднялся на свидетельское место и принес присягу в установленном порядке.

— Вы доктор медицины, я полагаю, — сказал Энсти, обращаясь к свидетелю, — и преподаватель судебной медицины в Южной лондонской больнице?

— Да.

— У вас была возможность изучить свойства крови?

— Да. Свойства крови обладают огромной важностью с судебно-медицинской точки зрения.

— Вы можете сказать нам, что происходит, когда капля крови — скажем, из порезанного пальца — падает на такую поверхность, как дно железного сейфа?

— Капля крови из живого тела, упавшая на невпитывающую поверхность, в течение нескольких минут превратится в студневидную массу, которая сперва будет сохранять некоторый объем и цвет жидкой крови.

— Потом она претерпит и другие изменения?

— Да. Через несколько минут студневидная масса начнет высыхать и становиться более твердой, так что кровь разделится на две части, твердую и жидкую.

— Каково будет состояние капли крови, скажем, через два часа?

— Она будет состоять из капли чистой, почти бесцветной жидкости, в центре которой будет маленький жесткий красный комок.

— Если предположить, что такую каплю перенесут на листок бумаги, как она будет выглядеть?

— Бумага будет смочена бесцветной жидкостью, а твердый комок, возможно, прилипнет к бумаге.

— Будет ли кровь выглядеть на бумаге как чистая, бесцветная жидкость?

— Нет. Жидкость будет выглядеть как вода, а комок будет выглядеть как твердая масса, приклеившаяся к бумаге.

— Кровь всегда ведет себя так, как вы это описали?

— Всегда, если не приняты какие-то искусственные средства для ее предохранения от свертывания.

— И каким образом это можно сделать?

— Существуют два основных способа. Один — быстро помешивать или взбивать свежую кровь, тогда она останется жидкой в течение неопределенного времени. Другой способ состоит в том, чтобы растворить в свежей крови некоторую долю алкалиновой соли, после чего она больше не загустеет.

— Вы слышали показания инспектора Сандерсона и сержанта Бейтса?

— Да.

— Инспектор Сандерсон рассказал нам, что исследовал сейф в 10.31 и нашел на дне две большие капли крови. Сержант Бейтс рассказал, что исследовал сейф двумя часами позже и перенес одну из капель крови на листок белой бумаги. Кровь была довольно жидкой и на бумаге выглядела

как чистая жидкость цвета крови. Каковы, на ваш взгляд, были состояние и природа этой крови?

— Если это действительно была кровь, то это либо дефибринированная кровь — то есть кровь, из которой был извлечен фибрин посредством взбивания, или же она была смешана с алкалиновой солью.

— Вы считаете, что кровь, найденная в сейфе, не могла быть обычной кровью, вытекшей из пореза или раны?

— Я уверен, что этого не могло быть.

— Теперь, доктор Роуи, я хочу задать вам несколько вопросов на другую тему. Уделяли ли вы когда-нибудь внимание отпечаткам, оставленным кровавыми пальцами?

— Да. Недавно я провел несколько экспериментов. Моей задачей было установить, оставляют ли пальцы, выпачканные свежей кровью, особые характерные отпечатки. Я сделал огромное количество испытаний и в результате обнаружил, что крайне сложно получить чистый отпечаток, когда палец смочен свежей кровью. Но если ее высушить, получится очень четкий отпечаток.

— Посмотрите внимательно на эту бумагу, которая была найдена в сейфе, и скажите мне, что вы видите.

Свидетель взял бумагу, тщательно исследовал ее, после чего сказал:

— Я вижу два кровавых следа и один отпечаток, видимо, большого пальца. Из двух следов один — пятно, слегка размазанное пальцем; другое — просто пятно. Оба, очевидно, оставлены жидкой кровью.

— Вы абсолютно уверены, что отпечаток большого пальца сделан жидкой кровью?

— Абсолютно уверен.

— Есть что-нибудь необычное в этом отпечатке?

— Да. Он невероятно чист и отчетлив. Я сделал огромное количество опытов и пытался с помощью свежей крови получить как можно более чистые отпечатки, но ни один по отчетливости даже близко не подходит к этому.

— Вы говорите, что кровь, найденная в сейфе, была, видимо, обработана искусственно. Какой вывод вы делаете из этого факта?

— Что она не была пролита из кровоточащей раны, — ответил доктор и вернулся на свое место.

— Арабелла Хорнби! — раздался голос пристава.

Приглушенные всхлипывания слева от меня сопровождались бурным шелестом шелка. Взглянув на миссис Хорнби, я увидел, как она, пошатываясь, встает со скамьи, дрожа, как желе, вытирая глаза носовым платком и стискивая свою открытую сумочку. Она поднялась на место для сви-

детелей и, оглядевшись с исступленным видом, начала обыскивать многочисленные отделения своей сумочки.

— Показания, которые вы дадите суду и присяжным, — сказал пристав, в то время как миссис Хорнби прервала свои поиски и нерешительно уставилась на него, — быть правдой…

— Определенно, — сухо сказала миссис Хорнби, — я…

— …всей правдой, и ничем, кроме правды; да поможет вам Бог! — И пристав протянул ей Новый Завет, который она взяла дрожащей рукой.

— Соблаговолите поцеловать книгу, — сказал он, подавляя ухмылку, когда миссис Хорнби попыталась развязать шнурки шляпки. Она неистово вцепилась в свою шляпку и, встряхнув над Новым Заветом свой носовой платок, поцеловала книгу и положила ее на перила свидетельского места, откуда та немедленно упала.

— Мне очень жаль! — воскликнула миссис Хорнби, склоняясь над перилами. — Боюсь, вы сочтете меня очень неуклюжей.

Тут поднялся Энсти и передал ей маленькую красную книжку:

— Будьте любезны взглянуть на эту книжку, миссис Хорнби.

— Я бы предпочла этого не делать, — проговорила она с некоторым отвращением. — Она связана с материями столь неприятного характера…

— Вы узнаете книгу, которую держите в руке?

— Конечно же, узнаю. Как я могла бы этого не сделать… Это «Пальцеграф», так и на обложке написано.

— Скажите, миссис Хорнби, как она попала к вам в руки? Вы купили ее сами, или кто-то дал вам книгу?

— Уолтер говорит, я купила ее сама, а я думала, что он дал мне ее, он же говорит, что не давал, но, видите ли… почему-то я все же думаю, что он дал, хотя, конечно, учитывая, что моя память не такая, какой была… Правда, моя племянница тоже так думает…

— Уолтер — это ваш племянник, Уолтер Хорнби?

— Да, конечно.

— Вы можете вспомнить, когда вам дали «Пальцеграф»?

— О да, я помню это весьма отчетливо. Мы ждали к обеду нескольких человек по фамилии Колли. Так вот, после обеда мы слегка скучали, поскольку моя племянница порезала палец и не могла играть на фортепиано, а Колли не музыкальны, за исключением Адольфа, который играет на тромбоне, но он не взял его с собой. Затем, к счастью, пришел Уолтер, принес «Пальцеграф» и снял у всех отпечатки пальцев, и это нас очень развлекло…

— И вы очень ясно помните, что ваш племянник Уолтер в тот раз дал вам «Пальцеграф»? — вставил Энсти.

— Да, хотя, знаете ли, в действительности он племянник моего мужа…

— И вы уверены, что он снял отпечатки пальцев?

— Вполне уверена.

— Вы никогда не видели «Пальцеграф» до этого?

— Никогда. Как бы я могла? Он не приносил его.

— «Пальцеграф» все время находился в вашем распоряжении?

— Видите ли, я держала его в ящике моего письменного стола, и в этом же ящике я хранила мешочек для носовых платков. Мистер Хорнби был тогда в Брайтоне, он написал мне, чтобы я съездила к нему на недельку и взяла с собой Джульет. Мы собрались, и, когда уже были готовы тронуться в путь, я послала ее принести мой мешочек для носовых платков из ящика и еще сказала: «Мы могли бы взять с собой книжку для пальцев, она может пригодиться в дождливый день». Вернувшись назад, она сказала, что «Пальцеграфа» нет в ящике. Ну, я была так удивлена, что пошла с ней и посмотрела сама — ящик был пуст. Ну, я не думала об этом в тот момент, но, когда мы вернулись домой, как только вышли из кеба, я дала Джульет мешочек для носовых платков, чтобы она положила его в ящик, но она сразу прибежала обратно и была страшно взволнована. «О, тетя! «Пальцеграф» в ящике, кто-то, должно быть, сунул нос в ваш письменный стол». Видимо, действительно кто-то взял его, а потом положил обратно, пока нас не было.

— Кто мог иметь доступ к вашему письменному столу?

— О, кто угодно, потому что, видите ли, ящики никогда не запирались. Мы думали, это кто-то из слуг.

— Кто-нибудь был в доме во время вашего отсутствия?

— Нет. Никого, за исключением, конечно, двух моих племянников, и никто из них не прикасался к нему, потому что мы спрашивали их, и они сказали, что не делали этого.

— Благодарю вас. — Энсти сел, а миссис Хорнби, вновь изменив угол наклона своей шляпки, спустилась со свидетельского места, неверной походкой пересекла зал суда и села на свое место, вздохнув от волнения и облегчения.

— Джон Ивлин Торндайк! — провозгласил пристав.

— Слава Богу! — воскликнула Джульет, стискивая руки. — О! Способен ли он спасти Рубена? Вы думаете, он способен на это, доктор Джервис?

— Кое-кто думает, что способен, — ответил я, взглянув на Полтона, который, держа в руках загадочный ящик и коробку с микроскопом, в экстазе уставился на своего хозяина. — У Полтона больше веры, чем у вас, мисс Гибсон.

— Да, дорогой, верный маленький человек! — ответила она. — В любом случае, скоро мы узнаем худшее.

— Худшее или лучшее, — заметил я. — Мы услышим, в чем действительно состоит защита.

— Господи, сделай так, чтобы это была хорошая защита! — воскликнула она вполголоса, и я — обычно человек не религиозный — пробормотал: «Аминь!»

Глава 16
Торндайк разыгрывает свою карту

Когда Торндайк поднялся на свидетельское место, я посмотрел на него с чувством невероятного удивления, поняв, что никогда не замечал, какое впечатление может производить на окружающих внешность моего друга. Я часто замечал его спокойствие и силу духа, его бесконечный ум, его привлекательность и магнетизм, но никогда доселе не осознавал того, что теперь поразило меня больше всего: Торндайк был самым красивым мужчиной, которого я когда-либо видел. Он был одет просто, ниспадающая мантия и внушающий трепет парик скрадывали черты его внешности, и все же он покорил зал. Даже судья, со своим алым одеянием и знаками достоинства, выглядел общим местом в сравнении с ним, а присяжные, повернувшиеся, чтобы разглядеть его, казались существами низшего порядка. Дело не только в том, что он был высок и держался прямо и с достоинством, не только в его силе и спокойствии, но в подлинной соразмерности и привлекательности черт лица, которое только теперь привлекло мое внимание.

— Вы работаете в медицинской школе при больнице Сент-Маргарет, доктор Торндайк? — сказал Энсти.

— Да. Я — преподаватель судебной медицины и токсикологии.

— У вас большой опыт в медико-юридических исследованиях?

— Огромный. Я занимаюсь исключительно медико-юридической работой.

— Вы слышали показания, относящиеся к двум каплям крови, найденной в сейфе?

— Да.

— Каково ваше мнение о состоянии крови?

— Нет сомнений, что она была обработана искусственно — вероятно, посредством дефибринации.

— Вы можете предложить объяснение такого состояния крови?

— Могу.

— Ваше объяснение связано с особенностями отпечатка большого пальца, найденного в сейфе?

— Связано.

— Вы занимались отпечатками пальцев?

— Да. Очень много.

— Будьте добры взглянуть на эту бумагу. — (Здесь пристав передал Торндайку листок для записей). — Вы видели ее раньше?

— Да. Я видел ее в Скотланд-Ярде.

— Вы тщательно изучили ее?

— Очень тщательно. Полицейские чиновники предоставили мне все возможности для этого, и с их разрешения я сделал несколько фотографий этого листка.

— Здесь есть след, напоминающий отпечаток человеческого пальца?

— Да.

— Вы слышали двух свидетелей-экспертов, присягнувших, что этот след был оставлен левым большим пальцем обвиняемого, Рубена Хорнби?

— Слышал.

— Вы согласны с этим утверждением?

— Нет.

— По вашему мнению, след на бумаге оставлен пальцем обвиняемого?

— Нет. Я убежден, что он не оставлен большим пальцем Рубена Хорнби.

— Вы считаете, что он оставлен пальцем другого лица?

— Нет. Я держусь того мнения, что он вообще оставлен не человеческим пальцем.

После этого утверждения судья на мгновение остановился, держа перо в руке, и уставился на Торндайка, слегка открыв рот, в то время как два эксперта смотрели друг на друга, приподняв брови.

— Каким образом, по-вашему, был оставлен этот след?

— Посредством штемпеля, или каучукового, или, более вероятно, посредством штемпеля из хромированного желатина.

Тут Полтон, постепенно приподнимавшийся над скамьей, звонко хлопнул себя по бедру и громко рассмеялся — поступок, приведший к тому, что все взгляды, включая взгляд судьи, обратились на него.

— Если шум повторится, — сказал судья, безжалостно глядя на шокированного правонарушителя, — я заставлю это лицо покинуть зал суда.

— Насколько я понимаю, — продолжил Энсти, — вы считаете, что отпечаток большого пальца, под присягой приписанный обвиняемому, является подделкой?

— Да. Это подделка.

— Но возможно ли подделать отпечаток пальца?

— Не только возможно, но и довольно просто.

— Так же просто, как подделать подпись, например?

— Гораздо проще и несравненно более безопасно. Подпись, написанная пером, требует, чтобы подделка также была написана пером — процесс, требующий весьма специальных навыков и все же никогда не позволяющий создать абсолютное факсимиле. Но отпечаток пальца — это штампованный оттиск, коснуться чего-либо пальцем — значит, поставить штамп, и необходимо лишь добиться отпечатка, идентичного по характеру с касанием пальца, чтобы произвести оттиск, который будет абсолютным факсимиле оригинала во всех отношениях, факсимиле, не отличимым от оригинала.

— И не будет никакого способа установить разницу между фальшивым отпечатком пальца и оригиналом?

— Никакого. По той причине, что не будет этой разницы.

— Но вы утверждаете, что отпечаток большого пальца на этой бумаге — подделка. Если же фальшивый отпечаток пальца неотличим от оригинала, как вы можете быть уверены, что этот конкретный отпечаток — подделка?

— Я говорил о том, что подделыватель может по небрежности потерпеть неудачу в производстве абсолютного факсимиле, и тогда установление разницы станет возможным. Именно это произошло в данном случае. Подделанный отпечаток не является абсолютным факсимиле подлинника. Есть легкое различие. Вдобавок к этому, сама бумага содержит важное свидетельство, что отпечаток пальца — подделка.

— Мы рассмотрим это свидетельство чуть позже, доктор Торндайк. Возвращаясь к возможности подделки отпечатка пальца, вы можете объяснить нам, не вдаваясь в технические подробности, какими методами можно сделать штемпель, о котором вы упомянули?

— Есть два основных метода, которые приходят мне на ум. Первый, довольно грубый, хотя и легкий в исполнении, состоит в отливке кончика пальца. Образец можно изготовить посредством вдавливания пальца в какой-нибудь пластический материал, такой, как хорошая ваяльная глина или горячий сургуч, и последующего наполнения образца теплым раствором желатина, который должен остыть и затвердеть, полученная отливка будет давать очень хорошие отпечатки пальцев. Но этот метод, как правило, бесполезен для целей подделывателя, так как обычно им нельзя воспользоваться без ведома жертвы. Второй метод, который является гораздо более действенным, и именно тем, который, как я не сомневаюсь, использован в данном случае, требует больше знаний и навыков.

Во-первых, необходимо раздобыть подлинный отпечаток пальца или получить к нему доступ. Делается фотография отпечатка, или, скорее, негатив фотографии, который для этой цели снимается на перевернутой пластинке, и негатив помещается в специальную печатную раму с пластинкой желатина, которая обрабатывается бихроматом калия, а рама выставляется на свет.

Теперь у желатина, обработанного таким образом, появляется очень своеобразное качество. Обычный желатин, как хорошо известно, легко растворяется в горячей воде, хромированный желатин растворяется в ней так же быстро, если не выставлен на свет, но, будучи выставлен на свет, он претерпевает изменения и более не способен растворяться в горячей воде. Пластинка хромированного желатина под негативом защищена от света непрозрачными частями негатива, в то время как свет свободно проходит через просвечивающие части; но просвечивающие части негатива соответствуют черным следам на отпечатке пальца, а они соответствуют бороздкам на пальце. Отсюда следует, что желатиновая пластинка подвергается воздействию света только в частях, соответствующих бороздкам; и в этих частях желатин становится нерастворимым, в то время как остальной желатин растворим. Желатиновая пластинка, прикрепленная к тонкой металлической пластинке, теперь осторожно промывается горячей водой, которая уничтожает растворимую часть желатина, оставляя нерастворимую выступающей над поверхностью. Таким образом, создается рельефное факсимиле отпечатка пальца, имеющее настоящие бороздки и линии между ними, идентичные по характеру бороздкам и линиям между ними на кончике пальца. Если по этому факсимиле провести валиком, покрытым чернилами, или приложить его к раскатной плите, а потом прижать его к листу бумаги, получится отпечаток пальца, абсолютно идентичный с оригинальным. Будет невозможно найти какое-либо различие между настоящим отпечатком пальца и подделкой, потому что различий не будет.

— Но процесс, который вы описали, очень сложен и затруднителен?

— Вовсе нет, он лишь немногим более сложен, чем обычная углеродная печать, которая успешно практикуется множеством любителей. Более того, такое факсимиле может быть выполнено любым гравером. Процесс, о котором я рассказал, точно такой же, какой используется при воспроизведении рисунков пером, и любой из сотен рабочих, используемых в этой индустрии, может сделать рельефную заготовку отпечатка пальца, с помощью которой может быть выполнена идеальная подделка.

— Вы утверждаете, что подделанный отпечаток пальца ничем не будет отличаться от оригинала. Вы можете это доказать?

— Да. Я готов создать подделку отпечатка большого пальца обвиняемого в присутствии суда.

— Разрешит ли ваша честь продемонстрировать то, что предлагает свидетель? — повернулся к судье Энсти.

— Определенно, — ответил тот. — Показания в высшей степени важны. Как вы предлагаете осуществить сравнение? — добавил он, обращаясь к Торндайку.

— Для этой цели, милорд, — ответил Торндайк, — я принес несколько листов бумаги, каждый из которых разделен на двадцать пронумерованных квадратов. Я предлагаю оставить на десяти квадратах подделанные отпечатки большого пальца заключенного, а оставшиеся десять заполнить настоящими отпечатками. Затем эксперты исследуют бумагу и скажут суду, какие отпечатки настоящие, а какие фальшивые.

— Это, кажется, вполне ясный и эффективный способ, — сказал его светлость. — У вас есть возражения, сэр Гектор?

Сэр Гектор Трамплер поспешно проконсультировался с двумя экспертами, которые сидели на его скамье, и ответил без большого энтузиазма:

— У нас нет возражений, милорд.

— Тогда я предписываю свидетелям-экспертам удалиться из зала суда, пока не будут сделаны отпечатки.

Подчиняясь приказу судьи, мистер Синглтон и его коллега поднялись и покинули зал с очевидной неохотой, в то время как Торндайк достал из небольшого портфеля три листа бумаги и передал их судье.

— Если ваша светлость, — сказал он, — оставит отпечатки в десяти квадратах на двух из этих листов, один можно будет дать присяжным, а другой оставить вашей светлости, чтобы проверить отпечатки на третьем листе, когда они будут сделаны.

— Это превосходный план, — согласился судья, — и, так как информация предназначена для меня и присяжных, было бы лучше, если бы вы поднялись сюда и оставили отпечатки за моим столом в присутствии старшины присяжных и представителей обвинения и защиты.

Торндайк поднялся на возвышение, а Энсти, собираясь следовать за ним, нагнулся ко мне:

— Вам и Полтону лучше тоже подняться, — сказал он. — Торндайку понадобится ваша помощь, а вас это позабавит. Я объясню его светлости.

Он подошел к возвышению и сказал несколько слов судье, который бросил взгляд в нашу сторону и кивнул, после чего мы оба последовали за нашим адвокатом, Полтон при этом нес ящик и весь буквально сиял от удовольствия.

Стол судьи был снабжен неглубоким выдвижным отделением, которое позволило удобно расположить ящик, оставив настольную поверхность свободной. Когда ящик открыли, мы увидели медную раскатную плиту,

небольшой валик и двадцать четыре «пешки», на которые Полтон взирал со смесью изумления и триумфа.

— Это все штемпели? — поинтересовался судья, с любопытством разглядывая набор деревянных рукояток.

— Да, милорд, — ответил Торндайк, — и каждый снят с отдельного отпечатка большого пальца заключенного.

— Но зачем столько? — спросил судья.

— Я размножил их, — ответил Торндайк, выдавив каплю чернил для снятия отпечатков пальцев на раскатную плиту и раскатывая ее до тонкой пленки, — чтобы избежать предательского однообразия единственного штемпеля. И, надо сказать, в высшей степени важно, чтобы эксперты не знали об использовании нескольких штемпелей.

— Да, я понимаю, — сказал судья. — А вы понимаете, сэр Гектор? — добавил он, обращаясь к адвокату, который сухо кивнул, явно относясь ко всей процедуре с крайней неприязнью.

Торндайк окунул в чернила один из штемпелей и передал его судье. Тот с любопытством осмотрел его, прижал к листку чистой бумаги, на котором немедленно появился очень отчетливый отпечаток человеческого большого пальца, и воскликнул:

— Изумительно! В высшей степени изобретательно! Слишком изобретательно! — Он слегка улыбнулся и добавил, передавая штемпель и бумагу старшине присяжных: — Хорошо, доктор Торндайк, что вы на стороне закона и порядка, потому что, боюсь, если бы вы были на другой стороне, вас одного было бы слишком много для полиции. Теперь, если вы готовы, приступим. Не могли бы вы оставить отпечаток на квадрате номер «три»?

Торндайк вынул штемпель, пропитал его чернилами и аккуратно прижал к указанному квадрату, оставив там четкий, ясный отпечаток большого пальца.

Процедура была повторена на девяти других квадратах, причем для каждого отпечатка использовался новый штемпель. Затем судья поставил отпечатки в десяти соответствующих квадратах на двух других листах бумаги и, проверив их, попросил старшину показать лист с фальшивыми отпечатками присяжным вместе с листом, который они должны будут оставить себе, чтобы проверять ответы свидетелей-экспертов. Когда с этим было покончено, обвиняемого привели со скамьи подсудимых и поставили перед судьей. Судья с любопытством и без всякого недоброжелательства посмотрел на этого красивого, мужественного человека, который обвинялся в преступлении столь подлом и так не вяжущимся с его внешностью, и я, заметив этот взгляд, понял, что, по крайней мере, дело Рубена будет разбираться без предубеждения и даже с предрасположением к обвиняемому.

Оставшуюся часть опыта Торндайк провел осторожно и взвешенно. Чернила на раскатной плите заново раскатывались для каждого отпечатка, после каждой процедуры большой палец очищался бензином и тщательно высушивался, когда процесс был завершен, и обвиняемый вернулся на скамью подсудимых, двадцать квадратов на бумаге были украшены двадцатью отпечатками большого пальца, которые, на мой взгляд, были идентичны.

Судья с минуту сосредоточенно изучал этот единственный в своем роде документ и, видимо, не знал, хмуриться ему или улыбаться. Наконец, когда все мы вернулись на свои места, он приказал приставу ввести свидетелей.

Меня позабавили изменения, которые произошли в экспертах за короткий промежуток времени. Доверительная улыбка, торжествующий вид игрока, выкладывающего козырную карту, исчезли, и лица обоих выражали тревогу и мрачные предчувствия.

— Мистер Синглтон, — сказал судья, — вот лист бумаги с двадцатью отпечатками большого пальца. Десять из них — подлинные отпечатки левого большого пальца обвиняемого, а другие десять — подделки. Пожалуйста, изучите их и отметьте, какие являются подлинными, а какие подделаны. Когда сделаете ваши заметки, бумага будет передана мистеру Нэшу.

— Есть ли возражения против того, чтобы я использовал для сравнения фотографию, которой располагаю, милорд? — спросил мистер Синглтон.

— Думаю, нет, — ответил судья. — Что скажете, мистер Энсти?

— Никаких возражений, милорд, — ответил Энсти.

Мистер Синглтон достал из кармана увеличенную фотографию отпечатка и увеличительное стекло, с помощью которого начал изучать набор отпечатков на бумаге; когда он приступил к делу, я с удовлетворением отметил, что выражение его лица становилось все более нерешительным и обеспокоенным. Время от времени он обращался к листку для записей, который лежал перед ним, и, чем чаще к нему обращался, тем мрачнее, озадаченнее и угрюмее становился.

Он выпрямился, и, взяв листок для записей, обратился к судье:

— Я закончил свое исследование, милорд.

— Очень хорошо. Мистер Нэш, не будете ли вы так любезны изучить эту бумагу и записать результаты вашего исследования.

— О! Мне хотелось бы, чтобы они поторопились, — прошептала Джульет. — Вы думаете, они смогут отличить настоящие отпечатки пальцев от фальшивых?

— Не могу сказать, — ответил я, — но скоро мы это узнаем. Для меня все они выглядят одинаково.

Мистер Нэш производил свое исследование с невыносимой тщательностью, сохраняя вид бесстрастный и внимательный, но, наконец, он тоже завершил свои заметки и передал бумагу приставу.

— Теперь, мистер Синглтон, — сказал судья, — мы выслушаем ваши заключения. Вы уже приведены к присяге.

Мистер Синглтон поднялся на место для свидетелей и, положив перед собой свои заметки, повернулся к судье.

— Вы изучили лист бумаги, который был вам передан? — спросил сэр Гектор Трамплер.

— Да.

— Что вы увидели?

— Я увидел двадцать отпечатков большого пальца, некоторые из которых — очевидная подделка, некоторые — явно подлинные, а некоторые оставляют двойственное впечатление.

— Если рассматривать отпечатки по порядку, что вы записали относительно них?

Мистер Синглтон заглянул в свои заметки и ответил:

— Отпечаток пальца в квадрате «один» — очевидная подделка, также и номер два, хотя это сносная имитация. «Три» и «четыре» — подлинные, «пять» — явная подделка. «Шесть» — подлинный отпечаток пальца, «семь» — подделка, хотя хорошая. «Восемь» — подлинный, «девять», я думаю, подделка, хотя замечательно выполненная имитация. «Десять» и «одиннадцать» — подлинные отпечатки, «двенадцать» и «тринадцать» — подделки. Относительно «четырнадцатого» я сомневаюсь, хотя склонен считать его подделкой. «Пятнадцать», «шестнадцать» и «семнадцать» — подлинные. Относительно «восемнадцатого» и «девятнадцатого» я сомневаюсь, но склонен рассматривать их как подделки. «Двадцать» — определенно подлинный отпечаток пальца.

Когда мистер Синглтон начал давать показания, на лице судьи начало появляться выражение удивления, в то время как присяжные с нескрываемым изумлением переводили взгляд со свидетеля на заметки, лежащие перед ними, и со своих заметок друг на друга.

Что касается сэра Гектора Трамплера, то это светило британской юриспруденции находилось в совершенном тумане, ибо, по мере того как одно утверждение следовало за другим, он сжимал губы, и его широкое красное лицо омрачалось выражением крайнего замешательства. В течение нескольких секунд он беспомощно смотрел на своего свидетеля, а затем упал на скамью с шумом, который разнесся по всему залу.

— Вы не сомневаетесь в правильности ваших выводов? — спросил Энсти. — Например, вы полностью уверены, что отпечатки «один» и «два» — подделки?

— Не сомневаюсь. И показываю под присягой, что это подделки.

Энсти сел, а мистер Синглтон, передав свои заметки судье, покинул место для свидетелей, уступив его своему коллеге.

Мистер Нэш, слушавший показания с явным удовлетворением, поднялся на место для свидетелей. Его идентификация подлинных и фальшивых отпечатков пальцев практически совпадала с выбором мистера Синглтона.

— Я полностью уверен в верности своих утверждений, — сказал он в ответ на вопрос Энсти, — и готов присягнуть, что те отпечатки пальцев, которые я назвал фальшивыми, действительно фальшивые, и что их определение не представляет сложности для наблюдателя, работающего с отпечатками пальцев в качестве эксперта.

— Мне хотелось бы задать один вопрос, — сказал судья, когда эксперт покинул свое место, а Торндайк вернулся на него, чтобы продолжить свои показания. — Выводы свидетелей-экспертов полностью согласуются друг с другом. Но странная штука: они ложные в каждом случае. — Здесь я чуть не рассмеялся, потому что выражение самодовольного удовлетворения на лицах экспертов с молниеносной быстротой сменилось нелепой судорогой ужаса. — Когда они уверены, они полностью ошибаются; когда они сомневаются, то склоняются к ложному выводу. Это очень странное совпадение, доктор Торндайк. Вы можете объяснить его?

Лицо Торндайка, сохранявшее бесстрастное выражение, осветилось сухой улыбкой.

— Думаю, что могу, милорд, — ответил он. — Цель преступника именно в исполнении подделки, которая обманула бы тех, кто будет ее исследовать. Для меня очевидно, что эксперты были бы не способны отличить настоящие отпечатки пальцев от поддельных, и что по этой причине они искали бы какие-то сопутствующие указания, которые могли бы помочь им. Как следствие, я предложил им эти сопутствующие указания. Если с одного пальца снять десять отпечатков без специальных предосторожностей, вероятно, случится так, что среди них не будет двух похожих, потому что палец, будучи закругленным предметом, касается бумаги лишь одной частью, и полученные отпечатки будут немного варьироваться, в зависимости от того, с какой части пальца делается отпечаток. Но штемпель, который я использую, имеет плоскую поверхность, наподобие шрифтового печатающего устройства, и всегда оставляет один и тот же след. Он не воспроизводит кончик пальца, а лишь конкретный отпечаток, и, если десять отпечатков сделаны одним штемпелем, каждый отпечаток будет механическим повторением остальных девяти. Таким образом, на листе, содержащем двадцать отпечатков пальцев, из которых десять являются подделками, сделанными одним и тем же штемпелем, было бы просто отличить десять поддельных отпечатков хотя бы потому, что они механически повторяют друг друга, в то время как подлинные отпечатки должны иметь мелкие различия в положении пальца.

Я позаботился оставить каждый отпечаток отдельным штемпелем, а все штемпели были сделаны с разных отпечатков пальца, далее, когда я делал штемпели, то отобрал отпечатки, которые различались так сильно, как только возможно. Более того, когда я оставлял настоящие отпечатки пальцев, то позаботился о том, чтобы каждый раз прижимать палец к бумаге в одном и том же положении. Так и получилось, что на листе, представленном на рассмотрение экспертов, подлинные отпечатки пальцев были почти одинаковыми, в то время как подделки обнаруживали значительные различия. Случаи, в которых свидетели были вполне уверены, — это случаи, где мне удалось, чтобы подлинные отпечатки повторяли друг друга, а сомнительные случаи — это те, в которых я частично потерпел неудачу.

— Благодарю вас, это вполне понятно, — сказал судья с улыбкой глубокого удовлетворения. — Теперь мы можем продолжать, мистер Энсти.

— Вы сказали нам, — возобновил допрос мистер Энсти, — и представили доказательства, что можно подделать отпечаток пальца так, что установить это будет невозможным. Вы также утверждали, что отпечаток пальца на бумаге, найденной в сейфе мистера Хорнби, подделка. Вы имеете в виду, что он может быть подделкой, или что он действительно является ею?

— Я имею в виду, что это действительно подделка.

— Когда вы впервые пришли к такому выводу?

— Когда увидел его в Скотланд-Ярде. Три факта приводят к этому выводу. Во-первых, отпечаток явно был оставлен с помощью жидкой крови, и все же это был превосходно ясный и отчетливый отпечаток. Но его нельзя оставить чистой кровью без использования раскатной плиты и валика, даже если очень стараться, и тем более он не мог быть оставлен с помощью случайного пятна.

Во-вторых, измеряя отпечаток микрометром, я обнаружил, что он не совпадает с размерами подлинного отпечатка пальца Рубена Хорнби. Он заметно больше. Я сфотографировал отпечаток рядом с микрометром и сравнил его с подлинным, также сфотографированным рядом с тем же микрометром, и обнаружил, что подозрительный отпечаток больше на одну сороковую дюйма. Здесь у меня две увеличенные фотографии, на которых расхождение в размере ясно показано посредством линий микрометра, я принес и сам микрометр, если суд пожелает проверить эти фотографии.

— Благодарю вас, — сказал судья, — мы примем ваше свидетельство под присягой, если ученый представитель обвинения не потребует проверки.

Он взял фотографии, которые дал ему Торндайк, и, внимательно просмотрев, передал их присяжным.

— Третий факт, — продолжал Торндайк, — гораздо более важен, потому что он не только доказывает, что этот отпечаток — подделка, но и пре-

доставляет ключ к ее происхождению, а, следовательно, и к личности подделывателя. — Здесь в зале суда установилась тишина столь глубокая, что было слышно тиканье часов. Я взглянул на Уолтера, который сидел, неподвижный и прямой, на конце скамьи, и увидел, как ужасная бледность залила его лицо, а лоб покрылся каплями пота. — Рассматривая отпечаток вблизи, я заметил в одном месте маленькую белую отметину или промежуток. Он был в форме прописной S и, очевидно, появился вследствие дефекта на бумаге — свободного волокна, которое приклеилось к пальцу и отделилось от бумаги, оставив там пустое пространство. Но, исследуя бумагу под микроскопом, я обнаружил, что поверхность не тронута. От нее не было отделено ни одного свободного волокна, иначе это было бы видно. Напрашивался вывод, что свободное волокно существовало, но не на бумаге, найденной в сейфе, а на бумаге, где был сделан первоначальный отпечаток пальца. Насколько я знал, существовал лишь один отпечаток большого пальца Рубена Хорнби — в «Пальцеграфе». По моей просьбе миссис Хорнби принесла «Пальцеграф» ко мне на квартиру, и, исследуя отпечаток пальца Рубена Хорнби, я нашел на нем мельчайший S-образный промежуток, занимающий то же положение, что и на красном отпечатке. А когда я посмотрел на него через мощную линзу, то смог отчетливо увидеть маленький желобок в бумаге, в которой лежало волокно, и из которой оно было поднято пальцем, испачканным чернилами. Как следствие, я провел сравнение следов на двух отпечатках пальцев и обнаружил, что форма их идентична, как показало наложение друг на друга сильно увеличенных фотографий обеих отметин, что этот след пересекал бороздки отпечатка одним и тем же образом и точно в одних и тех же местах.

— Вы говорите, что красный отпечаток пальца определенно подделка?

— Да, и я также утверждаю, что подделка выполнена с помощью «Пальцеграфа».

— Сходство не может быть просто совпадением?

— Нет. По закону вероятностей, который столь ясно изложил мистер Синглтон в своих показаниях, шанс на это — один против огромного количества миллионов. Здесь два отпечатка, сделанные в разных местах и разными способами — с интервалом в несколько недель.

— Как вы объясняете присутствие дефибринированной крови в сейфе?

— Вероятно, она использовалась подделывателем для изготовления отпечатка пальца, для каковой цели свежая кровь была бы менее подходящей по причине свертывания. Скорее всего, он принес небольшое количество крови в бутылке вместе с карманной раскатной плитой и валиком. Таким образом, он мог капнуть крови на раскатную плиту, раскатать ее до тонкой пленки и сделать отчетливый отпечаток с помощью штемпеля. Нужно помнить, что эти предосторожности были совершенно необхо-

димы, потому что он должен был сделать узнаваемый отпечаток с первой попытки. Неудача и вторая попытка разрушили бы впечатление случайности и могли возбудить подозрения.

— Вы сделали увеличенные фотографии отпечатков большого пальца, нет ли их у вас с собой?

— Да. У меня две увеличенные фотографии, одна — снимок отпечатка из «Пальцеграфа», а другая — красного отпечатка. На обеих очень хорошо виден белый след, и они могут пригодиться при сравнении оригиналов. — Торндайк передал две фотографии судье вместе с «Пальцеграфом», листком для записей и сильной двойной лупой, чтобы он мог исследовать их.

Судья изучил два оригинальных документа с помощью лупы и сравнил их с фотографиями, одобрительно кивая, когда находил совпадения. Затем передал их присяжным и сделал пометку в своих записях.

Пока это происходило, мое внимание привлек Уолтер Хорнби. Выражение ужаса и дикого отчаяния застыло на его покрытом испариной лице, которое пугало своей бледностью. Он украдкой смотрел на Торндайка, и, когда я заметил убийственную ненависть в его глазах, я вспомнил наше полуночное приключение на Джон-стрит и загадочную сигару.

Внезапно он встал, вытер лоб дрожащей рукой, медленно направился к двери и вышел. Видимо, я был не единственным зрителем, интересовавшимся его действиями, потому что, едва дверь за ним закрылась, суперинтендант Миллер поднялся со своего места и вышел через другую дверь.

— Вы хотите провести перекрестный допрос этого свидетеля? — поинтересовался судья, взглянув на сэра Гектора Трамплера.

— Нет, милорд, — был ответ.

— У вас есть еще свидетели, мистер Энсти?

— Только один, милорд, — ответил Энсти, — обвиняемый, которого я вызову на свидетельское место для проформы, чтобы он мог дать показания под присягой.

Рубен был препровожден со скамьи подсудимых на место для свидетелей и, принеся присягу, сделал торжественное заявление о своей невиновности. Последовал краткий перекрестный допрос, из которого ничего не было установлено, за исключением того факта, что Рубен провел вечер в своем клубе, вернулся домой около половины одиннадцатого и открыл дверь своим ключом. Наконец обвиняемый был уведен на скамью подсудимых, и пришло время для заключительных речей.

— Милорд и господа присяжные, — начал Энсти своим мягким голосом, — я не предполагаю занимать ваше время длинной речью. Показания, которые были доведены до вашего сведения, столь ясны, четки и убедительны, что вы, несомненно, придете к вашему вердикту не под впечатлением

риторических ухищрений с моей стороны или со стороны ученого представителя обвинения.

Несмотря на это, желательно выделить из общей массы показаний те факты, которые действительно являются важными и ключевыми.

Факт, который господствует над всем этим делом, следующий: связь обвиняемого с делом основывается лишь на полицейской теории о непогрешимости отпечатков пальцев. Помимо отпечатка большого пальца, ничто не бросает на него даже легчайшей тени подозрения. Вы слышали, что его описывали как человека незапятнанной чести и безупречного характера, как человека, которому безоговорочно доверяют те, кто имел с ним дела. И этот характер был обрисован не случайным незнакомцем, а тем, кто знал его с детства. Его показания — это рассказ о благородном человеке. Жизнь обвиняемого была жизнью прямого, чистого человека и джентльмена. А теперь он стоит перед вами, обвиненный в непростительном, презренном воровстве, обвиненный в том, что обокрал своего благодетеля, брата своего отца, который строил планы и радел о его благополучии. Короче говоря, джентльмены, обвиненный в преступлении, которое представляется невообразимым, если рассмотреть каждое обстоятельство, связанное с этим человеком, и каждую черту его характера, насколько он нам известен. На каком же основании этот джентльмен был обвинен в этом жалком и отвратительном преступлении? Говоря без ухищрений, основания для обвинения следующие: некий ученый и выдающийся муж науки сделал утверждение, которое полиция не только приняла, но на практике расширила его первоначальное значение. Это утверждение звучит следующим образом: «Совершенное или почти совершенное совпадение двух отпечатков одного пальца… свидетельствует — и это свидетельство не требует подтверждения — что эти отпечатки были взяты у одного и того же человека».

Оно, джентльмены, вводит в заблуждение, так как на практике далеко от истины и прямо противоречит факту, что отпечаток пальца без других улик не имеет ни малейшей цены. Из всех видов подделок подделка отпечатка пальца самая простая и безопасная, как вы видели сегодня в этом зале. Кратко напомню вам факты, которые бросаются в глаза. Обвинение основывается на утверждении, что отпечаток пальца, найденный в сейфе, был оставлен обвиняемым. Так ли это на самом деле? У вас есть убедительные показания о том, что это не так. Этот отпечаток пальца отличается по размеру от подлинного отпечатка его пальца. Отличие невелико, но оно является роковым для полицейской теории, два отпечатка не были идентичны.

Но если это не отпечаток обвиняемого, то что это? Сходство с подлинником слишком большое, чтобы это был отпечаток другого лица, потому что он воспроизводит не только рисунок бороздок большого пальца обви-

няемого, но и шрам от старой раны. Ответ, который я предлагаю на этот вопрос, следующий: это была намеренная имитация отпечатка пальца обвиняемого, сделанная с целью бросить на него подозрение и таким образом обеспечить безопасность настоящему преступнику. Существуют ли факты, поддерживающие эту теорию?

Во-первых, это те факты, которые я только что упомянул, — красный отпечаток большого пальца не совпадает с подлинным отпечатком по размерам, следовательно, это — подделка.

Во-вторых, этот отпечаток явно сделан с помощью определенных приспособлений и материалов, и один из этих материалов, а именно дефибринированная кровь, был найден в сейфе.

В-третьих, красный отпечаток воспроизводит случайную особенность отпечатка в «Пальцеграфе». Если красный отпечаток — подделка, то он сделан именно на основе «Пальцеграфа». Случайное пятно в форме буквы S в «Пальцеграфе» объясняется состоянием бумаги; появление этого следа в красном отпечатке пальца не объясняется особенностями бумаги и не может быть объяснено никак, кроме того, что он был копией другого пятна. Таким образом, неизбежен вывод, что красный отпечаток пальца является фотомеханическим воспроизведением отпечатка из «Пальцеграфа».

Но если красный отпечаток — подделка, подделыватель должен был иметь доступ к «Пальцеграфу». Вы слышали примечательную историю миссис Хорнби о загадочном исчезновении «Пальцеграфа» и еще более таинственном его возвращении. Эта история не оставляет сомнений, что некое лицо тайком взяло его и через какой-то промежуток времени тайно вернуло на место. Таким образом, теория подделки получает подтверждение по всем пунктам и согласуется со всеми известными фактами. Как следствие, джентльмены, я заявляю, что невиновность обвиняемого доказана самым полным и убедительным образом, и прошу вас вынести вердикт в соответствии с этим доказательством.

Когда Энсти сел на свое место, с галереи раздался тихий гул одобрения. Он сразу же затих после жеста неодобрения со стороны судьи, и зал погрузился в молчание, лишь часы с циничным безразличием продолжали сообщать в отрывисто-монотонной манере о течении ускользающих мгновений.

— Он спасен, доктор Джервис! О! Конечно он спасен! — воскликнула Джульет возбужденным шепотом. — Теперь они должны увидеть, что он невиновен.

— Потерпите еще немного, — ответил я. — Скоро все закончится.

Сэр Гектор Трамплер уже встал и, устремив на присяжных суровый гипнотический взгляд, начал свою речь с поистине восхитительным видом искренней убежденности в своих словах.

— Милорд и господа присяжные! Как я уже отмечал, дело, которое разбирается сейчас в этом суде, таково, что человеческая природа в нем предстает в крайне неблагоприятном свете. Но мне нет нужды настаивать на этом аспекте дела, который, без сомнения, уже произвел на вас достаточное впечатление. Для меня необходимо лишь, как это хорошо выразил мой ученый друг, выпутать подлинные факты дела из паутины казуистики, которая была сплетена вокруг них.

Эти факты крайне просты. Был открыт сейф, и из него была извлечена собственность огромной ценности. Он был открыт посредством фальшивых ключей. Два человека время от времени имели доступ к подлинным ключам и, таким образом, имели возможность снять с них копии. Когда сейф был открыт его настоящим владельцем, собственность исчезла, и был найден отпечаток большого пальца одного из этих двух людей. Этого отпечатка пальца не было, когда сейф закрывали. Человек, чей отпечаток пальца был найден, левша, отпечаток оставлен большим пальцем левой руки. Кажется, джентльмены, вывод столь очевиден, что не найдется здравомыслящего человека, который вздумает опровергать его, и я утверждаю, что лицо, чей отпечаток пальца найден в сейфе, — это лицо, похитившее собственность из сейфа. Но отпечаток пальца, по общему признанию, принадлежит обвиняемому, и, таким образом, обвиняемый — лицо, укравшее алмазы из сейфа.

Верно, что были предприняты некоторые фантастические попытки объяснить эти очевидные факты. Были предложены некоторые искусственные научные теории, имела место демонстрация фокусов, которая, осмелюсь думать, была бы уместнее в каком-либо месте, предназначенном для увеселения публики, чем в зале суда. Она даже была поучительна, показав, до какой степени ложно направленная изобретательность может извратить ясные факты. Но если вы не готовы рассматривать это преступление как изощренный обман или как шутку, вы должны все же прийти к единственному выводу, допускаемому фактами: что сейф был открыт, а собственность извлечена обвиняемым. Как следствие, джентльмены, я прошу вас вынести вердикт в соответствии с показаниями, и он не может быть иным, чем — «обвиняемый виновен в преступлении, в котором его обвиняют».

Сэр Гектор сел, а присяжные, слушавшие его речь с большим вниманием, с ожиданием посмотрели на судью, словно говоря: «И кому же из двух мы должны верить?»

Судья перелистал свои заметки с видом полного самообладания, затем обратился к присяжным:

— Нет необходимости, джентльмены, занимать ваше время всесторонним анализом показаний, вы сами их слышали. Изучение этих показаний демонстрирует, что все дело сводится к одному вопросу, а именно: «Был

ли отпечаток большого пальца, найденный в сейфе мистера Хорнби, оставлен обвиняемым или нет?» Если он оставлен обвиняемым, тогда обвиняемый должен был, по меньшей мере, присутствовать при незаконном вскрытии сейфа. Если этот отпечаток пальца не был оставлен обвиняемым, ничто не позволяет связать его с преступлением. Этот вопрос — вопрос факта, относительно которого вы обязаны принять решение.

Теперь давайте рассмотрим этот вопрос в свете показаний. Этот отпечаток пальца либо оставлен обвиняемым, либо нет. Какие показания были сделаны, чтобы доказать вину обвиняемого? Показания о рисунке бороздок. Он идентичен с рисунком его большого пальца и даже несет на себе след шрама, который специфическим образом пересекает рисунок на большом пальце обвиняемого. Но было высказано мнение, что это не подлинный отпечаток пальца, а его механическое воспроизведение — по существу, подделка.

Таким образом, более общий вопрос сводится к более частному вопросу: «Это подлинный отпечаток большого пальца или подделка?» Какие показания подтверждают, что это подлинный отпечаток? Никаких. Идентичность рисунка не свидетельствует об этом, потому что подделка также демонстрирует идентичность рисунка. Подлинность отпечатка пальца была принята обвинением, но никаких свидетельств этого не было представлено.

Но какие показания свидетельствуют о том, что красный отпечаток пальца — подделка?

Во-первых, показания о размере. Два отпечатка разных размеров вряд ли могут быть оставлены одним и тем же большим пальцем. Далее, показания об использовании приспособлений. Взломщики сейфов обычно не обеспечивают себя раскатными плитами и валиками, чтобы с их помощью оставить отчетливые следы своих собственных пальцев. Наконец, это странное исчезновение «Пальцеграфа» и его странное возвращение. Все это поразительные и весомые показания, к которым нужно добавить те, что представил доктор Торндайк, показав, насколько совершенно можно воспроизвести отпечаток пальца.

Таковы главные факты в этом деле, и вы должны рассмотреть их. Если после тщательного рассмотрения вы решите, что красный отпечаток большого пальца был действительно оставлен обвиняемым, тогда вашим долгом будет признать обвиняемого виновным; но если, взвесив показания, вы решите, что отпечаток большого пальца — подделка, тогда вашим долгом будет признать обвиняемого невиновным. Если вам угодно, вы можете удалиться для обсуждения вашего вердикта, пока суд сделает перерыв.

Присяжные пошептались несколько секунд, а затем старшина поднялся и сказал:

— Мы согласны в нашем вердикте, милорд.

Обвиняемый, которого только что отвели на скамью подсудимых, был приведен к барьеру, отделяющему его от остальной части зала. Клерк в сером парике встал и обратился к присяжным:

— Вы все согласны в вашем вердикте, джентльмены?

— Да, — ответил старшина.

— Что вы скажете, джентльмены? Виновен обвиняемый или невиновен?

— Невиновен, — ответил старшина, возвышая голос и бросая взгляд на Рубена.

Буря аплодисментов грянула на галерее, и в этот раз судья не обратил на нее внимания. Миссис Хорнби громко засмеялась — странным, неестественным смехом, а затем запихнула себе в рот носовой платок и сидела так, глядя на Рубена со слезами, катившимися по ее лицу, в то время как Джульет уронила голову на стол перед собой и молча рыдала.

Через несколько секунд судья поднял руку и, когда возбуждение улеглось, обратился к обвиняемому, который стоял перед барьером, спокойный и владеющий собой, хотя лицо его слегка покраснело:

— Рубен Хорнби, присяжные, должным образом взвесив все показания в этом деле, нашли вас невиновным в преступлении, в котором вы обвинялись. С этим вердиктом я согласен от всего сердца. В свете показаний, которые были даны, никакой другой вердикт, как я считаю, не был возможен, и осмелюсь сказать, что вы покидаете этот зал полностью оправданным и с незапятнанной репутацией. Симпатии суда и всех присутствующих были на вашей стороне в несчастье, которое вы перенесли, сейчас эти симпатии с вами в радости, которую доставил вам вердикт присяжных.

Я хочу выразить свое восхищение тем, как была проведена защита, и хочу особо заметить, что не только вы один, но и публика в целом глубоко обязаны доктору Торндайку, который своей проницательностью, знаниями и изобретательностью, вероятно, предотвратил очень серьезную ошибку правосудия. Теперь суд делает перерыв до половины третьего.

Судья поднялся со своего места, все присутствующие тоже встали, дверь, ведущую к скамье подсудимых, открыл приветливо улыбавшийся офицер полиции, и Рубен спустился по ступенькам в зал суда.

Глава 17
И последнее

— Было бы лучше подождать, пока публика разойдется, — сказал Торндайк, когда первые поздравления закончились, и мы стояли рядом с Рубеном в быстро пустевшем зале. — Иначе, когда мы выйдем, нас может ожидать демонстрация чувств.

— Нет; сейчас все, что угодно, только не это, — ответил Рубен. Он еще сжимал руку миссис Хорнби, а с другой стороны его держал под руку дядя, который время от времени вытирал слезы, хотя его лицо светилось от удовольствия.

— Я бы хотел пригласить вас — всех наших друзей — на небольшой ланч у меня дома, — продолжил Торндайк.

— Я был бы рад, — сказал Рубен, — если бы программа включала водные процедуры.

— Вы придете, Энсти? — спросил Торндайк.

— А что у вас на ланч? — спросил Энсти, снявший мантию и парик и находившийся теперь в своем обычном состоянии духа — причудливом и несколько фривольном.

— Этот вопрос отдает обжорством, — ответил Торндайк. — Приходите и сами увидите..

— Я приду и съем, это гораздо лучше, — сказал Энсти, — а сейчас мне надо бежать, потому что я должен заглянуть к себе на квартиру.

— Как мы отправимся? — спросил Торндайк, когда его коллега исчез в дверях. — Полтон прибыл на извозчичьей карете, но она не вместит всех нас.

— Она вместит четырех из нас, — сказал Рубен, — а доктор Джервис проводит Джульет, вы не возражаете, Джервис?

Это предложение застало меня врасплох, но, тем не менее, я вздрогнул от радости и с готовностью ответил: «Если мисс Гибсон позволит мне сопровождать ее, я буду очень рад». Джульет, видимо, не разделяла моей радости, судя по краске стеснения, залившей ее лицо, однако ничего не возразила, лишь довольно холодно ответила:

— Что ж, поскольку мы не можем сидеть на крыше кеба, пойдем пешком.

Толпа к этому времени в основном разошлась, и мы спустились вниз. Кеб ждал у тротуара, окруженный группой зрителей, которые приветствовали Рубена, когда он появился в дверях. Мы проводили наших друзей, затем повернулись и быстро пошли вниз по Олд-Бейли в сторону Ладгейт-хилла.

— Вы не выглядите таким ликующим, как я ожидала, — заметила Джульет, критически взглянув на меня. — Я думала, что вы будете горды и обрадованы, но, видимо, ошиблась.

— Обрадован — да, но не горд. Почему я должен быть горд? Я всего лишь делал черную работу, и даже делал ее очень плохо.

— Вряд ли это точное изложение фактов, — возразила она, бросив на меня еще один быстрый изучающий взгляд. — Но вы сегодня в грустном расположении духа, что вовсе не похоже на вас. Это так?

— Боюсь, я себялюбивое, эгоистичное животное, — угрюмо ответил я. — Я должен быть так же весел и радостен, как и все сегодня, в то время как я сержусь из-за своих мелких неприятностей. Видите ли, теперь, когда это

дело завершено, мои обязательства перед доктором Торндайком автоматически заканчиваются, и я возвращаюсь к своей прежней жизни — тоскливому и однообразному странствию среди чужих людей — перспектива не очень вдохновляющая. Для вас это было время процесса, который принес вам только горькие чувства, а для меня это был оазис в пустыне бесцветной, монотонной жизни. Я наслаждался дружеским общением с милейшим человеком, которым восхищаюсь и уважаю больше всех людей, и участвовал с ним в событиях ярких и интересных. И я приобрел еще одного друга, и не хочу, чтобы он ушел из моей жизни, как она, кажется, намеревается сделать.

— Если вы имеете в виду меня, — улыбнулась Джульет, — то могу сказать, что, если я уйду из вашей жизни, это будет только ваша вина. Я никогда не смогу забыть все, что вы сделали для нас, вашу верность Рубену, ваш энтузиазм в его деле, не говоря уже о многих добрых поступках по отношению ко мне. А что касается того, что вы сделали свое дело плохо, вы клевещете на самого себя. Я всегда буду чувствовать, как глубоко мы вам обязаны, так же будет чувствовать Рубен, и так же, возможно, еще кое-кто.

— И кто же это? — спросил я, хотя и без большого интереса. Благодарность семьи не имела для меня большого значения.

— Ну, теперь это уже не секрет, — ответила Джульет. — Я имею в виду девушку, на которой Рубен собирается жениться. В чем дело, доктор Джервис? — добавила она удивленным тоном.

Мы проходили через ворота, которые ведут с набережной на Мидл-Темпл-лейн, и я замер под аркой, удерживая ее за руку и воззрившись на нее в крайнем изумлении:

— Девушка, на которой Рубен собирается жениться?! Но я всегда полагал, что Рубен собирается жениться на вас!

— Однако я достаточно прямо сказала вам, что это не так! — воскликнула она несколько нетерпеливо.

— О боже! Какой же я все-таки идиот!

— Определенно, это было очень глупо с вашей стороны, — мягко признала Джульет. — Причина тайны следующая: они обручились накануне того дня, когда Рубен был арестован, и, когда мы услышали о предъявленном против него обвинении, он настоял никому не говорить об этом, пока он не будет полностью оправдан. Я была единственным человеком, которому они доверились, и, поскольку поклялась хранить тайну, я, конечно, не могла рассказать вам. Но я не предполагала, что эта тема вас интересует.

— Я был болваном, — пробормотал я. — Если бы я только знал!

— А если бы знали, какое значение это имело бы для вас?

— Только то, что я был бы избавлен от многих дней и ночей ненужных самообвинений и печали.

— Но почему? — спросила она, пряча покрасневшее лицо. — Что заставляло вас упрекать себя?

— Важная причина, — ответил я. — Ведь, прежде чем истекли двадцать четыре часа с момента нашего знакомства, я уже безнадежно любил вас. Вы не догадывались об этом?

— Да, — тихо ответила она, — я догадывалась, но… но потом подумала, что ошиблась…

Некоторое время мы шли молча, пока не добрались до дальней стороны фонтана, где остановились, слушая спокойный шум воды и глядя на воробьев, принимавших ванну на краю резервуара. Джульет положила руку на один из столбиков, которые поддерживали цепь, огораживающую фонтан, и я накрыл ее своей ладонью. Так мы и стояли, когда какой-то пожилой джентльмен поднялся по ступенькам и прошел мимо фонтана. Он посмотрел на воробьев, затем на нас и пошел своей дорогой, улыбаясь и покачивая головой.

— Джульет! — сказал я.

Она быстро подняла на меня взгляд своих сияющих глаз, сопроводив его застенчивой улыбкой:

— Да?

— Почему он улыбнулся, этот старый джентльмен, когда взглянул на нас? Наверное, вспомнил собственную молодость и дал нам свое благословение.

— Возможно, — согласилась Джульет. — Он выглядит милым стариком. — Она ласково посмотрела на удаляющуюся фигуру, затем вновь повернулась ко мне.

— Вы можете простить меня, дорогая, за мою невыносимую глупость? — спросил я, когда она снова подняла на меня сияющие глаза.

— Не уверена, это было ужасно глупо с вашей стороны, — игриво проговорила она.

— Но ведь я люблю вас всем сердцем и всегда буду любить!

— Я могу простить вам все, когда вы так говорите, — мягко ответила Джульет.

Тут в отдалении раздался голос часов Темпла, заявляя вежливый протест. С бесконечной неохотой мы отвернулись от фонтана, который окропил нас прощальным благословением, и медленно отправились обратно к Миддл-Темпл-лейн.

— Но вы еще не сказали о своих чувствах, Джульет, — прошептал я, когда мы проходили под аркой.

— Не сказала, дорогой? Но вы ведь и сами знаете, не так ли?

— Да, я знаю. И знать это — все, чего желает мое сердце.

Она нежно пожала мою руку, и мы вошли в аркаду. ❑

Перевод с английского ***Петра Моисеева***